

№ 2

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Натиг РАСУЛЗАДЕ. Артуркина любовь. <i>Рассказ</i>	3
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. <i>Рассказы</i>	36
Валентин ДЖУМАЗАДЕ. <i>Рассказы</i>	61
Гусейнбала МИРАЛАМОВ. Медальон. <i>Рассказ</i>	120
Рамиз МОВСУМ. Армянский вандализм в советские времена. <i>Быль</i>	128

ПОЭЗИЯ

Шахрун СУЛЕЙМАНОВА. <i>Стихи</i>	3
Рашид КЕРИМОВ. <i>Стихи</i>	45
Вугар ГУСЕЙНОВ. <i>Стихи</i>	88

ПУБЛИЦИСТИКА

Вилаят ГУЛИЕВ. Джемиль Александрович – исследователь мавзолея Низами Гянджеви	23
Ислам АГАКЕРИМОВ. Художник в зеркале собственных творений	31
Фируз МУСТАФА. <i>Эссе</i>	48
Марк ВЕРХОВСКИЙ. Интервью с известным скрипачом из США Азером Дамировым	89
Андрей ВАСИЛЬЕВ. Ордубадские лимоны, кенгерлийские всадники и хыналыгские небожители	93
Марат ШАФИЕВ. Краткая история бакинской русскоязычной поэзии	113
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. Базис и надстройка	131

2022

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 21.01. 2022 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

ХОДЖАЛЫ 1992

ШАХРУН СУЛЕЙМАНОВА

В феврале будет снег...

В феврале будет снег.

От древнейших времен
неизменен порядок небесного хода.
Но его наступленья со страхом мы ждем
с того самого в памяти вмерзшего года.

Снег пошел в феврале. И себе я помочь
попытаюсь заботой о хлебе насущном.
О, Господь!.. Зачеркни эту стылую ночь,
где следы босых ног по сугробам колючим.

В феврале нужен снег –
под покровом его
вызревает земля для весеннего шума.
Почему же бессчетно людей полегло,
и брожу я в полях среди них,
как безумный.

Снег – забава, он в радость всегда малышне.
Отчего ж он на личиках детских не тает?..
И убитая мать в ледяной тишине
своё вечное чрево, обняв, согревает.

Мы младенцев, что пахнут еще молоком,
уносили подальше от этого ада,
завернув их в белую бязь снегопада.
Равнодушная смерть пожалеет ль о ком?..

Что ни пробую –
привкус горчайший во рту.
Только память свою ни за что не сотру,
и простить никогда не смогу я врагам...
Город мой в феврале спит –
открытый снегам...

Перевод Марата ШАФИЕВА

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

Артуркина любовь

Рассказ

Отец при рождении дал ему имя Аристун, Аристотель, и будто в насмешку над этим именем великого учителя, великого завоевателя и воина, мальчик Аристун родился больным, неполноценным, что с каждым днем, с каждым месяцем все более отчетливо и явно проявлялось на лице ребенка. Однако имя менять не стали, и отец называл его Артуркой в честь своего погибшего русского друга.

Это был странный поезд: состав из тринадцати товарных вагонов, который замыкал единственный пассажирский. В нем и жил божий человек, мальчик Артурка.

Состав шел по своему маршруту и своевременно делал остановки, где товарные вагоны то разгружали, то загружали, потом их крепко запирали, и состав, отстояв на станции положенное время, плавно отходил от перрона и продолжал свой путь, а о пассажирском вагоне будто все позабыли, никто не обращал на него внимания, несмотря на то, что он был тут, в самом хвосте поезда и своей чистотой и ярко-зеленой окраской резко выделялся от отталкивающе грязных, невзрачных слепых без окон товарных вагонов. Тем не менее, как ни странно, в единственном пассажирском вагоне имелось все, что необходимо для нормальной жизни – вагон был снабжен водой, электричеством, было в нем тепло и уютно, что вовсе не лишним было в ту холодную морозную январскую погоду, когда то и дело поднималась метель и принималась кружить в степи, по которой тащился состав. Артурка смотрел в мерзлое окно на метель, надышав маленькие кружочки в стекле, и думал.

Он не знал, сколько ему лет, никогда об этом не задумывался, но урывками вспоминал свое детство, некоторые яркие моменты – как вспышки – из детских лет, и казалось ему, что это не его детство, а чье-то чужое, потом – напротив: чудилось, что они были совсем недавно, эти вспышки, может, даже на прошлой неделе, и хотелось вернуться и что-то исправить, сделать иначе, будто в ровном движении поезда разладилось нечто такое, что беспокоило, лишало комфорта, как ресница в глазу, как бешеное сердечное биение, как беспричинный озноб. Сейчас ему было семнадцать, выглядел он немного старше, и уже намечался небольшой, рыхлый животик от малоподвижной жизни, которая протекала у него вяло, ограниченная пространством квартиры, где он жил безвылазно, а теперь – стенами вагона, из которого не хотелось выходить даже на долгих остановках; было боязно, людям он не верил, относился подозрительно, обостренным чутьем, интуицией, что заменяло ему неразвитый ум, чувствовал в них скрытую угрозу; он любил сидеть у окна вагона и смотреть на заснеженные поля, проплывающие мимо, взгляд у него при этом был бессмысленным, как у человека, вспоминающего мечту. Попал он в этот поезд недавно, а может, уже давно, но как давно, он тоже не помнил и не старался вспомнить – бессмысленное занятие, – у Артурки со временем были испорчены отношения, и когда раньше он силился что-то вспомнить, какой-то эпизод из жизни, старался вспомнить, как давно это происходило, у него начинала сильно болеть голова. И он прекратил подобные опыты, тем более, что они были абсолютно никчемны. Какая разница, когда произошло то или иное событие: оно произошло и осталось в памяти, и это гораздо важнее, чем сроки. Какая разница, сколько ему лет, вот он живет, сидит

у окна, медленно жует бутерброд с колбасой, и острый запах чесночной колбасы что-то ему напоминает, что-то, что произошло когда-то...

Вагон, где жил Артурка, был дипломатический, в котором давным-давно ездили избранные в обществе люди, и тут для них создавали особый комфорт, чтобы они ни в чем в поездке не нуждались; был, разумеется, и обслуживающий персонал, чего, разумеется, у Артурки не было. Он сам был обслуживающим персоналом и, как умел, обслуживал самого себя. Он ничем не занимался, просто смотрел в окно, и о нем, как ни странно, будто все позабыли: никто из чиновников железной дороги на редких остановках поезда не входил к нему, не интересовался, кто он и зачем он здесь, не обращали внимания даже на резко выделявшийся от товарного состава вагон, будто он, этот вагон, был невидим и играл с людьми в прятки, с людьми, которым не хотел показываться. А служащие на железной дороге, на станциях даже близко не подходили к этому вагону, будто в нем везли прокаженных, и это длилось уже давно, а как давно – кто его знает? Артурка не любил время... Поезд тащился на средней скорости по своим делам, а красочный, яркий и уютный изнутри вагон тащился вместе с ним, но жил в отличие от всего состава товарного поезда своей необычной тихой жизнью.

Порой, когда поезд останавливался на станции по своим товарным делам, и из нутра вагонов выгружали большие мешки и коробки, ящики и сельскохозяйственное оборудование, и многое другое, и потом загружали вагоны чем-то новым, что поезду предстояло везти до определенной станции, где эти новые товары тоже ждала выгрузка, женщины, пожилые и молодые, стоявшие по краям полотна вдоль рельсов в ожидании пассажирских поездов, продававшие лепешки, пирожки, вареную кукурузу, сыр, сметану, сало, веселые, закутанные и промерзшие торговки, уже давно знавшие Артурку (потому что этот поезд, как заколдованный, двигался по кругу и через двое суток оказывался опять там же, где останавливался два дня назад), и полюбившие его за смиренный, тихий характер и бессмысленный взгляд слабоумного, угощали его, протягивали снизу в окно свои продукты, подойдя вплотную к вагону (платформы обычно хватало только на товарные вагоны, а вагон Артурки оставался, не достигнув платформы, как бы никому не нужный, как бы сиротливый), и если поезд стоял на станции долго, кто-то из молодых и бойких бабенок с веселым смехом поднимался в вагон и проводил с Артуркой счастливые полчаса, пока оставшиеся внизу зубоскалили, и пока поезд пронзительным гудком не возвещал о своем отправлении. В этих местах наблюдалась острая нехватка мужского населения, но Артурка был не совсем мужчина: он был полуребенком, полумужчина, и это очень нравилось разнузданным бабенкам.

Артурка ехал по этому огромному мегаполису, где такая мелочь, как элитный пассажирский вагон, прицепленный к товарному поезду, не вызывала ни в ком из жителей, привыкших ко всему, ни удивления, ни любопытства, в отличие от маленького провинциального городка, патриархального по своему многовековому укладу, где горожане-провинциалы еще не утратили способности удивляться по всякому поводу, а порой и без всякого более или менее веского повода, и в том маленьком сонном городке у него было множество родственников, близких и дальних, которым нравилось заботиться об умственно отсталом сироте Артурке, и заботы их порой достигали такой степени навязчивости, что Артурка близок был к тому, чтобы повеситься и избавиться от такой закрепощенной, безвольной жизни, где все заранее было установлено для него другими людьми и нельзя было ни на шаг отойти от чужих предписаний, и где он чувствовал себя очень больным и с каждым днем все хуже. И однажды, поразмыслив остатками ума, что природа у него еще не отняла, он решил, что вешаться, может, и не стоит пока, но другой смелый шаг сделать придется. И под утро, когда одна из родственниц, которую вряд ли он мог назвать конкретно, до того они все перепутались в его ослабевших мозгах, расплывающейся памяти, дежурившая в его квартирке, приставленная к нему, безмятежно спала, привыкшая, что лю-

бимый всеми юный и несмышленный, безвольный родственник ничего не предпримет без её согласия, Артурка как раз без её согласия и без согласия всей остальной орды заботливых родных и близких поднялся с постели, оделся, как умел (потому что его, семнадцатилетнего до сих пор раздевали и одевали его добровольные опекуны, точнее – опекунши), и тихо, на цыпочках, стараясь не шуметь и не скрипеть рассохшимися половицами, вышел из дома и помчался, куда глаза глядели. Улицы родного городка ему были не знакомы, но он знал, что где-то должен находиться вокзал, а на вокзале поезда, которые увезут его от бессрочного заключения в четырех стенах. Опекунство над мальчиком и надзор были строжайшими, чтобы он случайно не навредил себе сам: не упал бы в колодезь, не попал бы под машину, которых в городке было не так уж много, не ударился бы головой о стену соседнего дома, не залез бы на дерево и не рухнул бы на землю с высокой ветви, не укусил бы ненароком кого-нибудь из прохожих и не попал бы в неприятную историю, ну и так далее... У Артурки было в кармане немного денег, которые лежали в шкатулке, и от него не скрывали, потому что все няньки знали, что они ему не нужны, и он никогда не проявлял к ним интереса, но вот накануне своего побега он как раз и проявил интерес, позаимствовав из шкатулки сумму, оставленную на домашние расходы.

Родители Артурки погибли в авиакатастрофе, когда ему было четыре года, отец его был очень богатый крупный бизнесмен, и никто не мог понять, что его с семьей удерживает в таком маленьком захудалом городишке, где человеку такого масштаба было нечего делать, бизнес его был в нескольких крупных городах, и он часто навещался туда, взяв с собой и жену, и вот его последняя деловая поездка закончилась так печально. Завещания он не оставил, сына до сих пор ни один психиатр официально не засвидетельствовал, как слабоумного, над кем требовалось опекунство, и родные – точнее, один из них – ждали совершеннолетия Артурки, пеклись и заботились о нем, чтобы в нужное время дать ему на подпись нужные бумаги и вступить во владение огромным наследством, если только подобное понадобится. Разумеется, они и дальше не отказывались заботиться о своем подопечном, но очень уж эта забота напоминала любовь и ласку строгого режима – он полностью был во власти близких родных.

И вот Артурка вырвался на волю. На подгибающихся ногах, не привычных к долгому хождению, тяжело дыша, он, перетащив свое рыхлое тело, пересек городишко, направляясь в сторону вокзала, который был хорошо виден отовсюду, поскольку располагался на нагорной части, он прошел мимо родительской виллы, смутно вспоминая её, где теперь жила семья его дяди, доверившего его бедным родственникам, где жил он в маленькой квартирке одного из них по приказу дяди, поселившегося у них своего безответного племянника, прошел мимо отделения полиции, где у окна сидели трое в полицейской форме и играли в домино, не обратив на него внимания, прошел мимо кафе, откуда так приятно, аппетитно пахло на него запахом кофе, миновал здание школы, из которой как раз выбегали с криком и шумом дети, вырвавшиеся, как и он, на свободу... Все эти места он смутно вспоминал в своей ущербной памяти, смешавшей впечатления прошлого с мечтами о будущем, размытыми, как туманные мысли сумасшедшего...

И вот Артурка уже шагает на уставших ногах по платформе мимо чудовищно длинного, как ему показалось, серого состава из товарных вагонов, завершающегося ярким, чистеньким, будто только что вымытым к его приходу пассажирским вагоном, таким уютным, таким притягивающим взгляд, таким зовущим его, Артурку... И он подошел, толкнул дверь, будучи уверен, что она не заперта – и она и в самом деле оказалась не запертой, – и вошел в вагон, как к себе домой, но домой не в ту каморку, в которой привелось жить долгие годы, а в свой настоящий дом, где все было знакомо, будто не раз виденное в фантастических и таких реальных снах. И только он вошел в вагон, как поезд медленно тронулся, и мимо окна, к которому он прильнул, проплыли платформа, маленькая станция, начальник станции с поднятым в руке флажком, кото-

рый словно и не замечал яркий необычный вагон с глупо, беспричинно улыбающимся лицом Артурки в окне, собака на платформе, машущая хвостом и с таким же бессмысленным взглядом, как у Артурки, дворник в сером фартуке поверх тулупа с метлой, запрокинутой на плечо, тоже не обращающий внимания на не обычный для этих мест вагон, пассажир в ушанке с чемоданом в руке, толкавший дверь вагона Артурки, пока поезд медленно отходил от платформы, желавший войти в вагон и безнадежно отставший, когда поезд набрал скорость, и наконец – белый заснеженный простор, на который из тесного городишка выскочил состав, так же, как и он, Артурка, выскочил из дома на улицу, на главную улицу, что вела как раз к вокзалу, куда ей еще было вести?..

И вот теперь, если б Артурка был бы в ладах со временем, он бы знал, что живет он в вагоне и едет в поезде всего три месяца, три зимних месяца, и все эти три месяца, начиная с того утреннего часа, когда обнаружилась пропажа мальчика, его усиленно ищут, ищут и родные, и нанятые дядей сыщики, и уже почти все в городе были опрошены, собраны факты и улики, могущие привести к потерянным следам богатого наследника, ущербное слабоумие которого усиленно скрывалось от всех, и родные, несмотря на их многочисленность, обязались молчать, как могилы, поклялись перед дядей, главой рода, который и пообещал им за прилежное поведение и молчание немалую мзду, как только удастся заполучить наследство погибшей супружеской пары; о конкретной сумме наследства не знал даже сам дядя.

Артурка, далекий от подобных забот и тревог, был рад и счастлив, что наконец-то его оставили в покое, и он может сидеть в теплом вагоне и смотреть, как падают за окном хлопья снега, и думать свои размытые, растерзанные думы.

А своенравный и капризный товарный поезд, неожиданно заканчивавшийся пассажирским вагоном, ровно на минуту остановившийся в городишке, будто специально, чтобы захватить с собой Артурку, уже неизвестно когда вернется обратно, устремляясь в большой мир, в небе которого и погибли отец и мать мальчика, оставив его богатым сиротой по достижению совершеннолетия.

Поезд останавливался на незнакомых станциях незнакомых городов, из товарных вагонов выгружали различные грузы, а на их место загружали новые в ящиках, мешках, в больших контейнерах, Артурка видел, как по перрону сновали рабочие в спецодеждах, грузчики, железнодорожные служащие, важные чиновники в фуражках с блестящими козырьками, видел, как увозили на тележках по платформе мешки и контейнеры, но никогда не выходил из вагона, он боялся внешнего мира. И к нему в вагон тоже никто не входил, будто в вагоне ехал прокляженный, и люди из внешнего мира, которым доводилось видеть вагон, боялись этого маленького мирка, куда никто не решался вторгаться; вагон, обжитый Артуркой, для многих был словно невидимый, смотрели сквозь него, будто на его месте была пустота. И в этой пустоте жил семнадцатилетний мальчик, никому не нужный, кроме сыщиков и жадных, алчных родственников, оставленных в маленьком родном городишке.

Одним словом, на Артурку была объявлена охота, но необходимо было привезти его к родному дяде только живым и ни в коем случае не мертвым.

А мальчик в поезде вспоминал незнакомую тетю с размытыми очертаниями, вспоминал, как она кормила его маленькими бутербродиками в один укус, чтобы было легче прожевывать, бутерброды были с черной икрой, с красной икрой, с осетриной, с маслом и сыром, были еще яйца всмятку, женщина чайной ложкой выскабливала яйцо из скорлупы и подносила ко рту мальчика, и были разнообразные вкусные обеды и каши... И все это закончилось с побегом Артурки, но он насколько не скучал по изысканной еде, ему было все равно, что есть, и получерствые булки с сыром, что протягивали ему в окно жалостливые торговки возле платформы, были для Артурки ничуть не хуже всех тех яств, которых он лишился, – он не был ни гурманом, ни обжорой. Единственное, чего он с детства жаждал и лелеял в сумерках души своей, – это была свобода, абсолютная свобода, не доступная для нормальных людей, тысячью нитей и

многочисленными обязательствами привязанных к своей повседневной жизни; но он не был нормальным человеком, и потому, как ему казалось, жизнь должна быть именно такой: проходить в атмосфере абсолютной свободы, когда можно было бы идти, куда ноги поведут, говорить, что с языка слетит, мечтать о невозможном, не ведая, что это невозможно. Его побег не был сознательным, внезапно его душе стало чудовищно тесно в стенах квартиры, а глазам хотелось невольно лить слезы при виде женщины, протягивающей к его рту ложку с едой, эта душевная теснота копилась долгие годы, и вот – взорвалась, потрясла душу. Ему было все равно, что подписать, он в этом ничего не понимал, как и во многом другом в реальной жизни, безразлично было потерять огромное состояние, лишь бы вырваться на волю, ходить по нескончаемым незнакомым дорогам, ездить на поездах, плыть на пароходах. Глаза его утомились видеть одно и то же, им хотелось простора, как и душе Артурки.

И вот этот странный поезд будто специально появился в нужное время, в ту минуту, когда Артурка поднялся на платформу, и в нужном месте, а именно – медленно подъехал к платформе вокзала, и как только его единственный пассажир вошел, как к себе домой, в вагон, поезд так же медленно и плавно отъехал, приведя в недоумение вокзальных служащих и начальника.

В школе он не учился, и со дня гибели родителей был официально взят под опеку сердобольным дядюшкой, патроном всего рода, и приставлена была с тех же пор к Артурке родственница, бедная вдова, тоже заинтересованная в их общем деле и молчаливая, как рыба, насчет всего, что касается сплетен и слухов; дядя оплачивал её труд, и вдова, вполне довольная своей судьбой, учила Артурку читать и писать (все делалось по велению дальновидного дяди), и мальчик, пуская слюни и тяжело дыша, выводил под её наблюдением замысловатые каракули, что трудно было бы назвать буквами, но постепенно почерк выравнивался, и Артурка даже любил домашние уроки чистописания и чтения, рисования и азов арифметики, чему, как могла, учила его тетя, стараясь добросовестно выполнять указания главы рода. Изредка – когда обстоятельства не позволяли женщине оставаться с Артуркой – её заменяла другая тетя, так же проинструктированная, как первая. Только на улицу и даже во двор Артурку не пускали, создав ему в маленькой квартирке все условия для того, чтобы мальчонка, потом подросток, потом юноша ни в чем не нуждался. И он в самом деле ни в чем не нуждался, кроме свободы, кроме воли, о которой мечтают все арестанты всех времен и народов. Он смотрел в окно комнаты, позабыв свои уроки, и, тихо посапывая и издавая идиотские звуки горлом, смотрел, как мимо окна проходит жизнь маленького, периферийного городишки, и жизнь эта, проходящая мимо, тоже была маленькая и периферийная: изредка прошагает по улице прохожий, проедет мальчик на велосипеде, поплетутся мимо две старушки, сердито переругиваясь между собой, кошка спрыгнет с невысокого забора на тротуар, и все, пожалуй, больше этого улица не оживлялась никогда, потому что домик находился тоже на самой захудалой окраине этого захудалого городка.

Учение давалось нелегко, но было строго-настроено велено, чтобы слабоумный мальчик освоил письмо, мог бы писать и читать, потому как в дальнейшем это может пригодиться влиятельному дяде, да и остальная мелюзга может пожить, нагреть руки на громадном состоянии, оставленном погибшим отцом Артурки.

Мальчик, до совершеннолетия которого оставался всего один год, ехал по просторам мира, уставившись мутным взглядом, за которым нельзя было разгадать ум и сметливость, но можно было ясно увидеть глубокую печаль и тоску. Он до сих пор еще не осознал, что остался круглым сиротой на попечении дяди, хотя ему об этом говорили, настойчиво втолковывали, но безразличный, мутный взгляд его никогда не просыпался, не вспыхивал от пронзающего нормальных людей горя.

Он ехал в поезде, а детективы, нанятые влиятельным и богатым дядей, который стремился, мечтал, страстно желал стать еще богаче, наемные детективы с фо-

тографией Артурки в кармане шныряли повсюду, совали носы куда только можно и куда нельзя, расспрашивали всех, кто попадался на пути и кто отвечал на расспросы, а кто не отвечал, из того вытягивали нужную информацию оружием и деньгами, но на след убежавшего товарного поезда так и не могли напасть, потому что мало кто видел призрачный вагон.

Привыкший за долгие годы не выходить из дома, он и здесь в поезде, несмотря на порой длительные остановки на различных станциях, вполне довольствовался тем, что едет, и перед глазами его открывается неведомый мир, который он так стремился увидеть. И вагон-невидимка, в котором обосновался Артурка, был защитой его от всего внешнего мира: он видел всё, его не видел никто.

С другой стороны, ему было несколько необычно находиться одному, без призора, без опеки женщины, которую он покинул и которая кормила его вовремя, вытирала нос при насморке, стирала белье, купала его самого, следила, чтобы простыни и пододеяльники его были чистыми, накрахмаленными, и многое другое она делала, за эти годы привыкнув к Артурке и даже позабыв свои меркантильные интересы, что могли бы претвориться в жизнь, проживи он под её надзором еще год. Но он, конечно, не думал обо всем этом, о таких бытовых мелочах, когда рвался на волю, возненавидев даже свою заботливую, любящую надзирательницу. Теперь приходилось самому присматривать и ухаживать за собой.

Поезд останавливался на больших и малых станциях, из товарных вагонов что-то выгружали, что-то загружали на освобожденные места, грузчики проходили мимо вагона Артурки, не замечая ни его, ни пассажирского вагона, никто им не интересовался, кроме сыщиков и детективов, сбившихся с ног.

А дядю Магеррама в городе знали все, и знали по прозвищу «Гядеш», что означало «брат», и старик любил, когда его так называли, это укорачивало дистанцию между ним и просителем, а, как правило, его посещали преимущественно просители, каждому что-то было нужно от всесильного Гядеша, и он старался делать, что было в его силах, старался помогать, если просьбы эти хотя бы немного совпадали с его желанием. Таким образом семидесятишестилетний Гядеш завоевал любовь и симпатии почти всего населения городка, и мэр города постоянно советовался с Гядешом, прежде чем что-то предпринять касательно благоустройства, озеленения или предоставления жилища тому или иному горожанину. Гядеш умел искусно пользоваться завоеванным авторитетом вплоть до того, что если ему нужно было кого-то убрать с дороги, кто мешает претворению его идей в жизнь, он временно выпускал из городской тюрьмы кого-нибудь из рецидивистов с пожизненным сроком. Но таких случаев было немного, потому что мало кому приходило в голову пойти против Гядеша, накликав на себя, кроме всего прочего, всенародную ненависть в родном городе. Когда приходили к Гядешу люди с благодарностью после исполненной их просьбы, они, как правило, целовали ему руку, а он, как правило, с напускной сердитостью отнимал руку, слегка пожурился просителя, но все прекрасно знали, что Гядешу нравилось, когда по старой привычке в народе ему, как аксакалу, вызволившему человека из беды, или просто решившему его бытовые проблемы, или помогшему деньгами на лечение больного ребенка, или еще многое другое, в чем постоянно нуждались слабые беззащитные люди, нравилось, когда любовь народа выражалась именно таким образом – целованием руки с последующим прикладыванием руки Гядеша ко лбу, выражая тем самым ему величайшее уважение и преклонение перед его мудростью и авторитетом. Но каким бы влиятельным и богатым ни был Гядеш, его младший брат, погибший в авиакатастрофе, был значительно богаче, и сфера влияния его выходила далеко за пределы маленького родного городка, он был известным и весьма значительным лицом в большом бизнесе, и крупные бизнесмены из соседних городов вели с ним дела, советовались и восхищались его прозорливостью в столь молодые годы: он не дожил до своего сорокалетия буквально несколько дней.

Мамедрза, младший брат, и Магеррам по прозвищу «Гядеш» не были близки между собой, хотя и были родными братьями, и жены их часто виделись и поддерживали приятельские отношения, несмотря на большую разницу в годах, и жена Мамедрзы порой укоряла мужа за прохладные отношения между ним и братом, и считала, что как младший он должен был первым проявить инициативу, чтобы эти отношения потеплели и приняли бы по-настоящему братскую форму, как полагается. Но Мамедрза был человеком совершенно другого масштаба, его капитал от многообразного, многоликого и многорукого хорошо продуманного бизнеса уже почти выходил за пределы видимости, и потому на него работали десятки бухгалтеров, юристов, адвокатов, и он был председателем совета директоров крупной предпринимательской корпорации. По сравнению с ним старший брат Гядеш был местечковым миллионером, он понимал это, но, будучи неглупым человеком, не завидовал младшему брату, а только выражал про себя недовольство, что младший, будучи намного – конкретно: на двадцать три года – младше него, Гядеша, не принимал во внимание хоть и архаичное, но сохранившееся в их городке уважение и почитание старших, умение прислушиваться к их советам и следовать их указаниям. Но Мамедрза был человеком другого масштаба и намного более современным, знал четыре языка, и не мог следовать патриархальным законам и правилам, тянущим его вспять, и потому отношения между братьями оставались довольно прохладными, хотя когда виделись, изредка, Мамедрза целовал старшего брата (но не руку), а в душе Гядеш, сам не зная, почему, именно этого и хотел, чтобы младший целовал ему руку, как покровителю и защитнику рода. Мамедрза был полностью погружен в свой обширный бизнес, и все его время съедала постоянная работа в бизнесе, которую он любил, не потому, что эта работа приносила огромную прибыль, а потому что он был талантливым бизнесменом и любил работать, и если бы ему сказали, что та же самая его энергия и талант теперь будут приносить доход в стократ меньше, он бы работал с такой же энергией и любовью, весь отдаваясь работе. Единственным темным пятном на успешной жизни знаменитого бизнесмена был его большой сын, которого, выкроив из делового распорядка дней время, он с женой возили по врачам в Израиль и Германию, в США и Швейцарию, показывали светилам медицинской науки, знаменитым психиатрам, лечили по их системе, пробовали сеансы гипноза и многое другое, но успеха не было. И именно поэтому любовь к ущербному ребенку становилась все сильнее, острее и горше в душе отца и матери, и с Артуркой носились, баловали его, как могли, и сердце отца обливало кровью, когда он видел, как самые дорогие, современные игрушки, что привозил он из своих многочисленных поездок и что для других детей были бы незабываемым праздником, оставляли малыша равнодушным, и его тусклый взгляд не загорался любопытством, как у нормальных детей. Вот так, поздний, такой долгожданный ребенок... Мамедрзе было уже тридцать шесть лет, а жена была на год моложе, и были они женаты девять лет, когда родился первенец.

Кстати, это не обычное для своего рода имя Артурка, которым Мамедрза называл своего сына, в очередной раз к досаде старшего брата поправ патриархальные обычаи среды, в которой они жили, было не совсем Артурка (об этом упоминалось), а официально записанное в метрике Аристун (Аристотель), но ребенок будто в насмешку над своим громким именем родился дефективным, и с каждым месяцем, с каждым годом признаки слабоумия все резче проступали на его лице, в его внешности. А Артуркой отец его называл в честь погибшего близкого друга и своего компаньона (с которым они вместе учились на экономическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета, старейшего университета России), так нелепо ушедшего из жизни: в городе ветров Артур, друг, коллега и преданный соратник Мамедрзы, приглашенный им в Баку на высокую должность в его компании, был убит выбитым сильным ветром из окна многоэтажного дома большим осколком стекла, тяжелый осколок, как нож, вонзился в горло проходившему по улице

Артуру и чуть не снес ему голову, и верный друг Мамедрзы скончался на месте. Мамедрзу терзали печаль и угрызения совести: ведь не пригласи он друга в свой город, тот был бы жив и здоров! Второго сына у Мамедрзы не было, жена после первого больного ребенка не могла уже забеременеть, она пережила сильный шок, поначалу часто впадала в депрессию, неохотно принимала лечение. И в результате оказалось, что ребенка у них больше не будет, несмотря на то, что муж возил её по знаменитым врачам, заставлял принимать лечение то одного медицинского светила, то другого, то известных знахарей, но результат был нулевой, потому что с её стороны не наблюдалось никакого желания лечиться, она была пассивна, в ней погасла любовь к жизни. И Мамедрза стал называть своего единственного сына Аристуна Артуркой.

Гядеш приехал на похороны друга своего младшего брата из городка в столицу, зная, каким верным и близким человеком был для его брата Артур, и честь честью выразил ему соболезнования, но был против, чтобы единственного сына брат, минуя его настоящее имя, звал бы таким не обычным для них, для их семьи именем, не посоветовавшись с ним Гядешом, вполне по годам годившимся ему, Мамедрзе, в отцы. Надо сказать, что между Гядешом и Мамедрзой были рождены еще четыре девочки, примерно через каждые несколько лет, но, как ни странно, все они умерли, не дожив до года или двух: в этом родители братьев усмотрели рок судьбы, случайно поспавшей им девочек.

Про Гядеша ходили легенды, создавшие ему ореол чуть ли не святого, к нему приходили советовать, делиться радостью, делиться горем, и для каждого у Гядеша находилось доброе и мудрое слово, и многим оно помогло, многих предостерегло от неверного опасного шага, многих направило на нужный путь.

Однажды помощник Гядеша и одновременно телохранитель, верзила величиной с гориллу, но неглупый и исполнительный малый сорока пяти лет, бывший, как обычно, в курсе всех дел, что происходили в городке, доложил своему боссу, что у бедной семьи, которая копила деньги, чтобы повезти больную семилетнюю девочку в столицу республики на лечение (девочка три года как онемела от испуга, и что ни делали родители, она не могла начать говорить), украли восемь тысяч долларов и что отец девочки собирается посетить Гядеша со своей проблемой.

– Вор уже найден, – сообщил под конец своего доклада помощник.

– Он нуждается? – поинтересовался Гядеш.

– Не сказал бы... – ответил помощник. – Просто воришка, молодой, сопляк...

– Приведи его, – сказал Гядеш.

– Слушаю, Гядеш, – сказал помощник и тут же исчез.

– Сара, – позвал Гядеш громко, проводив взглядом помощника. – Рухсара!

Из кухни приплелась старуха, троюродная сестра Гядеша, много лет прислуживавшая в доме, и тупо воззрилась на него.

– Принеси мне поесть, – сказал он. – Я буду есть здесь, в кабинете, – сказал он громко и показал руками на свой стол.

Совсем недавно Гядеш потерял жену, она умерла от стремительно развивавшегося рака легких, и лечение уже было бессмысленно, она худела на глазах, и только глаза её оставались для Гядеша, горячо любившего супругу, живыми по-прежнему, за взгляд которых он готов был жизнь отдать. Она была всего на три года младше своего мужа, и прожили они вместе до золотой свадьбы, и вот она покинула его. Он устроил ей пышные похороны, вопреки её завещанию, возвел над её могилой купол с колоннами, вроде мавзолея, нечто вроде усыпальницы выдающихся людей, чтобы можно было приходить сюда и горевать в одиночестве. В день похорон и в каждый поминальный четверг, вплоть до сороковин со дня смерти жены Гядеша, к его дому стекались тысячные толпы людей, почти весь город, запрудив соседние улицы и переулки, хотел выразить соболезнование; в огромном саду Гядеша стояла такая плотная толпа, что яблоку некуда было упасть, и это не для красного словца,

а в буквальном смысле: яблони в саду Гядеша роняли перезрелые плоды, и те, не долетев до земли, застревали между плотно сгрудившимися тут людьми; люди, придя с раннего утра, стояли несколько часов, терпеливо ожидая выноса тела усопшей, зная, как боготворил её хозяин; мэр вынужден был принять меры, полиция оцепила виллу, чтобы родные и близкие могли беспрепятственно вынести из дома гроб; автомобильное движение в городе было парализовано, автобусы меняли маршруты, а многие из шоферов добровольно пригнали свои автобусы и стояли на периферии толпы, ожидая, когда понадобятся, чтобы бесплатно везти людей на кладбище; десятки мужчин из толпы, считая честью для себя, бросались помогать домашней прислуге хозяина, возводили километровые поминальные палатки, таскали отовсюду, из домов, из ресторанов и кафе столы и стулья, чтобы пришедшие могли помянуть усопшую за стаканом чая; женщины в толпе в черных, больших, как простыни, платках-чаршабах, даже те из них, кому ни разу не доводилось перекинуться и парой слов с женой хозяина, плакали навзрыд, весь город, все население искренне горевало, разделяя несчастье Гядеша, но ничто не могло утишить его боли. И в дальнейшем эта боль не становилась меньше, вопреки затверженной истине, что время лечит, он поедом ел себя, чувствуя, как в груди разрывается сердце, совесть грызла его, он обвинял себя в том, что не смог спасти самого близкого и любимого человека на свете... И пить он не умел, чтобы забыться хотя бы на время, никогда в жизни не пил спиртного, и вообще не верил, что это могло бы хоть как-то утишить его горе. Дети, разлетевшиеся по миру, прилетели на похороны, погостили, разделили с ним беду, которую он все-таки считал только своей личной бедой, и вновь разлетелись по своим делам, по своим городам, по своим жизням.

Он проводил взглядом старую стряпуху, с детства знавшую и любившую его жену, и чувство одиночества схватило его за сердце, сжало так, что стало трудно дышать и на глаза навернулись слезы.

Старуха ушла, что-то ворча еле слышно. Она была глуховата, была старше своего троюродного брата, ни на что больше не годилась, как только готовить, но была чистоплотна до сумасшествия и готовила отменно, готовила и при жизни супруги Гядеша, и хозяин привык за долгие годы к её готовке и прощал ей многое: она могла прогнать его из кабинета, если ей вдруг покажется, что именно сейчас следует делать уборку, могла спихнуть с дивана, когда он отдыхал, чтобы вытрясти покрывало, под рукой у неё работала молодая, здоровая девка, домашняя прислуга, и старуха приказывала ей, что следует сделать, а если ей казалось, что та не очень старательна, она могла вполне бесцеремонно, как свою служанку, ударить её по спине своей тростью, с которой не расставалась. Кряхтя и ворча, что хозяин обедает не в свое обычное время, она принесла глубокую пиалу-кясу с долмой из виноградных листьев. Гядеш приготовился есть, полив долму катыком, и тут как раз появился помощник, который приволок молодого парнишку, держа его за ухо и пригнув его голую чуть ли не до пола.

– Извини, Гядеш, – сказал верзила. – Мы потом придем, когда поешь, – он уже хотел выйти из комнаты, но хозяин задержал его.

– Нет, – сказал Гядеш, глянув на парня и отодвинув от себя пиалу с долмой с дразнящим, восхитительным ароматом. – У меня пропал аппетит.

– Ты кажется покойного хромого Мирзы сын? – сказал Гядеш, внимательно посмотрев на молодого человека.

– Да, – ответил парень.

– Ты знаешь, кого ты ограбил?

Парень безразлично пожал плечами.

– Мне нужны были деньги, – сказал он, помолчав.

– Этой семье, которую ты ограбил, тоже нужны были деньги, – неторопливо проговорил Гядеш. – Они их копили на лечение своего больного ребенка.

– Я не знал, – понурившись и не поднимая взгляда на хозяина, произнес парень. Воцарилось молчание.

Гядеш поднялся из-за стола, подошел к окну, постоял молча.

– Поди-ка сюда, – сказал он парню, не оборачиваясь к нему.

Паренек чуть замешкался, но весьма ощутимо подтолкнутый помощником хозяина, подошел к Гядешу.

– Посмотри в окно, – сказал Гядеш. – Что ты видишь?

Парень нервно пожал плечами.

– Ничего не вижу, – равнодушно произнес он.

– Внимательнее посмотри...

– Дерево, – сказал парень. – Вот кто-то по улице прошел. Все.

– Вот это фисташковое дерево – ему больше ста лет – мой дед посадил, оно будет так же стоять здесь, цвести весной, радовать людей, а ты, двадцатилетний, ... будешь гнить в тюрьме, как вор, как негодяй и вор, – сказал Гядеш, не повышая голоса, но так, что у паренька пошли мурашки по телу.

Парень угрюмо молчал.

– Ну, есть что сказать – говори, потом поздно будет, – произнес со значением Гядеш.

Парень, не поднимая глаз, тихо сказал:

– Мой младший брат художник, очень хорошо рисует, он должен поехать в столицу, в Баку, но у нас нет денег... совсем нет... Если он поедет учиться в Баку, он станет настоящим художником, он так рисует!.. – и парень вдруг замолчал, тихо всхлипнул, но было видно, что он хочет еще что-то добавить.

– Ну, – поощрительно произнес Гядеш.

– Он был ранен на этой войне, сорокачетырехдневной, в Карабахе, на подступах к Шуше... Сейчас говорят, ему что-то полагается получить за ранение, но я точно не знаю, он тоже, но пока получит, то, се, пятое-десятое... А экзамены в училище через несколько дней... Вот я...

Гядеш внимательно посмотрел на парня.

– Сколько там было денег? – спросил он.

– Восемь тысяч триста, – сказал парень. – В долларах.

Гядеш помолчал, пристально глядя на парня, виновато понурившего голову.

– Я когда взял пачку и увидел, что доллары, а не наши манаты, я сразу понял, что это слишком много, хотел забросить в комнату половину, но уже в доме поднялся шум, зажгли свет, – не поднимая головы, оправдывался тот. – И я убежал... – теперь парень смотрел Гядешу прямо в глаза, высказав все, что хотел, словно в ожидании приговора.

– Ладно, – проговорил Гядеш. – Максуд, – обратился он к помощнику, – возьми из кассы восемь триста, принеси сюда.

Максуд, при всем том, что за время службы у хозяина привык к его чудачествам, порой весьма эксцентричным, замешкался, хотел что-то уточнить, но хозяин нетерпеливо махнул рукой, и помощник стремительно вышел из кабинета. Через минуту он вернулся с пачкой долларов в руке.

– Сейчас, – торопливо проговорил Максуд. – Я не посчитал. В пачке десять тысяч. Сейчас отсчитаю. – И он под удивленным взглядом парня и хозяина, не отрывавшего взгляда от воришки, отсчитал лишнее и протянул нужную сумму Гядешу.

Гядеш взял деньги, взял парня за руку и вложил в его ладонь, большую мозолистую рабочую ладонь молодого человека пачку новеньких стодолларовых купюр.

– Ты пойдешь сейчас и вернешь деньги в тот дом, который ты ограбил, извинишься, – сказал Гядеш. – А твоему брату мы поможем, и если ему полагается пенсия за ранение или какие льготы, я узнаю и выхлопочу... И учиться отправим в столицу. Теперь иди.

Паренек, опешивший от подобного неожиданного жеста, когда уже был уверен, что его сейчас же отправят в тюрьму или вызовут полицию для составления протокола о признании совершенного преступления, был до того ошарашен, что не смог двинуться, и только невежливый толчок Максуда в бок вернул его к действительности. Он, придя в себя, сообразив, чего от него хотят и что пообещали, не говоря ни слова, схватил руку хозяина и, поцеловав её, приложил ко лбу. На этот раз Гядеш не стал отнимать руку. Парень торопливо на заплетавшихся ногах покинул дом Гядеша.

– Проследить? – спросил Максуд хозяина.

– Не стоит, – ответил Гядеш. – Он делает... А ты подключи нашего специалиста, пусть проверит – на самом деле хороший художник? Если правда, то, может, и поможем ему?

– Сделаю, Гядеш, – кивнул Максуд. – А как быть с украденной суммой? Забрать? Гядеш подумал и сказал:

– Да. Но не все. Оставь мальчикам половину, пока будет достаточно. Они сироты?

– Да. Ни отца, ни матери...

– Сделай, как я сказал, – произнес Гядеш. – Оставь им... четыре тысячи.

– Сделаю, Гядеш.

Это, конечно, был жест со стороны Гядеша, он мог бы попросту отослать мальчика и наказать, чтобы тот вернул деньги хозяевам, а потом помочь братьям-сиротам, но он любил порой делать подобные эффектные жесты, зная, как их восхищенно передают из уст в уста и как они поднимают его авторитет среди народа.

Выходя из кабинета, Максуд столкнулся в дверях с кухаркой Сарой.

– Ходют, – проворчала старуха, – чего ходют?.. А ты чего не поел? – бранчливо проговорила она, увидев полную кясу на столе, к которой хозяин и не притрагивался. – Разогревать не буду, ешь теперь остывший...

Гядеш официально был опекуном племянника, но он не хотел, чтобы посторонние знали о том, что его племянник Артурка – неполноценный недоумок, и потому держал его фактически взаперти под присмотром доверенного человека, родственницы, и мысли об огромном состоянии брата не давали ему покоя. Он не был бизнесменом, но стремился быть крупным меценатом и делать добро для своего города и своих близких, своих горожан. В нем не было честолюбия бизнесмена, но было другое честолюбие: он хотел быть всеобщим любимцем, и того, что он достиг до сих пор, ему было недостаточно, он думал, что мог бы сделать для родного города, как много пользы можно было бы принести людям именно родного города, тогда бы они боготворили его, отлили бы для него, Гядеша, золотой памятник при жизни. Он пока вчерне, приблизительно решал про себя потратить миллиарды брата на благоустройство своего родного города, с которым был с детства связан тысячью нитей, хотел построить современные новостройки-многоэтажки, чтобы ни один человек здесь не нуждался в хорошей квартире, в машине, чтобы у многих, достойных этого, были бы свои счета в банке, и много чего можно было бы сделать на деньги брата, если посоветоваться с хорошими экономистами, юристами, если нанять советников по этим вопросам. Но пропал племянник. Конечно, и без него могло бы все решиться в пользу Гядеша, так как он уже давно был официальным опекуном племянника, но пропажа племянника отбрасывала мрачную тень на его дальнейшие планы и мечты о рациональном, как ему казалось, использовании состояния погибшего брата. Глубоко уважение, что люди, знавшие Гядеша, питали к нему, было, пожалуй, не менее весомее, чем огромное состояние, но идеи, что он носил в себе до поры, требовали не только авторитета и веса в обществе, но в первую очередь больших денег. Он тайно советовался с лучшими юристами страны, мотал на ус их рекомендации, но камнем преткновения было исчезновение несовершеннолетнего неполноценного племянника, которого надо было выдать за полноценного уже совсем скоро, когда ему

исполнится восемнадцать лет. Тринадцать лет он заботился о племяннике, хотя нечасто его видел, поручив непосредственные заботы близким людям, женщинам, родственницам, и теперь так внезапно мальчик исчез. Хотя при его возможностях и связях можно было бы обойтись и без мальчика, везде у Гядеша были свои люди.

А что Артурка наш бессловесный? А что же... Жить бы ему и жить беззаботно, казалось, жить бы и жить, все глубже уходя в свое сумеречное одиночество в прозрачном невидимом вагоне, но судьба распорядилась иначе. На пути вагона, а значит, и убогого Артурки появилась Любовь. Да, да, так её звали – Махаббат, что означает любовь и ничего другого означать не может.

Артурка, несмотря на свои юные годы, немножко уже знал механику любви, но именно механику, когда никакие нити души не связывают тебя со столь же равнодушной партнершей, и словно оба, и девушка и парень, занимаясь сексом, соревнуются в бездушии и извращениях, каковым и является секс без любви. Это были случайные молодые бабенки на пути поезда, заглядывавшие к нему в вагон, изголодавшиеся без мужчины и в отличие от многих очень хорошо видевшие и вагон, и Артурку в нем. Видимо, этот странный вагон, прицепленный к не менее странному товарному составу, обладал такой магической способностью: кому-то себя показывал, от кого-то скрывался, он был словно живым организмом, живым существом, а Артурка внутри него был подобен его сердцу: может, потому он и впустил так запросто мальчика внутрь, что давно уже нуждался в сердце.

Девушка Махаббат стояла на платформе и дрожала от холода в одном тоненьком платице и вовсе не зимней, не по погоде обуви. Она будто кого-то ждала, но ждала неуверенно, не зная еще, этот кто-то поможет ей, или прогонит, или оставит на обледенелой пустой, безлюдной платформе дрожать и умирать от холода. Когда медленно подошел состав и остановился на вокзале, покинутом пассажирами и провожающими, она пошла на ослабевших ногах вдоль товарных вагонов, надеясь хоть в одном из них найти временное пристанище и не осмеливаясь даже смотреть в сторону так ярко и богато выглядевшего Артуркина пассажирского вагона. Но именно этот вагон подтянулся, остановив нерешительный шаг девушки, стал вровень с ней и распахнул свою дверь передней площадки. Девушка, не в силах совладать с дрожью, несмело подошла ближе к двери, из которой пахло на нее теплом и уютом и как будто бы – почудилось ей – таким желанным запахом свежее испеченного хлеба. Её неудержимо тянуло внутрь вагона, но она боялась, что её там могут обидеть, может, даже убить, кто его знает, кто там внутри?.. Но тут в двери появился Артурка, улыбаясь дружески, призывно, немного сумасшедшей кривой улыбкой, и сердце девушки тоже улыбнулось сумасшедшей улыбкой и облилось теплом...

Она вошла в вагон, и дверь тотчас же захлопнулась, и тепло внутри вагона объяло её так, что она еле устояла на ногах – так захотелось спать. Артурка, тихо мыча, смотрел на девушку, смотрел ей в глаза и кивал, показывая, как рад её приходу. И как только он появился рядом, она прильнула к нему, ища человеческое тепло, которого не знала никогда в своей короткой жизни. Она прильнула к нему, и дрожь тотчас покинула её худенькое истощенное тело, она не замечала ни его уродства, ни перекошенного, незакрывающегося, слюнявого рта, ни бессмысленного взгляда пустых глаз, ни скрюченных пальцев, которые впились ей в плечо, ни мелко трясающейся головы, которую он не мог держать ровно, она искала и нашла в нем человеческое тепло.

Махаббат было четырнадцать лет, мать бросила её в родильном доме, убежала вести дальше свою бедовую распутную жизнь, и все четырнадцать лет девочка жила в приюте для сирот, в детском доме в далеком поселке, где жила городская беднота, и жизнь её там, в этом доме, была невыносимой, она плохо питалась, часто болела, и никто, никогда не изъявлял желания позаботиться о ней, и редко она слышала ласковое слово. И тогда, немного окрепнув после очередной болезни, она решила убе-

жать из этого дома, пустого, не заполненного человеческим теплом, каким должен быть каждый дом. Она убежала в лютую стужу, не выждав хорошей погоды, не дождав до лета, жизнь здесь, скопив все свои гадости, тяжести, в одночасье обрушилась на нее, она стала задыхаться; все тяжкие годы, проведенные под этой негостеприимной крышей, хлынули в её сердце, которое чуть не разорвалось, она пронзительно поняла, что надо бежать и бежать именно сейчас, пока сердце рвется в груди, рвется на волю. И она убежала, забыв, что надо одеться потеплее, что на дворе снег и стужа, но одежда её была под замком, в общем шкафу, и без разрешения надзирательницы она не могла взять её. Она убежала, и так как сиротский приют находился недалеко от вокзала, прибежала туда в надежде, что, куда бы ни уехала, везде будет лучше или хотя бы не хуже, чем в этом доме, где никто не может и не хочет поделиться с ней человеческим теплом, а это было самое важное и, пожалуй, единственное, чего она жаждала.

И вот она в вагоне у Артурки. Она сразу поняла, что он нуждается в уходе и присмотре, в вагоне царил кавардак: все было разбросано, одежда, мусор, посуда, какие-то бумажки и грязные тряпки, лужи пролитой воды, молока на полу, когда он трясушейся, неверной рукой не мог поднести бумажный стаканчик ко рту. Она, отстранившись от него, принялась наводить порядок, заботливо собирая его одежду, обувь, аккуратно складывая вещи и вытирая пол. На столике возле окна она заметила недоеденный бутерброд с маслом и соленым сыром-шором. Она, голодная, искательно глянула на него, он улыбался своим кривым ртом, пуская слюни. Она села за столик и поела, и на душе, и в желудке у девочки стало гораздо лучше, веселее и теплее.

Даже он своим сумеречным умом, недоразвитым сознанием, но болезненно обостренными тонкими чувствами, острой, отточенной временем и заменяющей интеллект интуицией понимал, что эта девушка не из тех грубых, сладострастных бабенок, которые пролезали к нему в вагон и грубо ласкали его, и вагон почему-то распахивал перед ними свои двери, не препятствовал их приходу, видимо, у него были свои соображения насчет Артурки – что ему можно, чего нельзя, он, этот вагон, порой, словно отец, опекал мальчика, не давал ему делать глупости, что впоследствии могли бы дорого обойтись, не давал выходить там, где не следует, и не впускал никого, кого не следует впускать.

Девочка Махаббат стала жить с Артуркой в вагоне, и ничего ей не нужно было, кроме тепла в эту студеную зиму, и Артурка щедро делился с ней этим теплом. Теперь они оба подолгу сидели возле окна и смотрели на проползавшие мимо далекие снежные поля, на пробегавшие мимо близкие домики с шапкой снега на крышах, на стремительно проносящихся людей на перронах вокзалов, на которых поезд не останавливался. Им было хорошо вместе, они молчали, но постепенно Артурка начинал членораздельно произносить некоторые слова в ответ на её вопросы, слова, в которых не было необходимости, когда он жил дома под присмотром родственниц. И она охотно с ним говорила, рассказывала о себе, они спали рядышком на толстом ковре, на полу вагона, спали в обнимку, но пока и не думали о настоящей близости, им было достаточно держать друг друга в объятиях, дышать друг другу в лицо, смотреть друг другу в глаза и видеть пролетающий за окнами снег, отраженный в глазах друг друга. Они были очень похожи: оба круглые сироты, оба одиноки, оба с раненой душой, однако была и большая разница между ними: она – нищенка без гроша в кармане и без определенного будущего, он – наследник огромного состояния.

Поезд по-прежнему кружил по своему маршруту, периодически возвращаясь на ту станцию маленького провинциального городка, на которой сел в вагон Артурка.

Проходили дни, недели, как и раньше, Артурку подкармливали бойкие торговки, стоявшие вдоль дороги со своими домашними продуктами, но теперь бабы, заметив в окне девочку-подростка, уже не лезли в вагон, уже другими глазами смотрели на Артурку, и вагон не открывал для них своих дверей, словно охраняя покой и

с каждым днем возмраставшее чувство мальчика к девочке Махаббат.

Они вскоре поняли, что по-настоящему любят друг друга, что не смогут друг без друга жить, и, прочувствовав это, Артурка вдруг ощутил себя совсем другим человеком, у него постепенно стала меняться и внешность, и с душой происходили удивительные метаморфозы: это была уже не мятущаяся душа, не познавшая главного в жизни, а душа мудрая, несмотря на малые её годы, душа, готовая отдать всю себя за свою любовь, за свою любимую.

Он уже не пускал слюни, голова все реже и реже склонялась набок, все меньше тряслась, глаза смотрели ясно и осознанно, и теперь в глазах его отражалась душа, и каждый мог её видеть и изумляться чистоте помыслов этого мальчика, чистоте, которая ясно читалась в глазах. И первые слова, которые он внятно произнес за все свои недолгие и такие нескончаемые семнадцать лет, были обращены к ней.

– Ты красива-ая, – сказал он, неуверенно произнося эти два слова, и повторил, уже ровнее: – Красивая...

Хотя это было не так, не совсем так: она не была красивой, тощая, плоскогрудая, тонконогая, сопливая девочка-подросток, во взгляде которой жила неизбывная печаль прожитых лет короткой своей жизни. Но он своими обостренными чувствами, остававшимися безответными все его годы, проник в её маленький, съезжившийся от холода и страха мир и почувствовал, что теперь от него зависит сделать этот мир большим и светлым, бесстрашным и гордым. Красивые у неё были, пожалуй, глаза, большие, глядевшие с ожиданием и надеждой, что все еще жила в её тощем теле, в котором поселилась и никогда не покидала её огромная светлая душа.

– Ты красивая, – повторил он еще раз более твердо и уверенно и обнял её. – Самая красивая.

Девочка Любовь-Махаббат вновь ощутила тепло его тела, его торопливо бьющегося сердца, ощутила горячую кровь, что текла внутри по жилам этого любимого тела, и снова и с новой силой осознала, что она дома, что её долгожданный настоящий дом – это он. Она заплакала беззвучно, в огромных на худеньком личике глазах заблестели слезы, покатались вниз и закапали на его давно нестиранную рубашку, что так желанно пахла им, его давно не мытым телом.

– Самая красивая, – сказал он, и это было признанием в любви.

Несколько месяцев общения с девочкой Махаббат полностью преобразили Артурку, преобразили и возродили, из слабоумного с трясущейся головой, пускающего слюни из вечно распахнутого рта и мычащего, как животное, как животное, если ему что-то не нравилось или очень нравилось, он превратился в нормального юношу, которому до совершеннолетия оставалось всего две недели, в юношу, умевшего правильно выговаривать слова, хорошо помнящего своих родителей, свое арестантское детство и отрочество, свой побег из родного города, из дома, ставшего ненавистным, вспомнил обрывки разговоров о наследстве, о капитале его отца, что открыто велись при нем взрослыми родственниками, полагая, что ненормальный мальчик ничего не может смыслить в подобных делах...

Но что при этом волшебном превращении творилось с Артуркой – словами передать невозможно. Порой ему казалось, что он умирает, а в его тело, в его кожу пролезает другой человек, и этот человек не вмещается в старое его тело, к которому он привык, и выталкивает, прогоняет его; и мозг его раскалывается, страшно бьется сердце, как никогда не билось, равнодушное к внешнему миру, как не билось даже тогда, когда он, вырвавшись из домашнего плена, бежал на заплетавшихся ногах по улице к вокзалу, чтобы навсегда покинуть этот до тошноты опротивевший дом, этот незнакомый, чужой и холодный город, каждую минуту оглядываясь в страхе, что за ним могут погнаться и вернуть в его тюрьму, в которой он не знал ни в чем отказа; иногда ему казалось, что вот теперь он по-настоящему сходит с ума и будет вести себя как душевнобольные, которых держат взаперти, а жизнь их взаперти не такая

сладкая, как у него заперти; его бил озноб, после чего подсакивала температура, девочка в такие минуты очень боялась, что он может умереть, потому что тело и лицо его покрывалось мертвенной синевой, он лежал на полу, крупная дрожь сотрясала тело, и судороги сводили руки и ступни ног, он раскрывал рот, как рыба, будто хотел что-то произнести, но вырывались только нечленораздельные звуки, язык вываливался изо рта, и в голове, в мозгу своем, который в это время стремительно превращался в мозг нормального человека, и ум его упорядочивался и начинал соображать, память восстанавливалась и начинала вспоминать, он видел нечто несусветное, обрывки давних впечатлений, принимающих угрожающую форму, что нельзя было увидеть, но только почувствовать; и выжил после таких физических потрясений мальчик буквально чудом.

Теперь он мог читать и отчетливо писать, в чем помогла ему девочка Махаббат, разбирался в деньгах, различал купюры разного достоинства и хотел одного: жить со своей любимой и не разлучаться с ней никогда.

Они уже жили вместе, наслаждаясь любовью, когда обладание любимым человеком придавало близости беспредельную, несказанную остроту и делало обоих счастливыми, как только может быть счастлив человек на этой земле, понявший, что он достиг главного и большего счастья ему не нужно. Махаббат, не раздумывая, отдала ему свою девственность, которая чудом сохранилась в таком вертепе, как сиротский приют, где пожилые мегеры с черствыми сердцами и каменной душой, как могли, издевались над давно им надоевшими чужими, ничьими детьми.

– Когда тыходишь в меня, – сказала она как-то, когда они одновременно проснулись среди ночи в плавно плывущем вагоне по заснеженным просторам неизвестно где, – когда я чувствую тебя в себе, я растворяюсь от наслаждения и боюсь совсем исчезнуть, испариться...

– Не бойся, – сказал он. – Теперь я буду держать тебя за руку.

Любовь сделала мудрыми этих двух детей, и они, не выходя из призрачного вагона, пожалуй, уже были готовы шагнуть в большую жизнь, уже не пугавшую их, потому что у него была она, а у неё был он, и это было больше, чем все, что могло бы их окружать в незнакомой жизни вне стен вагона, до сих пор охранявших их от внешнего мира.

Помогла Артурке любовотерапия (не уверен, есть ли такое понятие в медицинской науке в наш век всеобщей разобщенности, черствости и прагматизма), причем помогла стремительно, и что врачи и знахари могли бы лечить годами, не получая видимых результатов, излечилось как по волшебству, благодаря чувству любви. И это пронзительное чувство любви, разбуженное в мальчике, то чувство, которое он искал и не находил, запертый в четырех стенах и окруженный совершенно ненужной опекой служанок дяди, то чувство, которое пробудила в нем девочка, никогда не знавшая любви и ласки, именно это чувство и помогло мальчику Артурке.

Однажды к ним в вагон забрел котенок, своенравный вагон распахнул дверь для этого замерзшего маленького существа, и котенок, почуяв тепло из вагона, быстро прошмыгнул внутрь и устался умоляющим взглядом на Махаббат, видимо, угадав в ней кошатницу, обожающую кошек, собак и всю прочую беззащитную живность. Его покормили и оставили жить в вагоне. Махаббат носилась с ним так, будто это был её ребенок, гладила и целовала, чесала горлышко, что кошки очень любят, и, конечно, кормила чем бог послал. Как человек одинокий, никогда не знавший заботы и ласки, она обрадовалась еще более одинокому существу, о котором необходимо заботиться, чтобы почувствовать свою нужность в этой жизни.

И вот пришел час, когда таинственный вагон отпустил их, этих двоих влюбленных, они вышли на перрон, и уже была весна в самом расцвете, и еще немного, и она бы перешла в лето, и Артурка с Махаббат, взявшись за руки, будто подбадривая друг друга, передавая друг другу свои силы и смелость, вышли из вагона, вдох-

нули всей грудью свежий, напоенный цветами, травами, запахами листвы деревьев воздух, и вагон, как призрак, на глазах у них растворился в этом ароматном воздухе, исчез, но опять же никто, кроме юноши и девушки, этого не видел, все, кто был на платформе, равнодушно смотрели на оказавшуюся тут же парочку, ничему не удивляясь, смотрели на них давно остывшими глазами, разучившимися удивляться самым удивительным вещам на свете. В одной руке девушка держала котенка, она прижимала его к сердцу, другой рукой держала за руку своего суженого.

Вагон высадил их именно на той станции, с которой уехал больной мальчик Артурка, проклиная в своей сумеречной в то время, больной душе дом и город, из которого бежал. Они ушли с платформы, прошли через зал вокзала и направились по улице, сами не зная куда. Но не успели они пройти и двадцати шагов по улице, как к ним подошли двое одинаково одетых в черное, как на похоронах, мужчин, очень похожих друг на друга. Они стали бесцеремонно разглядывать Артурку и сличать его лицо с фотографией в руках.

– Это не он, – сказал один из близнецов, покачав головой.

– Это он, – возразил второй, – просто изменился. Кочевая жизнь вдали от дома меняет людей.

– Но меняет к худшему, – сказал первый. – А ты посмотри на него. Его приодеть – и готовый жених!

«Они не настоящие, – подумал Артурка. – Это призраки. В их глазах нет любви».

«Они не настоящие, – подумала Махаббат. – В их душах нет добра и любви».

– Все равно, – сказал второй призрак. – Надо тащить их к Гядешу. Пусть сам разбирается.

– Да, – согласился первый. – Если окажется, что не они, отпустим. Делов на копейку.

И они повели Артурку с Махаббат к своему боссу, известному в городе под именем Гядеш.

Детективы-близнецы (один – зеркальное отражение другого) привели обнаруженную недалеко от вокзала парочку к своему боссу, Гядешу.

Гядеш, бросив мимолетный взгляд на высокого, статного юношу, рядом с которым стояла тоненькая привлекательная девочка, стал моментально закипать внутри и только хотел отругать своих сыщиков за то, что они нашли не того, кому нужно, когда вдруг его что-то остановило – маленькая незаметная черточка в выражении лица мальчика, когда вдруг невольно дернулся уголок его рта, напоминавшая прежнего Артурку. Он внимательнее взгляделся в лицо молодого человека, посмотрел пристально на девочку рядом с ним, так же, как и юноша, не отводившую смелый взгляд огромных глаз от его, Гядеша, лица, но это уже была не та беспомощная, продрогшая от стужи, испуганная и боявшаяся всего в этом мире, девочка, нет, это была уже маленькая, храбрая женщина, и плоские, почти незаметные её груди с каждым днем наливались соком, внутри неё появлялось крохотное создание, за которое она могла пойти на смерть, так же, как и за своего мужчину, и потому она, ничуть не боясь, смело глядела в лицо всесильного хозяина дома... Посмотрел на них Гядеш и все понял своим пронизательным умом умудренного жизнью человека. Произошедшая с племянником стремительная за прошедший год сказочная перемена изумила и потрясла его. Он еще раз внимательно взгляделся в лицо Артурки, который, в свою очередь, не отводил своего открытого взгляда от дядиного лица, что мало кто мог себе позволить из окружения Гядеша, чтобы не нарваться на его негодующий окрик. Он долго смотрел на племянника, на девочку, стоявшую рядом с ним и державшую его за руку, в одной руке которой так же уставился на него, Гядеша, котенок, смотрел и вспоминал прежнего убогого племянника с дергавшейся головой, вечно склоненной набок, с приоткрытым ртом, пускавшим слюни, с бессмысленными, ни на чем

не останавливавшимися глазами, с мычанием животного из горла вместо членораздельных слов... Это был совсем другой человек, и Гядеш был потрясен увиденным, но, еще раз окинув цепким взглядом девочку рядом с племянником, понял, что произошло и что послужило причиной подобной фантастической перемены за столь короткий срок.

Гядеш улыбнулся, и все, кто был в комнате, спокойно перевели дух. Кроме двоих юных и счастливых существ, им было все равно, они жили в своем мире.

– Наконец-то я тебя увидел, дорогой, – сказал племяннику Гядеш. – Я так ждал этой встречи. И... и я рад видеть тебя таким... Идите, отдохните с дороги, ты путешествовал почти целый год, устал, наверно. Потом потолкуем. Отдыхайте, тебе с твоей подружкой отведут лучшие комнаты в этом доме.

И домашняя прислуга, угодливо улыбаясь, пошла впереди молодых, чтобы проводить их до отведенных им комнат.

Выходя из зала, где их встречал хозяин, Артурка неожиданно обернулся и сказал Гядешу:

– Теперь я умею читать и писать, и еще много чего...

Гядеш покивал на его слова.

– Очень рад за тебя, – сказал он.

И проводил племянника с его подружкой долгим взглядом.

– Не спускайте с него глаз, с них обоих, – обратился он к детективам, что были в то же время и киллерами, – головой отвечаете. Шкуру спущу, если что не так. Понятно?

Оба человеческих отражения мелко, одинаково, как роботы, покивали и пошли занимать свои места круглосуточного дежурства. Они хорошо понимали, что означают слова Гядеша «головой отвечаете», и не хотели терять свои головы в буквальном смысле, потому что босс и говорил в буквальном смысле.

«Что он этим хотел сказать? – размышлял хозяин дома, оставшись один. – Что значит: теперь я умею читать и писать и еще много чего? Неужели он помышляет разрушить мои планы? Нет, где ему до этого... я полностью обеспечу его, не отпущу от себя, буду потакать всем его прихотям, что еще нужно молодому человеку?» И он вновь, как и во все время после гибели своего брата, стал вспоминать и лелеять свои мечты насчет огромного состояния и думать, что можно сделать на эти деньги. Гядеш не был бизнесменом в полном смысле этого слова, он не любил копить, собирать, делать деньги из денег, как принято в среде деловых людей, задавшихся целью достичь головокругительных высот в финансовом мире, стать первыми, стать вершиной этого мира, недостижимым пиком. Нет, он жил одной мечтой, он страстно желал превратить свой небольшой провинциальный городок, где были похоронены его родители, его горячо любимая жена, в рай на земле, чтобы жители этого города купались в роскоши, как в Арабских Эмиратах, чтобы туристы, откуда бы они ни прибыли, раскрыв от восхищения рот, гуляли бы по улицам этого рукотворного рая и жили бы в роскошных отелях за мизерную оплату, и по всему миру распространилась бы молва, что городок, которым управляет Гядеш, лучший город в мире, а его глава и босс – самый справедливый и мудрый человек, что рождаются раз в сто лет. «Я буду владеть всем движимым и недвижимым имуществом брата, и его душа на небесах возрадуется, видя, на что я потратил его состояние, – думал Гядеш. – Я построю в моем городе дома и улицы из золота!» И он лег спать в приподнятом настроении, еще раз порадовавшись за племянника, который сказочно, невероятно преобразился.

Артурка и Махаббат вошли в роскошную спальню, не уступавшую по своему великолепию королевским апартаментам в семизвездочных отелях. Гядеш как-то ездил с женой в Дубай, и жили они там в знаменитом на весь мир отеле «Пентоминиум», и свою резиденцию – бывшую виллу брата – он велел перестроить в точности, как этот отель, только габариты были, естественно, меньше. Здесь, в

апартаментах, предназначенных для Артурки с его подружкой, была роскошная кровать под балдахин, альков весь в зеркалах, самое дорогое постельное белье от английской фирмы «Шарлот Томас». А когда Махаббат заглянула в туалет, она даже не поняла, что унитаз сделан из чистого золота (видимо, Гядеш начал претворять свою золотую идею с унитаза), а стерильная чистота и блеск резали глаз. Сверкание зеркал и дорогого кафеля поразили её, и она вспомнила туалет в сиротском приюте, из которого убежала, и в котором окаменевшие кучи кала не давали приблизиться к азиатскому туалету, и няньки, работавшие в этом доме, вручив лопаты им, девочкам, заставляли их убирать это дерьмо, закапывать его в саду и чистить сортир, который потом сами же пачкали, как животные. И еще много чего неприятного, тошнотворного вспомнилось ей, пока она сидела на золотом унитазе.

Но на одну деталь она не обратила внимания: как только они вошли в эти роскошные апартаменты, с той стороны в замке хрустнул поворачиваемый дважды ключ, их заперли, как узников.

Но зато обратил на это внимание Артурка и содрогнулся, и все семнадцать лет, что он провел в заточении под ласковой опекой родственниц, все семнадцать лет, все шесть тысяч двести пять дней, все сто сорок восемь тысяч девятьсот двадцать часов, что провел он с затуманенным сознанием, спящим интеллектом, трясущейся головой, роняя слюни из вечно раскрытого рта, но с ясной душой, страстно рвущейся на волю, тонко чувствующей, плачущей и все понимающей душой, рвущейся на свободу и обретшей эту свободу в победе, где, встретив свою любовь, и начал возвращать себе свой человеческий облик, которого такая душа и была достойна, Артурка обратил на это внимание, и хруст запиравшего их здесь в ненужной им роскоши ключа в замке пронзил его сердце, потряс его разбуженное сознание, и он тихо заплакал, сам не понимая, откуда взялись слезы, стекающие по лицу.

– Что с тобой? – спросила Махаббат, подойдя к нему и видя его слезы.

Артурка вытер лицо и сказал:

– Нам надо бежать отсюда, любовь моя.

– Хорошо, – тут же отозвалась она, не вникая в подробности, ничего не спрашивая. – Как скажешь, любовь моя.

Она бросила мимолетный взгляд на умело сервированный на двоих стол, уставленный изысканными яствами: тут были в хрустальных вазочках красная и черная, зернистая икра, тонко нарезанные ломтики осетрины, обложенные лимонными кружками, баклажаны, фаршированные жирным бараньим курдюком, устрицы, артишоки и ананасы, спаржа и жареные воробьи, мелкие, с палец величиной бананы из Эквадора, апельсины из Египта, шафранный напиток из Бильгя, близ Баку, и еще много чего другого, что не охватил её рассеянный взгляд; но вид этих незнакомых деликатесов, что уже не придется попробовать, не вызвал у неё никакого сожаления: она впервые их видела, не знала их вкуса и, как и он, привыкла к простой пище.

И под утро, когда еще не рассвело, и все, кроме двух детективов босса, спали глубоким сном, Артурке удалось взломать запоры на одном из окон, распахнуть окно апартаментов на втором этаже, и они оба, помогая и поддерживая друг друга, повиснув на подоконнике с внешней стороны, спрыгнули на землю...

– Подожди! – вспомнила она, впопыхах покидая невиданный дом-дворец. – Котенок!

– Оставь, – сказал Артурка. – Он здесь не пропадет.

– Нет, – возразила она. – Он здесь пропадет.

И девушка вновь полезла на подоконник раскрытого настежь окна, встав Артурке на плечи. Он ей помогал, подталкивал, и вскоре она спрыгнула вниз с котенком на руках.

– Теперь можем идти, – сказала она.

И, стараясь не шуметь, они торопливо зашагали по огромному саду Гядеша в сторону ворот.

Но на их беду не спали двое охранников, они были очень бдительными и каждый шорох слышали обостренным, как у животных, чутким слухом, и каждый запах чуяли обостренным, как у зверей, нюхом. И они, скинув обувь, чтобы звуки своих шагов не мешали слышать то, что нужно, погнались за беглецами и почти настигли их, когда те подбегали уже к позолоченным, запертым воротам сада.

– Стойте! – закричали они разом. – Стойте, стрелять будем!

Не придав значения их окрику, юноша и девушка изо всех сил бежали к воротам, и еще немного, они перелезли бы через позолоченные ворота на улицу и скрылись бы из глаз.

– Выпускай собак! – крикнул один охранник другому, своему зеркальному отражению.

– Поздно! Они уже на воротах! – крикнул второй. – Собаки не достанут.

– Тогда стреляй! – отчаянно завопил первый.

– Сам стреляй! – растерянно крикнул в ответ второй, не зная, как поступить, и лихорадочно соображая, одобрит ли хозяин, если они откроют огонь по беглецам.

И, недолго раздумывая, оба охранника, туповатые, но исполнительные и отличные стрелки, помня слова хозяина и зная, что их ждет, если их подопечным удастся бежать, выстрелили одновременно: один – в Артурку, другой – в Махаббат, и стреляли так, чтобы ранить этих двоих поганцев, что доставляли столько проблем.

Но случилось что-то удивительное и не предвиденное в жизни этих двух туповатых, исполнительных и великолепных стрелков – выстрелы из двух пистолетов прогремели (на их грохот проснулся спавший в своей постели хозяин, Гядеш), однако пули не долетели до беглецов; охранники выстрелили еще раз, но на этот раз пули из двух стволов совсем уж непонятно упали в траву у их ног; они оба, не помня себя от ярости, выпустили вслед молодой парочке всю обойму, стреляя на поражение, но результат был тот же: грохот от выстрелов слышался по всему саду, а толку не было никакого – пули, выскочив из ствола, сыпались в кучу у их ног.

А парень с девушкой уже перелезли через ажурные чугунные позолоченные ворота и исчезли в постепенно растворявшейся от восходящей утренней зари темноте.

Они остались живы, избавились от назойливой опеки Гядеша и жили потом долго, как в сказке. Гядеш тоже жил, как в сказке, он добился своего, стал наследником части состояния родного брата и постепенно претворял в жизнь свои проекты; и то, что удалось наследовать (благодаря немалой мзде, задобрившей нужных людей), было выше всяких ожиданий, и авторитет его среди народа возрос до небес, а сам он с годами напоминал одинокую, старую нахохлившуюся птицу в золотой клетке. О племяннике он больше не вспоминал и не искал его, племянник ему не понадобился, ни больной, ни здоровый (в любом случае раньше Гядеш полагал – да и советники-юристы надоумили – что держать племянника при себе было бы более надежно, чем, если б он шлялся неизвестно где и попал бы в руки прохиндеев, занимающихся крючкотворством, что могли бы воспользоваться слабоумием мальчика и оттягать то, что полагается ему, Гядешу, родному брату погибшего), зато понадобились пронырливые адвокаты, поклонники золотого тельца, которые успешно поработали на него.

Артурка и Махаббат любили друг друга, у них родился мальчик, здоровый и красивый, и они стали настоящей семьей.

Выжить Артурке помогла вера в чудо, так же, как помогла эта вера, когда он убежал из ненавистного дома, уверенный, что затосковавшая душа его оживет на воле, так же, как помогла вера в то, что вагон, в котором он поселился, оградит его от бед, так же, как верил он, что любовь возродит его.

И разве это не чудо, что с ним произошло?

Чудеса случаются, если в них верить...

ВИЛАЯТ ГУЛИЕВ

Джемиль Александрович – исследователь мавзолея Низами Гянджеви

В начале XX столетия представители немногочисленных литовских (польских) татар сыграли определенную роль в общественно-политической и культурной жизни Азербайджана, особенно в истории Первой Республики (1918-1920). Их интерес и тяга к нашей стране, прежде всего, были связаны с общетюркским происхождением, этно-родственными связями двух народов. Конечно, шли также глубинные процессы – прогрессивные деятели Азербайджана стремились к определенной вестернизации традиционного мусульманского общества, в то время как дистанцированные от исламского мира северные тюрки были заинтересованы в т.н. ориентализации, в общении к духовным ценностям своих предков.

Литовский татарин, генерал-лейтенант Масей Сулькевич в 1919-1920 гг. был начальником Генерального штаба Азербайджанской Национальной Армии. Литовские татары – братья Ольгерд и Леон Кричинские занимали высокие должности в правительстве Азербайджанской Демократической Республики. Марьям-ханым Сулькевич долгие годы работала в области народного просвещения в нашей стране. Женское образование в Баку в начале XX века тесно связано с ее именем и целенаправленной деятельностью. Можно перечислить еще ряд имён татарских деятелей из Литвы и Польши, которые с верой и правдой служили нашей Родине.

В этой плеяде славных представителей литовских татар имя писателя, журналиста и историка Джемиля Александровича (1883 – ?) занимает особое место. Он родился в г. Слоним Гродненской губернии, в семье мелкого служащего. Образование получил в Виленском реальном училище. В 1903 году стал студентом Императорского технического училища в Москве. С первых же лет совмещал учебу с активным участием в т.н. «мусульманском движении» России. В 1907 году издал в Москве небольшую брошюру «Первый мусульманский сборник». В 1911-1914 гг. выступал с многочисленными публицистическими статьями и рассказами на страницах таких органов русскоязычной мусульманской печати, как «Мусульманин» (Париж), «Мусульманская газета» (Санкт-Петербург), «В мире мусульманства» (Санкт-Петербург) под псевдонимом «Джим-Алиф» (начальная и последняя буква имени и фамилии арабской вязью – В.Г.) В его публикациях освещались разные аспекты жизни и быта «российских мусульман», рассматривались пути их сближения с русским обществом.

После свержения царизма интерес Дж.Александровича к «мусульманскому движению» приобретает более целенаправленный и конкретный характер – он принимает участие в Первом общероссийском съезде мусульман в Москве в мае 1917 года, активно поддерживает национальное правительство крымских татар под руководством генерала М. Сулькевича, постепенно переходит от позиции аморфного «мусульманства» к ярко выраженным пантюркистским взглядам. В октябре того же года Дж.Александрович становится представителем литовских татар в «Московском Мусульманском Народном Совете», а также избирается на пост вице-председателя «Общества Литовских Татар» в Москве и Петербурге.

В его обращении в качестве члена руководства «Общества Литовских Татар» к крымско-татарским гражданам говорилось: *«Мы, литовские татары, всегда верили и надеялись, что настанет час, когда великий тюркско-татарский народ воспрянет к*

новой жизни и деятельно возьмется за созидание национальной культуры. Теперь такой час настал, и мы, липка-татары (Самоназвание польско-литовских татар lipka tatarlar – В.Г.), западный аванпост татарской нации, с восторженным доверием взираем на первые свободные шаги братской крымско-татарской демократии».

К середине 1920-х годов Дж.Александрович перебирается в Баку. Тогда уже его сестра жила в Баку и была замужем за неким Ахундовым. Джемилль переехал жить к ней в Баку. Здесь в скором времени он устраивается на работу научным сотрудником в Общество обследования и изучения Азербайджана – предтече нынешней Национальной Академии Наук. Азербайджанский историк Тамилла Керимова, характеризуя личность и научную деятельность ученого, пишет: *«Джемилль Александрович был характерной для 1920-1930-х гг. многосторонне развитой фигурой. Он был активным общественным деятелем, одним из первых исследователей истории и культуры мусульманских народов, ученым-гуманитарием с широкой сферой интересов: краеведение, музееведение, археология, этнография. Все вышеперечисленное он успевал совмещать с написанием различных статей, заметок для научных журналов».*

25 августа 1924 г. Дж.Александрович избирается действительным членом одного из ведущих отделов Общества – Азербайджанской Археографической Комиссии (Азархком), 5 марта следующего года становится заместителем председателя. Почетным председателем был академик В.В.Бартольд. Работой Комиссии руководил известный писатель, в будущем ректор-азербайджанец Бакинского Государственного Университета Таги Шахбази. Ученым секретарем являлся этнограф и археолог В.Сысоев. В 1927 году полномочия Азархкома расширились, и он был преобразован в Азербайджанский комитет охраны памятников старины, искусства и природы (Азкомстарис), где и продолжил работать Дж.Александрович. В 1925-1928 гг. с научно-исследовательской целью ученый посетил ряд районов республики, принимал активное участие в археологических экспедициях, в изучении природы и природных ресурсов и опубликовал отчеты о своих исследованиях в «Известиях» Азкомстариса. Например, после объявления озера Гей-Гель заповедником, Дж. Александрович выступил с большой статьей о бассейне и природных свойствах этого озера, и роще на границе Азербайджана с Грузией, где росли из эльдарские сосны.

В июне 1925 г., когда комитет получил поручение изучить состояние и внести предложения по реставрации мавзолея на могиле поэта Низами Гянджеви, Дж.Александрович в сопровождении инструктора Азкомстариса И.Азимбекова предпринял ознакомительную поездку в Гянджу. На обратном пути они посетили Шемаху и ознакомились с историческими памятниками древней столицы государства Ширваншахов.

В мае-июне 1926 г. тандем Дж.Александрович – И.Азимбеков присоединился к экспедиции академика И.И.Мещанинова, которая в районе бывшей почтовой станции Ходжалы, южнее Агдама, производила раскопки курганов и других древних каменных захоронений. Иначе говоря, они стали одними из первых азербайджанских ученых, которые принимали участие в исследовании богатой ходжалы-гедабейской культуры.

Наконец, когда в октябре 1927 г. в комитет поступило сообщение, что в районе станции Хачмаз рабочими был случайно обнаружен древний могильник, Дж. Александрович вместе с Азимбековым отправились на осмотр находки. Результаты поездки нашли свое отражение в очередной публикации автора. В самом Баку он, как инженер и историк-археолог, изучил знаменитую Девичью башню, о которой также опубликовал две статьи.

Интересно, что литовский татарин-ученый в бакинской печати выступал под двойной фамилией Александрович-Насыфи. По мнению некоторых исследователей, он специально переделал фамилию, чтобы подчеркнуть свои тюркские корни. Однако в последние годы появилась достоверная информация, что Насыфи является названием влиятельного татарского рода из Западной Белоруссии, к которому восходили и корни семьи литовских Александровичей...

В 1926-1927 гг. Дж.Александрович опубликовал две ценные статьи о литовских татарах в «Известиях Общества по Исследованию и Изучению Азербайджана». В первой автор дал краткий историко-этнографический очерк своего народа, а во второй провел исследование его генеалогии как неотделимой «части тюркского Востока». Как пишет историк Т.Керимова, «среди работ, намечаемых к изданию Археографическим комитетом, были три работы Дж.Александровича: «История тюрков и их культура» (древний период), «Краткая история Крыма» и «Сношения тюрко-татар с Литвой и Польшей»).

Эти произведения можно назвать лебединой песней ученого. После 1928 года его имя уже не встречается ни в списке научных сотрудников Азкомстариса, ни в печатных изданиях Азербайджана. По информации Леона Кричинского, автора книги «Польские татары и мусульманский восток», хорошо знавшего своего коллегу, в 1931-1932 гг. Джемиль-бек жил в Самарканде и работал, по всей вероятности, в местном педагогическом институте. А что случилось потом? Где окончил свои дни этот скромный труженик науки и литературы? Хотя Дж.Александрович лояльно относился к советской власти и не интересовался политикой, сейчас трудно найти ответы на поставленные вопросы. К сожалению, поиски в этом направлении пока не дали никаких результатов.

Как было отмечено выше, Джемиль Александрович был одним из первых специалистов, изучавших состояние мавзолея Низами в Гяндже с историко-архитектурной точки зрения. С этой целью 19 июня 1925 года он вместе с вышеупомянутым Исой Азимбековым был командирован в Гянджу. Инициатором поездки стал народный комиссар земледелия, почетный член Общества обследования и изучения Азербайджана Дадаш Буниятзаде.

Что касается И.Азимбекова, он являлся высококвалифицированным специалистом по расшифровке надгробных эпитафий. В совершенстве владел арабским, персидским, турецким и русским языками. Свободно разбирался во всех разновидностях арабской письменности. Впервые расшифровал, перевел многочисленные каменные письмены на надгробиях, средневековых архитектурных памятниках Баку, Гянджи, Эривани, Шемахи, Ленкорани, Шуши и т.д. Опубликовал на эту тему ряд статей в «Известиях» Общества. Был известен среди современников также как талантливый поэт. Писал в основном газели под псевдонимом.

В Гяндже к ним присоединился известный поэт и литературовед Али Назми (1878 – 1946). Работавший преподавателем азербайджанского языка и литературы в одной из средних школ города, Али Назми прославился как ведущий автор журнала «Молла Насреддин». Однако, несмотря на юмористическую наклонность творчества, считал себя поклонником поэтического гения Низами Гянджеви. По информации Дж. Александровича, при выборе литературного псевдонима Назми (настоящая фамилия поэта была Мамедзаде) решил уподобить свое литературное имя хотя бы по внешнему созвучию с именем великого соотечественника – Низами.

Был и другой, не менее важный повод для привлечения Али Назми в состав присланной из Баку делегации. Дело в том, что в 1922-ом году представители гянджинской интеллигенции Мирза Мухаммед Ахундзаде, историк Джавад-бек Рафибеков и учитель Мирказым Мирсулейманзаде организовали «Комиссию Низами». Целью комиссии была реставрация гробницы поэта. Но потом комиссия поддержала совсем другое положение и, не посоветовавшись ни с кем, решила перенести могилу Низами в центр Гянджи и построить над его могилой новый, современный мавзолей и воздвигнуть памятник. С этой целью в гробнице были произведены несанкционированные раскопки и извлечены останки с целью перезахоронения.

Когда об этой нелюбимой истории стало известно в Баку, действия гянджинских любителей старины были резко осуждены и останки поэта возвращены на свое прежнее место. А Али Назми в этом вопросе был на стороне центра – сначала резко выступил против глумления над памятью Низами, а затем принимал активное участие в осуществлении торжества справедливости.

В статье по этому поводу говорилось: *«Поездку к мавзолею Низами мы совершили в обществе лица, бывшего свидетелем неудачной попытки воздвигнуть памятник Низами в городе: Али Назми, как мы узнали при посещении мечети (имеется в виду мечеть Шах Аббаса – В.Г.), интересовался вопросом о мавзолее знаменитого поэта настолько, что присутствовал лично при повторном погребении Шейха Низами, происшедшем после того, как разрытие могилы было опротестовано центром».*

Учитывая адресованность статьи к широкой публике, в том числе вне пределов Азербайджана, автор сначала делится информацией об истории родины Низами: *«Город Гянджа – по-видимому, одно из древнейших поселений Азербайджана. В его районе найдены следы культуры бронзового века. А масса курганов поблизости свидетельствует о многочисленном населении, обитавшем в этих местах в доисторическую эпоху. Однако первые определенные исторические упоминания о нынешней Гяндже встречаются лишь в эпоху арабских завоеваний в пределах нашего Азербайджана, т.е. не ранее VII века. Уже в начале XI столетия, т.е. накануне утверждения здесь сельджукской власти, шелковые ткани, производимые в Гяндже, славились на всем Востоке, и лишь начиная с монгольской эпохи, город приходит в некоторый относительный упадок».* По мнению Дж.Александровича город Гянджа в его прошлом являлся традиционным центром общемусульманской цивилизации, при создании которой веками сотрудничали три этноса – турки, персы и арабы... В результате чего творчество Низами возникло как плод этой эклектической культурной среды. Разделяя ошибочное мнение некоторых авторов тезкире, Дж.Александрович относил творчество Низами к персидской литературе, местом же рождения поэта считал провинцию Гум на юге от Тегерана современного Ирана. А что касается выбора фарси как языка произведений азербайджанского поэта, автор статьи считал это с одной стороны данью существующим литературным традициям, а с другой – относительно слабой позицией тюркского языка во дворце сельджукских султанов.

Несмотря на то, что меценатами почти всех значимых произведений Низами были правители тюркского происхождения, никто из них не смог или не захотел идти против канонов вековых традиций. Однако вся жизнь поэта, несомненно, была связана с Гянджей: здесь он получил прекрасное образование, состоялся как поэт, философ, зачинатель суфийско-романтической поэзии, вырос до уровня непревзойденного мастера слова. Своеобразный мир «Пятерицы» («Хамсе») прежде всего, был связан с городской культурной жизнью и ренессансной средой Гянджи.

Поездка инженера-археолога Дж.Александровича и специалиста по прочтению надгробных эпитафий И.Азимбекова в Гянджу носила не только ознакомительный характер. Азербайджанское правительство в лице Археографической комиссии поставило перед ними конкретную задачу: **«обследовать могилу Низами с целью восстановления прежнего или сооружения нового мавзолея».**

Дело в том, что в 1925 году на государственном уровне было принято решение о реставрации мавзолея Низами. Так как до этого гробница поэта ни разу не была предметом специального научного изучения, на исследователей была возложена задача на месте ответить на ряд вопросов исторического, архитектурно-строительного характера, связанных с мавзолеем и могилой. Прежде всего нужно было выяснить: что требуется для приведения в надлежащее состояние последнего пристанища поэта? Текущий ремонт, основательная реставрация или вообще полная реконструкция? В трудном 1925 году интерес к личности, творческому наследию и увековечению памяти Низами на государственном уровне в Азербайджане говорит о многом. Не сек-

рет, что в некоторых странах мира, особенно в Иране, Армении (в этом отношении Армения стала даже своеобразным «центром»), а после распада Советского Союза в России, широко муссируется легенда о «преподнесении» Низами нашей литературе Сталиным в 1936 году, в дни декады азербайджанской культуры в Москве.

Если еще в далеком 1903 году Фиридун-бек Кочарли в книге «Литература азербайджанских татар» говорил о «рожденном в Гяндже татарском гении Низами как о родоначальнике национальной культуры», о каком «подарке» Сталина может идти речь? Если народ веками величал Низами «шейхом», если его могила стала местом поклонения, о каком снисхождении тирана можно сочинять нелепые сказки? Если наиболее смелые, национал-патриотически настроенные люди Гянджи еще в 1920-е годы из добрых побуждений собирались перенести мавзолей поэта в центр города, воздвигнуть ему памятник (второй памятник после самого народного поэта Сабира!), как после этого можно говорить о привнесенности Низами в наше сознание, в нашу культуру и память извне?

Как и следовало ожидать, Дж.Александрович нашел мавзолей Низами в почти полностью разрушенном состоянии: «*О печальном состоянии мавзолея, сооруженного над останками великого поэта, много писали и говорили. Указывалось неоднократно на необходимость его восстановления*». Автору статьи были известны факты о предыдущих попытках реставрации исторического памятника Гянджи. Ссылаясь на известный труд А.Бакиханова «Гюлистан-Ирем», Дж.Александрович говорил о благородной инициативе автора «Карабахнаме», офицера царской армии, историка и государственного деятеля Мирзы Адигезал-бека (1780? – 1848) реставрировать за свой счет гробницу поэта. Однако, скорее всего это был всего лишь косметический ремонт. «Качество» обновления ясно видно также из акварельных рисунков генерального консула Каджарского дворца в Тифлисе Гусейн-хана Ризазаде. Видимо эти рисунки, сделанные в начале XX века автором по пути из Тифлиса в Тегеран, в какой-то период были в распоряжении автора статьи. И они дали ему возможность для досконального сравнения настоящего (т.е. 1920-е годы) вида гробницы с состоянием 20-летней давности. По-видимому, нижеследующие строки известного педагога и поэта Сеида Азима Ширвани (1835-1888), считавшего себя учеником поэтической школы Низами Гянджави, написанные в 1880 годы, не были известны Дж.Александровичу:

*Ey Şeyx Nizami, ey nizami dağılan,
Ey Gəncədə izzü ehtişamı dağılan,
Olmadı səninlə mən tək cahanda,
Beyti, evi, məktəbi, kəlamı dağılan.*

*«О, Шейх Низами, о, порядок которого был разрушен,
О, человек, слава и величие которого в Гяндже были разрушены,
Не было в этом мире другого как ты и я,
Строки, дома, школы, слова которых были разрушены»*

(Подстрочный перевод)

По подсчетам Дж.Александровича, в 1920-х годах расстояние между центром Гянджи и мавзолеем Низами составляло где-то около четырех километров. Еще одна интересная деталь: дорога, ведущая в гробницу поэта, называлась улицей Шейха Низами. Примечательно и другое наблюдение автора. Он пишет: «*Очевидно, когда-то мавзолеем Шейха Низами находился вблизи старого города, так как на расстояние на юг и восток от мавзолея приблизительно на пространстве на 10 квадратных километрах, видны следы разрушенных построек в виде небольших курганчиков*».

Коренной житель, вернее, представитель местной власти, секретарь Гянджинского исполкома Камал Агаев объяснил, что после землетрясения 1149 года, новый город был построен в районе мавзолея Низами, где, понятное дело, тогда не существовало никакого мавзолея). Выходит, что первоначально гробница поэта находилась в центре жилого массива Гянджи. Однако по информации К.Агаева спустя несколько столетий произошло еще одно разрушительное землетрясение, от которого мавзолей сильно пострадал, а город снова был полностью разрушен. Жители частью рассеялись по соседним деревням, а частью обосновались на территории нынешней Гянджи, в районе мечети Шах Аббаса и близлежащих территориях.

Когда сотрудники Археографической комиссии прибыли к мавзолею поэта, они вместо какого-либо постройки или отдаленного образца зодчества увидели небольшой холмик или курган. Только на северной стороне едва были заметны контуры когда-то существовавшей стены. Остальные части были навсегда погребены под землей. Дело в том, что после раскопок, произведенных экспедицией академика В.В.Бартольда в 1912 году, никакие консервационные работы не были произведены, а это привело к ещё большому разрушению. Как становится известным из статьи «Могила поэта Низами» самого Бартольда, в период ведения раскопок, т.е. приблизительно за 12-13 лет до посещения Дж.Александровичем памятника, минимум две стены мавзолея были в целости и сохранности. Одновременно можно было бы визуальное определить внутреннее устройство культового строения, место и формы могилы и т.д.

Говоря о гробнице поэта, Дж.Александрович заостряет внимание на одной интересной, однако спорной информации, которая не встречается в других исследованиях. Речь идет якобы об обнаружении внутри мавзолея останков другого человека – неизвестной молодой женщины: *«На противоположной (северной) стороне – раскрытое погребение, из которого и были извлечены кости неизвестной девушки, по преданию, поэтессы Мехсети, племянницы поэта, похороненной в одном с ним мавзолее. Никаких надгробных плит или камней нами обнаружено не было».*

В первоисточниках не встречается информация о родстве двух выдающихся мастеров слова Гянджи. Исходя из этого, можно уверенно заключить, что все эти предположения являлись слухами местного масштаба, романтическими легендами...

С другой стороны, Мехсети Гянджеви (1089 – после 1159) по возрасту была старше Низами. В разных источниках указываются разные даты ее смерти – после 1159 г., вторая половина XII века, 1181 г., даже 1206 г. В таком случае версия о погребении старшей по возрасту современной Мехсети-ханым в склепе Низами, умершего в 1209 году, рождает некоторые безответные вопросы. По крайней мере, можно предположить, что прах поэтессы перезахоронен здесь из другой, ранее существовавшей могилы. Но почему, с какой целью, какая была необходимость в этом? Так как данная информация не подтверждается другими источниками, остается предположить, что вся эта история всего лишь романтическая легенда...

Вызывают большой интерес также предположения Дж.Александровича о периоде возникновения мавзолея. Поскольку не были найдены никакие надписи на могиле поэта, или они не дошли до наших дней, трудно говорить о точной дате постройки памятника. Но, со ссылкой на труды академика В. Бартольда и книгу «История украшателя мира Аббаса» азербайджанского историка Искандера Мунши, Дж.Александрович однозначно утверждает о существовании гробницы в феврале 1606 года, в период военного похода Шаха Аббаса I в Гянджу! Потому что по достоверным информациям сефевидских летописцев, ставка Шаха Аббаса находилась недалеко от мавзолея Низами. И по свидетельству Мунши, там были не руины, не остатки былого величия, а настоящая усыпальница поэта.

По мнению Дж.Александровича мавзолей над могилой поэта был построен вскоре после его смерти, в первой половине XIII века. Однако протомавзолей не сохранился в своем первоначальном виде даже к 1606 году!

За прошедшие десятилетия куполообразная постройка ремонтировалась, реставрировалась, даже не раз частично реконструировалась. Судя по фундаменту, и исходя из традиций классического национального зодчества, Дж.Александрович определил первичный внешний вид мавзолея в форме правильного куба, с возвышающимся круглым куполом. Строительным материалом был красный обожженный кирпич местного производства. С архитектурной точки зрения гробница была довольно простая, без всяких излишеств. При исследовании внутренней поверхности Дж.Александрович не заметил ни одного элемента орнаментальных узоров. В этом отношении мавзолей Низами проигрывал даже традиционным «кюнбезям», часто встречающимся на старых кладбищах. В то же время осколки голубого и фиолетового изразца внутри помещения не исключали мысль о первичной внутренней отделке строения.

Подчеркивая жалкое состояние мавзолея, Дж.Александрович внутренне не соглашался с мыслью, что современники могли построить над могилой поэта какое-то бессодержательное, непонятное надгробие. XIII век был периодом расцвета азербайджанско-тюркской архитектуры. В этот и последующие века в Азербайджане были построены комплекс Дворца Ширваншахов, а также ряд мавзолеев в Карабахе, Нахчыване и др. регионах страны. Все они выделялись оригинальностью и совершенством композиции, простотой и выразительностью, долголетием и фундаментальностью. Поэтому у исследователя возник логический вопрос: если в Азербайджане существовали такие традиции и были такие мастера, почему над могилой Низами не был возведен отвечающий его величию и славе мавзолей? Если даже когда-то был возведен, он просто не выдержал испытания временем...

По мнению автора, эту историческую несправедливость следовало обязательно устранить. Поэтому он был твердо уверен в том, что не текущий ремонт или реставрация, а возведение совершенно нового, достойного имени и величию Низами надгробного комплекса явилось бы подходящим решением вопроса и достойным увековечением памяти великого классика азербайджанской литературы на долгие столетия. При этом Дж.Александрович считал необходимым при строительстве нового мавзолея использование традиций и канонов для воссоздания атмосферы XIII века.

Дж.Александрович, исходя из реалий современной ему большевистской действительности, открыто не мог говорить, но в душе мечтал о возведении над могилой Низами, прославленного как Шейха поэзии, нравственно-духовной жизни своего народа культурно-религиозного и практического комплекса – текке, как это принято было в традиционной Османской архитектуре. Развивая свою мысль, он писал: *«Место погребения великого поэта расположено на бугорке возле дороги, ведущей из Гянджи на ст.Герань, место очень видное и сухое, с хорошим грунтом, около 2,5 километров от железнодорожной линии. Как уже было сказано выше, все пространство, окружающее мавзолей, усеяно массой бугорков, остатков древнего города; эти бугры особенно многочисленны по направлению к югу. Вообще же местность довольно пустынная, так как ближайшее жилье Гей Имам (так в тексте, имеется в виду тюрбе – мавзолей – В.Г.) находится на расстоянии около 1,5 километра и отделено от мавзолея железнодорожной насыпью, арыками и плантациями. Это необходимо учесть, так как очевидно, что в таком пустынном месте вновь воздвигнутая постройка будет невольно привлекать к себе внимание, и у случайных путников вполне естественно может возникнуть желание найти здесь временный приют».*

Азербайджанское правительство вернулось к идее строительства нового мавзолея над могилой Низами только накануне Второй мировой войны, к 800-летию поэта, а построен он был уже после окончания войны – в 1947 году.

Раскопки, проведенные в 1940 году, подтвердили многие выводы и наблюдения Дж.Александровича 25-летней давности.

Во время поездки в Гянджу Дж.Александрович и И.Азимбеков не ограничились только описанием тогдашнего состояния надгробия и внесением предложений для будущей реконструкции мавзолея Низами. Пользуясь случаем, они ознакомились и с другими историко-архитектурными памятниками древней и средневековой Гянджи.

Например, как становится известным из сообщений Джемиль-бека, в начале 1920-х годов отдельные части крепостных стен еще сохранились в центре и на берегу Гянджачая.

Мавзолей над могилой Ибрагима (VIII век) – сына четвертого (в статье ошибочно указано как пятого – В.Г.) имама Мухаммед Багира (по цвету купола больше известного среди народа как Гёк Имам, или просто Имамзаде) и кладбище вокруг комплекса также не ускользнули от внимания приехавших из Баку ученых. Правда, они не обнаружили древних захоронений, относящихся к VIII веку. Однако сделали эстампажи с наиболее интересных надписей, в том числе с могилы Мешади Ибрагима, сына Алиа. На вырезанной на камне с изображением всадника персидской надписи в стихах, раскрашенной золотой и зеленой красками, своеобразной эпитафии говорилось: *«Мир – есть бокал, жизнь – виночерпий, а смерть – вино. Народы пируют на этом пире, и никто не избегнет этого бокала, этого виночерпия, этого вина»*. На задней же стороне могильного камня были высечены слова *«Пришедший в этот мир подлежит уничтожению, только божественное вечно»*.

По дороге из Имамзаде в город, на правом берегу Гянджачая, на расстоянии около километра от города, был тщательно исследован еще один исторический памятник. Это был мавзолей над могилой неизвестного народного героя, прославленного под именем «Джомерд гассаб» (в статье использована версия персидского названия памятника – «Джеван-мерди-гассаб»). Предание говорит о каком-то неизвестном молодом мяснике, который с топором в руке мужественно защищал город от врагов, был убит и удостоился сооружения мавзолея над его могилой.

Именно Джемиль Александрович в 1925 году впервые сообщил научной общественности Азербайджана о существовании этого памятника.

А раскопки были произведены только в 1940 году археологической экспедицией под руководством А.Саламзаде. Другой азербайджанский ученый И.Джафарзаде на основе народных преданий назвал неизвестного мясника современником четвертого халифа Али (605 – 656 гг.). Однако ничего конкретного не говорил о периоде сооружения мавзолея. По мнению же А.Саламзаде, мавзолей «Джомерд гассаб» был построен в XVII веке.

Дж.Александрович, которому удалось раньше двух известных специалистов изучить и описать исторический памятник, так же не относил его к глубокой древности.

Построенный из красного кирпича в виде восьмигранника, мавзолей, по его мнению, был облицован изнутри изразцами голубого и кофейного цвета. Внутри не была обнаружена могила, или могильная плита.

Само собой разумеется, что в Гяндже после мавзолея Низами самым значительным историческим памятником, привлекавшим внимание ученых, стала мечеть Шах Аббаса. Дж.Александрович писал: *«Это довольно большое здание, увенчанное огромным куполом. Надпись на воротах относит сооружение мечети к 1015 г. (1606 г.) хиджры. Четырехугольный двор с фонтаном перед входом в мечеть, огромные платаны-чинары (обмер одного дал окружность ствола в 7,45 метра), своеобразная жизнь во дворе мечети, – все это создает оригинальный восточный колорит. Два минарета, венчающие ворота, ведущие во двор мечети, имеют до верха по 64 ступени, они построены под стиль мечети, но дата их постройки значительно позднее – 1271 г. (1758 г.) хиджры»*. При тщательном исследовании И.Азимбеков обнаружил еще одно, более раннее – 1156 г. хиджры (1745 г.) надгробие, надпись на котором гласила: *«Здесь покоится достойный Усейн-Кули-Хан, сын покойного Кельб-Али-Хана Зияд оглу, из династии Каджар, бегляр-бек Гянджи и Карабаха»*.

В пристройке к мечети, играющей роль склепа, они обнаружили надгробный камень с надписью: *«Это есть могила покойного, заслужившего милость Аллаха Мамед Кули хана, сына Мамед Али-бека, да помилует его Господь. Зильхидже, 1107 (1695) год хиджры»*. Вызывает удивление, что среди захоронений в мечети и пристройке не встречается могила Гянджинского правителя Джавад-хана, героического защитника города против русских колонизаторов. Можно предположить, что это прежде всего было связано с определенной конфиденциальностью или носило характер определенной страховки в условиях российской империи и ее наследника – советской власти. Не случайно, что могила хана была обнаружена и благоустроена только после завоевания Азербайджаном независимости.

Статья «Гянджа и могила Низами» литовского татарина, талантливого научного (ученого)сотрудника Азархкомиссии Джемилия Александровича, была одним из первых образцов азербайджанского советского низамиведения. Именно в этом, прежде всего, заключается ценность этого небольшого исследования.

ИСЛАМ АГАКЕРИМОВ

Художник в зеркале собственных творений

Размышления о Низами

Каждая творческая личность в той или иной степени вкладывает в свои произведения частицу собственной жизни. Иначе говоря, жизненная практика художника, особенности окружающей его среды неизбежно дают о себе знать как в его творческих поисках, так и в конечных их результатах. Единство личного (мировоззренческого) и культурно-исторического выступает во многом определяющим фактором авторской концепции, его стиля. В этом плане хотелось бы особо отметить творчество великого поэта Низами Гянджеви, где на фоне общественно-исторической атмосферы достаточно живо вырисовывается образ ренессансного гения. О биографии поэта сохранились лишь скудные сведения, но благодаря своим творениям он стал для нас таким близким и вечно живым. «Многие читатели великолепных поэм Низами, глубокомысленных и наполненных трагизмом стихов и од Хагани — независимо от того, читали ли они эти стихи в оригинале или в переводах, — не раз задавали себе вопрос о характере общественной и политической жизни этих поэтов в ту эпоху, о событиях, участниками и свидетелями которых являлись они и их современники, в том числе зодчие и строители замечательных памятников архитектуры, словом, творцы материальных и духовных ценностей, жившие в то время», — говорил Бейлис В.М. (Бунятов З.М. «Государство атабеков Азербайджана» (1136-1225 годы) Баку. Элм.1978).

Низами Гянджеви, как сын своей эпохи, выступал в качестве носителя гуманистических идей. Поэт считал человека самым драгоценным существом в мире, ведь Бог только его наделил разумом и созидательными возможностями. Следовательно, все самое лучшее должно принадлежать человеку и служить ему во благо. Низами не идеализировал человека; он наделял его как прекрасными качествами, так и всевозможными пороками. По мнению поэта, самым совершенным из всех людей на Земле был Пророк Мохаммед, которому посчастливилось оказаться на Пороге Истины у Всевышнего. Однако это не означает, что поэт потерял веру в формирование всесторонне совершенных людей в будущем. Напротив, это было своего рода отправной точкой для художника-гуманиста в деле изображения непростых путей духовного перерождения или усовершенствования людей самых разных возрастов и социальных иерархий: начиная от простых ребятишек («История о раненом ребенке») и заканчивая правителями великих держав.

В своих произведениях поэт-мыслитель основательно изучил учение античных и средневековых философов. Однако сегодня возникают мнения о том, что якобы Низами не читал трудов Аристотеля (Эрестуна), Платона (Афлатуна), Сократа и других античных мыслителей. Аргументы этих авторов недостаточно убедительны. Во-первых, в VIII-IX веках по указанию властей Халифата с сирийского языка (*мертвый язык арамейской группы – Ред.*) на арабский были переведены сочинения почти всех древнегреческих и древнеримских философов. И поэт не без основания говорил о неограниченной пользе искусства перевода, способствовавшего распространению научных достижений народов всего мира. Интересны по этому поводу иронические высказывания известного историка Филиппа Хитти: «В то время как на Востоке ар-Рашид и аль-Мамун углублялись в греческую и персидскую философию, на Западе Карл Великий и его лорды овладевали искусством написания собственных имен». Вместе с тем, не исключено также и параллельное существование на Ближнем Востоке подробного толкования учений античных авторов. Кстати, о наличии возможного второго (даже третьего) источника, куда имел бы доступ гораздо более широкий круг интересующихся, высказал в свое время советский востоковед Е.Э.Бертельс. По поводу сходства эпизодов из поэмы «Искандернаме» Низами Гянджеви и английской баллады о Ричарде Львиное Сердце он выразил мнение о возможном существовании общедоступного источника. Как известно, ученый выдвинул совершенно обоснованную версию о том, что либо английским менестрелям, как участникам крестового похода (с весны 1191г. по октябрь 1192г.) было известно содержание «Шарафнаме» Низами, либо задолго до появления этих произведений на Востоке уже существовала легенда о каннибализме великого полководца, как военной хитрости с целью устрашения противника («Выдающиеся русские ученые и писатели о Низами». Баку. Гянджлик. 1981).

Характерной чертой творчества художников ренессансной культуры, воспевавших гуманистические идеалы, было умелое сочетание традиций классической литературы с мотивами исторического прошлого.

Условность и нестандартность мифологических мотивов давали писателям и поэтам безграничные творческие возможности, при которых слагались возвышенные романтические гимны, посвященные Человеку, его божественной Любви. Любовь у Низами приобретает общечеловеческий смысл. Великий Гете, в отличие от тех, кто считал поэта «певцом мистической любви», называл его творения «самыми волшебными из всех книг о ранней любви» («Книга чтения»). При этом Гете исходил именно из безграничной любви великого гуманиста к человеку, а через него и к Всевышнему. Художественно-эстетическая и глубокая логическая последовательность поэмы Низами поистине завороживала патриарха европейской литературы, и он не скрывал того влияния, которое оказали на его творчество божественные творения великого поэта, не говоря уже о признании его со стороны других известных европейских и русских мастеров художественной литературы.

Вместе с тем некоторые специалисты пытаются упростить этот общепризнанный факт. Например, известный русский литературовед В.М.Жирмунский считает, что Гете при создании «Западно-восточного дивана» будто бы был неискренен. При этом он «ссылается» на И.К.Лафатера, близко знавшего Гете.

В.М.Жирмунский явно ревнует Гете к Востоку. Спрашивается, с какой стати понадобилось Гете «насиловать» свой гений по отношению к Востоку, когда он сам с большим рвением изучает поэзию народов мусульманского Востока и священную книгу Коран, даже «переводит из нее 6-ю суру»? (Л.Самедова). Великий немецкий поэт-мыслитель, достаточно хорошо знавший специфику восточной поэтической среды, советует любителям стиха самолично поехать на родину поэта, чтобы глубже почувствовать и осознать его суть:

*Wer das Dichten will verstehen,
Muß ins land der Dichtung gehen
Wer den Dichter will verstehen,
Muß in Dichters Lande gehen*

*Кто хочет понимать поэзию,
Должен отправиться в страну поэзии.
Кто хочет понять поэта,
Должен отправиться в страну поэта.*

(Подстрочный перевод)

В.М.Жирмунский также с иронией воспринимал увлеченность некоторых русских поэтов-романтиков отдельными стихами из «Дивана» Гете, не подозревая в них аромат восточного Ренессанса.

Зато его прекрасно чувствовали В.К.Кюхельбекер, А.А.Бестужев-Марлинский и другие русские романтики, которые хорошо знали и любили родину великого поэта Низами. В этом плане для читателей будет небезынтересно сравнение выбранного из текста «Дивана» и переведенного Бестужевым-Марлинским А. А. в форме подражания стихотворений «Близость» и «Без тебя» великого Низами, где любовь и грусть составляют неразрывное единство. В обоих стихах налицо страдания лирического героя от необратимой разлуки с любимой, его глубокая грусть и одиночество. Во всех этих нелегких испытаниях он (*лирический герой – И.А.*) находит утешение лишь в безграничной преданности к священной любви:

*Мне ночь не в ночь, мне в ночь невмочь, когда тебя нету со мной.
Сон мчится прочь, сон мчится прочь, беда в мой вступает покой.
Клянусь, придет свиданья час: пройти бы не мог стороной.
Клянусь я мглою кос твоих: уйдешь – и охвачен я мглой...*

(Низами «Без тебя». Перевод К.Липскерова)

Сравните:

*Как часто, милое дитя,
Тебя чуждаюсь я неволью,
Когда, в толпе людей блестя,
Крутимся мы – хоть сердцу больно;
Но в мраке ночи и в тиши,
Тебя, не видя, нахожу я
По жару девственной души,
По сладкой неге поцелуя.*

(Гете «Близость». Перевод А.А.Бестужева-Марлинского)

Как показывают наблюдения, в избранных темах, стиле и поэтических идеалах зрелого Гете во многом чувствуется веяние традиций восточной поэзии. Больше всего великого немецкого поэта притягивала тема любви в произведениях Низами.

У гениального гуманиста любовь к человеку приобретает божественную окраску; через человека он выражает свою священную любовь к Богу. Именно человек, как уже отмечалось ранее, является самым совершенным созданием Всевышнего. Поэт считает, что любовь очищает человека от всяких порочных привычек и деяний, духовно возвышает его. Он также считает, что любовь не должна преследо-

вать никаких выгод, она требует безвозмездной отдачи самого себя. Например, исцелить Меджнуна от любви, которую считали безумием, невозможно. «Его любовь к Лейли – не просто всепоглощающее чувство, это чувство, которое растворяет в себе все остальные человеческие интересы, вернее, оно отменяет их» (Р.Алиев). Хосров также не мог стать настоящим влюбленным (ашигом), потому что положение, которое он занимал, само по себе требовало жертвы. А когда он отошел от власти и совсем близко подошел к своей цели, его настигает несчастье – его убивает собственный сын. И это произошло не случайно: он понес наказание за непостоянство по отношению к безупречной любви Ширин. Противоречивость и любовь несовместимы. По мнению Низами, истинная земная любовь немыслима, невообразима без любви к Богу. Там, где нет любви к Всевышнему, любое стремление к прочному успеху или счастью обречено на провал.

Низами Гянджеви, как художник ренессансной культуры, свои художественные образы отбирал из далекого прошлого (большей части с доисламских времен), за что еще в XVII-XVIII веках европейские востоковеды прозвали его «художником, введшим в моду исторический роман». Конечно, поэмы Низами сегодня трудно назвать историческим жанром. Некоторые эпизоды вымышленные (походы «руссов» на Закавказье, Барду....) или исторические факты преподнесены анахронизмом (в подлинной истории Александр совершил поход в Египет после победы над персами, а у Низами все наоборот). Иначе говоря, эти факты часто служили своего рода поводом для воспроизведения вымышленных событий. «Однако свобода обращения с материалом отнюдь не беспредельна: в повествовании все же остаются многие исторические факты с некоторыми подробностями, исторические деятели с их реальными поступками и т.д., причем отбор этого материала подчинен изображению совершенно иной действительности, раскрытию сущности бытия вообще и его человеческих устоев. Как известно, у всех народов на заре их цивилизации такого рода миссию выполняла мифология, служившая универсальным объяснением жизни и универсальным же руководством к ней. Художественное мышление Низами в его эпоху во многом подчинено приемам мифологического творчества», – подчеркивает Р.Алиев.

Поэт выбрал такие образы, посредством которых возможно было воспроизводить события и факты прошлого не такими, каковы они были на самом деле, а такими, как он хотел их видеть в собственном произведении. Это касается также и созданных им образов женщин. В этом плане Низами стоял гораздо выше всякой религиозной этики. Как отмечает профессор М.Годжаев: «В исламском мире посредством женского образа не было бы логичным раскрытие философии человека с чисто мусульманским мышлением». То же самое можно сказать и об отношении к женщинам в средневековой христианской Европе («Nizaminin insan fəlsəfəsi». Bakı.1997). Иначе говоря, созданные Низами женские образы своим безупречным морально-этическим характером сделали очень многое для преобразования и перевоспитания Хосрова, Бахрама.... Александр покорил чуть ли не весь мир, но встреча с Нушабой заставила его в некотором роде пересмотреть свои поступки и действия. Вместе с тем эти прекрасные женские образы не могли выступать в роли главных персонажей как в поэмах Низами, так и в произведениях других авторов того времени. Таков был закон классической литературы того времени. Однако никто из художников слова до Низами не создавал таких совершенных женских образов.

Естественно, что все перечисленные факты дают нам возможность представить некоторые важнейшие черты монументального портрета поэта-мыслителя эпохи Возрождения. Хотелось бы также подчеркнуть, что монументальность, даже планетарность эта исходит из самого творческого характера культуры той эпохи. Низами отмечал, что среди многочисленных планет во всей Вселенной земной шар не является такой уж большой планетой. Если учесть, что три четверти ее территории составляет вода, а на остальной части расположены сотни стран, в которых живут

миллионы людей, то на этом фоне чрезмерная индивидуализация или возвеличивание таких личностей, как Хосров Парвиз, Бахрам Гюр и подобных им людей, противоречили бы священным порядкам Всевышнего. Похожая планетарность присутствует и в европейском Возрождении. Когда мы наблюдаем за общечеловеческими трагедиями, которые переживают герои шекспировских пьес, мы неоднократно убеждаемся в том, что мир этот – огромная театральная сцена, а люди в нем – актеры.

Иначе говоря, великие художники ренессансной культуры посредством сильных, смелых романтических образов всегда поднимали на поверхность общечеловеческие проблемы. В этом убеждают нас бессмертные творения Низами, Данте, Шекспира, Сервантеса и других гуманистов мировой литературы.

Трудно согласиться с теми, кто тему борьбы добра и зла, света и тьмы в произведениях Низами напрямую связывает с зороастризмом. Конечно, Низами достаточно глубоко изучил зороастризм, но ему были хорошо известны также древние индийские, персидские, арабские, греческие, римские источники, и он ими умело пользовался.

Время, в котором жил Низами, было достаточно сложным; на огромной территории Сельджукской империи и в сопредельных с ним государствах происходили непрерывные кровопролитные войны за власть. На глазах поэта инакомыслие подвергалось гонениям. Добро и свет не всегда одерживали победу над злом или тьмой, т.е. в противовес ожиданиям гуманистов идея и реальность перестали совпадать. Иначе говоря, жизнерадостные, оптимистические произведения раннего Ренессанса уже на другом этапе его развития были заменены «кровавыми трагедиями» (А.Аникст). Однако поэт-гуманист не переставал защищать слабых и обездоленных:

*Непосильна справедливость, обуздай хотя б насилье,
Помни: тот, над кем ты властен, – человек, а не баран...
...Не лишай подвластных хлеба, не лишай воды поля их,
Чтобы ангелам на радость дань тебе платил шайтан.*

Справедливость, доброта, как незыблемый «атрибут» человечности, всегда ставились художниками-гуманистами во главу угла. Однако чтобы быть воистину справедливым и человечным, прежде всего надо иметь душу, наполненную любовью к Господу Богу:

*Мягкосердечен будь, как воск, Давуду кроткому под стать,
Чтоб стала сталь в твоих руках не тверже сеяной муки.*

Всю свою жизнь великий Низами считал Пророка эталоном совершенства. Может, именно по этой причине главного героя своего последнего произведения он поднял до уровня Пророка. По мнению некоторых специалистов поэт после долголетних творческих исканий не нашел реального, справедливого героя и поэтому изобразил Александра Македонского не жестоким завоевателем, а правителем-Пророком, который установил порядок, справедливость и равноправие на Земле.

Во всех своих произведениях поэт-мыслитель, гениально сочетая исламскую концепцию добра с высокими гуманистическими идеями ренессансной культуры, создал монументальную философию человека и тем самым поставил себе на века «неукотворный памятник».

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

РАССКАЗЫ

Армянин из Сирии

Старик не спал почти всю ночь. Чем старше он становился, тем больше думал о прошлом. Все бывшие события всплывали в сознании яркими картинками, совсем, как в детских книжках. Радости и горести казались ослепительными вспышками. Разве мог он сравнить прошлое с размеренным, тусклым настоящим! Он словно долго шел по лесной тропе, ожидая увидеть впереди свет, залитую солнцем поляну. А вместо этого забрел в непроходимую чащу. Путь через заросли – узкая тропинка, ведущая в неизвестность, во тьму. Вот и остается: повернуть назад, в прошлое, в свою молодость и зрелость.

«Ситуация в Сирии остается напряженной. Бои идут за Алеппо. Город разрушен почти полностью. Мирное население несет большие потери. Нехватка питьевой воды, продовольствия чревата возникновением эпидемий. Мировая общественность озабочена положением мирных граждан Сирии». Телевизор изрыгал очередную партию новостей. Старый человек, смотревший на экран, не слушал все подряд, а выхватывал отдельные эпизоды. Про Сирию он услышал и задумался. Анатомия любого конфликта настолько сложна и необъяснима, что найти хирурга, способного умным скальпелем провести операцию, после которой две конфликтующие стороны, похожие на дерущихся сиамских близнецов, будут удачно разделены и впоследствии смогут вести разумный диалог, похоже, невозможно. Надежда найти такого мудреца стремится к нулю. Напротив сидела жена, разглядывавшая пожелтевшие фотографии. Старый человек заговорил, обращаясь к жене, но не ожидая отклика с ее стороны.

– Мировая общественность все время чем-то озабочена. Посмотреть бы на нее. Какая она? Ведь ничего не меняется от ее озабоченности. – Старый человек отпил глоток чая из армуды стакана. – Видишь, пью чай. Купил в магазине. Увидел коробку желтого цвета с синим слонем, а на ней написано: «Индийский чай». Вспомнил, какой замечательный был чай из этой коробки. Давно. Очень давно. Вот купил. А... ты и не помнишь, когда в магазине были такие слоны, такой чай.

Женщина подняла голову и неожиданно ответила:

– Помню, конечно, помню. Каждый раз ты мне говорил, какой вкусный чай. А этот, что ты купил, не имеет никакого вкуса.

Мужчина удивился. Он так привык к монологам.

– Да, в самом деле. Безвкусный. Я посмотрел, где его расфасовали. В Ростове. Ну, вот, что они там набросали в Ростове вместо индийского чая, не знаю. А ты сегодня, похоже, проснулась, наконец. Как спящая красавица. Может, услышишь, что я тебе говорю. Вот сейчас про Сирию рассказывали. Я вспомнил удивительную историю. Как слышу про Сирию, вспоминаю этого человека. Армянина сирийского. Звали его Жак. Вот такое странное имя для армянина.

– Ничего странного. Они любят иностранные имена. Джульетта, Мариэтта, Пальмиро. Риголетто. Помню, такой мальчик был, – женщина казалась настроенной на диалог.

– А ты и наших вспомни. Гамлет, Шекспир, Князь, Офелия. Тоже неплохо. Помнишь, когда я был начальником. Не совсем большим, средним. В моем подчинении находились 150 человек, я заведовал отделом «Экспериментальное конструирование» в большом объединении. И название у объединения было подходящее: «Нивинэфтехим».

– Конечно, помню. Гордилась, что у меня такой муж, и ревновала – столько женщин вокруг. А ты был интересным мужчиной.

– Хе-хе. Я и не догадывался. Слушай дальше. Как-то присылает ко мне отдел кадров мужчину, армянина. Тот говорит, что он токарь и хочет работать у нас. Внешность у него была приятная. Высокий, хорошо сложен. По-русски говорил плохо. Но для токаря это не главное, сама понимаешь. Даю ему деталь с чертежом, чтобы выточил. Так он все замечательно сделал. Другие рабочие пришли на его работу посмотреть. В общем, взял я его на работу. Он мне сказал тогда : «Спасибо, гражданин начальник!» Так он меня называл: «Гражданин начальник!» Удивительная судьба у этого сирийского армянина Жака и у его семьи. Они приехали из Сирии. Я тебе уже сказал. Не сразу выбрали Сумгайыт. Когда во времена Хрущева наступила оттепель, многие армяне из тех, кто жил в других странах, захотели приехать в Армению. Их туда звали. Обещали молочные реки в кисельных берегах. Жак с семьей переехал в Ереван, где им дали две комнаты. Жена, дочь постарше и сын. Потом я и сына к себе в отдел взял. Жак не рассказывал, почему они уехали из Еревана. Не очень он разговорчивый был. Знаешь, между собой они говорили по-французски. Что-то у них не получилось в Ереване, и они обменяли свою квартиру на Сумгайыт.

Женщина посмотрела на мужа, оценивая, стоит делиться с ним мыслями или он, как всегда, станет выискивать, к чему прицепиться, как выставить ее недотепой. Решилась:

– Да, столько всего произошло с тех пор. Теперь при слове «Сумгайыт» многие армяне начинают посыпать голову пеплом.

– Ладно. Я тебе рассказываю про Жака. Хочешь, слушай.

– Конечно, хочу. Мы так редко с тобой разговариваем.

– Да, что касается сумгайытских событий. Ты забыла, что организатором, главным зачинщиком погромов был армянин? Как его.... Эдуард, да... Эдуард Григорян. Думаю, ему помогли азербайджанцы, беженцы из Армении.... Их тогда направили в Сумгайыт, вместо того чтобы разместить в Карабахе. Странная ситуация, похожая на провокацию. А сейчас никто концов не найдет. Да... вернемся к Жаку. В Баку, видимо, они тоже не нашли варианта. Я тебе уже сказал: работал он отлично. Мельчайшие детали выполнял безукоризненно. Очень интеллигентный человек. Я бы сказал, аристократ. В то время на праздники устраивали демонстрации. Все шли колоннами, несли плакаты. Одевались празднично. Плакаты для нас в то время казались обычными: «Ленин с нами», «Слава КПСС», что-то в этом роде. Жак с семьей тоже приходил на демонстрации. Жена-красавица, дочь, тоже хорошенькая и сын. На них приятно было смотреть.

– Вот интересно, о его жене ты помнишь, какая она была красавица и как хорошо одета. А я? Меня не помнишь? На одной из демонстраций, в ноябре, ну да, отмечали великий Октябрь, на мне было новое пальто терракотового цвета в большую клетку из шерсти, и пуговицы на нем удивительные, полированные с золотым отливом, очень красивые. Пальто мне очень шло. Сколько комплиментов я услышала от твоих сотрудников!

– Да?!!! В самом деле?! А я и не знал! Помню тебя в этом пальто. Симпатично смотрелось. Пальто.... Шучу.

– Ты ни разу мне об этом не сказал. Боялся, что я загоржусь и забуду, какой у меня выдающийся муж.

Оба замолчали. Каждый думал о своем. Нить, связывающая их, супругов со стажем, иногда представлялась очень тонкой, потертой во многих местах, готовой разорваться при малейшем усилии и, тем не менее, оказавшейся прочной, прочнее стального троса. Ему долгое время казалось, что он попал в ловушку брака и все время пребывания в нем, просто механически выполнял все обязательства, связанные с женитьбой. Растил детей, заботился о жене. Как мог. А вот теперь выясняется,

что многого он не видел. Не знал, хотя ни разу не расставался с женой надолго. Оказывается, она ждала. Его комплиментов. Восторга! Не дождалась. Сейчас, даже если он начнет говорить ей ласковые слова, она не поверит. Старая стала. Недоверчивая.

– Как-то приходит он ко мне и говорит, что хочет уехать во Францию, у него там тетя живет в Бордо. Зовет его к себе. Я ему сказал, что подпишу нужные документы, дам характеристику. Знаешь, как у нас все было, без характеристики ни шагу. Да... В то время во Франции президентом был де Голль, и отношения с Россией, со всем Союзом он старался поддерживать. Теперь я понимаю, что это была его мечта. Жака мечта. Уехать во Францию. У Жака получилось!

Старый человек погрузился в воспоминания. Он заново переживал то время. Жак стоял перед глазами, радостный, улыбающийся, протягивал документы для подписи. Документ, в котором его богатая тетя из Бордо подтверждала, что сможет содержать все семейство, прижимал к груди словно драгоценную реликвию.

– Знаешь, у тети Жака в Бордо был собственный двухэтажный дом, в общем, небедная женщина. Мне кажется, что она не пожалела, пригласив своих родственников. Перед отъездом Жак пришел ко мне и спросил: «Что вам прислать из Франции, гражданин начальник?» Естественно, я ответил, что ничего мне присылать не надо, у меня все есть. Но Жак настаивал. У меня на столе лежал журнал об охоте и рыбалке. Я взял в руки журнал. В нем рекламировали разные принадлежности для охоты и рыбалки. Предметом моей зависти на тот момент была катушка для спиннинга. Круглая такая катушка, чтобы собрать леску. Подробно тебе объясню.

– Думаешь, я не знаю, что такое катушка для спиннинга? Обижаешь, «гражданин начальник». Столько лет живу с охотником и рыболовом. Знаю, и что такое спиннинг, и для чего нужна катушка.

– Замечательно! Оказывается, ты большой спец. Так вот, показываю ему катушку и говорю, что если он хочет меня порадовать, то пусть пришлет такую катушку. Слушай дальше. Жак с семьей уехал. Прошло довольно много времени, меня вызывают в Спецотдел. Отдел чекистов. На каждом предприятии работал такой отдел. Двое мужчин спрашивают меня: «Кто у вас есть во Франции?» «Никого нет, – отвечаю». «Вам пришла бандероль от какого-то Жака. Кто это, Жак?» «У меня работал Жак. Токарем». «Открывайте». Я открыл пакет. Вижу – катушка для спиннинга. Классная. И небольшое письмо. Жак писал, что такую катушку, как в журнале, он не нашел. Но та, что он прислал, еще лучше, у нее больше функций. В общем, отпустили меня вместе с письмом и катушкой. Вот такой Жак, армянин из Сирии.

– Тебе повезло. Отпустили. А я и не знала ничего о Жаке. Родовались они, наверное, что в конце концов попали во Францию.

– Не знаю, ничего больше о нем не слышал. А ты многого не знаешь из моей жизни, хоть и вместе прожили столько лет. А может, это и хорошо?

Мужчина повернулся к жене, усмехнулся и подумал, что он, наверняка, знает о ней больше, чем она о нем. Жена догадалась о его мыслях, но ни взглядом, ни словом не стала его разубеждать. Пусть все останется, как есть.

Происшествие

За окном темно. Петух подал голос. Удивительно, как он прижился в городе. Вслед за ним протяжный призыв муэдзина к утренней молитве. Значит, пора. Пришло время вставать и ехать на старенькой, такой же ветхой, как и хозяин, машине к морю. Сейчас там хорошо. Тихо, море с небом в союзе, почти неразличима линия горизонта, и вдруг, как свидетельство божественного начала – малиновый диск, медленно выплывающий из моря. Зрелище величественное, захватывает. Каждый раз словно впервые происходит на глазах чудо. Солнце покидает свою опочивальню на дне морском и являет красу свою миру.

Старик часто любовался восходом. Одно из удовольствий жизни, которое ему было доступно. Каждый раз, когда он наблюдал за триумфальным появлением Солнца, он чувствовал себя облаканным судьбой. Солнце малиновое, затем красное, оранжевое, разметавшее лучи далеко по волнам, а потом золотое и нестерпимо раскаленно-белое.

Он сел за руль. Привычно прислушался к звуку мотора. Легкий хрип, как у курильщика со стажем. «Мы похожи». Новенькие блестящие джипы на дорогах, настоящие звери. Хотелось иногда оседлать такого монстра. Почувствовать, как легко он подчинится его воле, и с места в карьер помчится по автостраде. И тут он представил автоинспектора, который обязательно заметит необычный тандем: уставшего от жизни старика и молодого зверя. Конечно, остановит машину, хотя бы из любопытства, тем более, если номера не кричат о статусе владельца. Тогда придется раскошелиться.... Права просрочены, возраст владельца откровенно преклонный. «Принц Филипп водил машину и после того, как ему исполнилось 90 лет, и ничего», – подумал было старик, но тут же одернул себя. Все же он не принц.

Ну и хорошо, что у него старенькая невзрачная машина, не вызывающая особого интереса ни у водителей на дороге, ни у полицейских. Старик вздохнул и тронулся в путь по пустынным улицам. А вот и берег моря. Он привычно заехал на стоянку небольшого кафе. Солнце показало свою макушку из моря. Рассветало. Старик, не оглянувшись, как он обычно делал на стоянке, зная наперед, что никто не забредет в эти края в такую рань, подал машину назад. И неожиданно почувствовал удар. Машина со скрежетом врезалась, но во что? Старик оглянулся назад и с ужасом увидел, что позади стоит огромный джип, и его машина въехала в дверцу сияющего зверя. Он посидел некоторое время, закрыв глаза, стараясь ни о чем не думать, а просто набраться мужества. Вышел из машины, подошел к джипу. Да... Его старенькая машина, как оказалось, способна нанести серьезный ущерб мощному сопернику. Что теперь ему делать? Вокруг никого. Нет свидетелей его проступка. Камер здесь нет, охранник придет не раньше, чем через час, а за это время его и след простынет. Одно из возможных решений. А совесть? Будет молчать или начнет грызть по ночам, словно ненасытный хищник? К тому же, владелец джипа, а также кафе и другого добра, небедный человек, а совсем наоборот. Богатый, да, богатый. Не то, что старик с его маленькой пенсией. Каждый раз, идя за покупками, он зорко следит за ценами, за качеством, за тем, чтобы не обманули. «Держи ухо востро», вот его девиз. «Его не обманешь, нет, стреляный воробей». Русские присказки часто мелькали в его речи, наследство любимого русского учителя Тимофея Ильича.

Тут он представил себе, что однажды утром он выйдет во двор, чтобы поехать на берег моря любоваться восходом солнца, а может, повезет, и рыбешку на удочку поймает на обед, а его старый друг машина стоит с разбитой дверцей, а вокруг никого. Никто ничего не видел и не слышал. Старик принял решение. Он сделает все, как должно. Обрато он ехал тем же путем, по тем же пустынным улицам. Приехав домой, старик собрал небольшое совещание. Вызвал старшего сына и старшего внука. Рассказал им о случившемся. Не для того, чтобы выслушать их советы. Аксакал не нуждается в советах, а принимает решение единолично. Сын и внук должны найти владельца машины, рассказать, как все произошло, и предложить оплатить все расходы. Сын не выдержал:

– Тебя кто-нибудь видел? Ты знаешь, сколько денег у этого человека? Его все знают и все объекты тоже. А если придется менять дверцу джипа? И еще он захочет сообщить об этом полиции? А у тебя просрочены права? Забыл?

Отец холодно посмотрел на своего практичного, современного сына:

– Меня не интересует твое мнение. Ты поедешь и договоришься с владельцем машины. Я не стал его ждать, потому что задний фонарь моей машины разбит, и позже я не смог бы спокойно доехать до дому.

Сын замолчал, зная по опыту, что пререкаться с отцом бесполезно. Он все равно сделает по-своему.

Переговоры прошли успешно. Владелец джипа знал старика, однако никакой уступки ему не сделал. Он согласился решить конфликт полюбовно, не привлекая к этому дорожную полицию, по опыту зная, что в подобном случае и ему придется раскошелиться. За что? Повод найдут, можно не сомневаться. Порешили, что старик меняет ему дверцу джипа, и делать это будет мастер владельца джипа. Сколько он скажет, столько и заплатит старик. Сын не скрывал недовольства, однако воздержался от замечаний. Внук казался индифферентным. Дед сам решал свои проблемы. И внука такая ситуация вполне устраивала.

– А теперь займусь своей машиной, – подумал старик.

В тот же день он позвонил электрику. Мастера старик знал давно. Сказать, что ему очень нравилась работа мастера, неправда. Но как говорил старик: «Он лучший из того, что есть». Строгая оценка объяснялась просто: старик – технарь и хорошо разбирался в любой технике, и в электричестве, и в механике знал толк. Договорился на раннее утро. Приехал в гараж и застал электрика за работой. Хотел возмутиться, но не стал. Пандемия, не у каждого работа есть, а у его мастера заказы не переводятся. Походил по дворику, прихрамывая на больную ногу, потом сел. Стал давать советы, как лучше справиться с проблемой. Электрик отвлекся от работы, стал долго и нудно рассказывать, почему так получилось, как ему на голову свалился срочный заказ, от которого невозможно отказаться. Попытался разжалобить старика. Предложил пойти в столовку и что-нибудь съесть, «авось, подберет и перестанет отвлекать от работы». Старик догадался, что мастеру не терпелось спровадить его, так ему легче работать. Послушался, зашел в столовую, спросил у повара, чем он сегодня будет кормить работяг. Котлеты, макароны, чечевичный суп. Выслушав повара, старик поморщился:

– Знаю я ваши котлеты. На машинном масле. Недалеко ходить за маслом, гараж под боком.

Повар странно посмотрел на старика, но ничего не ответил, пожал плечами.

– А яичницу с помидорами сделать можешь?

– Могу, конечно.

– Пойдем, покажешь, какие у тебя яйца, помидоры и, главное, масло.

Повар покорно пошел вперед на маленькую кухню, открыл холодильник, не блещущий чистотой, и показал продукты, из которых собирался делать яичницу. Старик внимательно все осмотрел, прочитал, что написано на этикетке растительного масла, и вынес вердикт:

– Я знаю это масло, мой желудок его не переносит.

Повар поджал губы, не сказав ни единого слова. Старик зашел в туалет, а затем вернулся в гараж. Электрик возился все с той же машиной. «Если так пойдет, он и до ночи не возьмется за мою машину».

– А знаешь, дорогой, я могу позвонить твоему большому начальнику и рассказать ему, как ты издеваешься над старым человеком. Я торчу здесь уже три часа, хотя время ты сам назначил, а не я. Мы знакомы много лет, но я ни разу не напомнил тебе о своей родне, потому что считал, что ты порядочный человек. Вот теперь вижу, что я ошибался! Представь себе, что в нашем городе, а он не такой уж маленький, второй по величине и значению после столицы, так вот, в нашем городе одна из главных улиц носит имя моей тещи. Да, да. Я могу прямо сейчас позвонить не только твоему начальнику, а главе города и пожаловаться на тебя!

Мастер поменялся на глазах. На губах появилась угодливая улыбка. Он вытер руки ветошью, подошел к старику, подвел его к дряхлому креслу, стоявшему в углу двора. Подозвал мальчишку, помощника, и велел принести самоварный чай. Старик удивился «откуда он возьмет самоварный чай», но виду не подал. Электрик вер-

нулся к машине старика, внимательно осмотрел заднюю фару, предложил старику самому купить новую в магазине через дорогу. Есть подешевле и подороже. Старик не поленился, пошел в магазин и купил сразу две дорогие фары. Решил, что машина, столько лет служившая верой и правдой, заслужила награду – два блестящих фонаря; а потом он еще ее и подкрасит. И снова она станет, как новенькая. Вернулся в гараж, протянул фары электрику. Тот оценил выбор старика, улыбнулся:

– Самые дорогие фонари купил на старую машину, а мог бы подешевле купить. Пенсия у тебя небольшая.

– Если старая, значит, надо все плохое покупать для нее? Я тоже старый, и что? – насупился старик.

Мастер решил не вступать больше в разговор. Работа спорилась, и уже через час два новеньких задних фонаря красовались на старой машине. Сверкающие фонари диссонировали с общей картиной. Старик подумал, что не мешало бы покрасить свою верную подругу, маленькую машину, состарившуюся вместе с ним. В тот же цвет. С красивым названием «Лазурь». Сразу же перед глазами возникает картинка – небесная лазурь в яркий весенний день.

– А продай мне свой старый целый фонарь. Он тебе не нужен.

– Продам! Почему бы не продать?! А сколько дашь?

– 5 манатов, больше он не стоит.

– 5 манатов?! – возмутился старик, помолчал, подумал, – ладно, забирай! Приеду через неделю. Покрашу машину. Найди мне хорошего мастера.

Домой он приехал поздно. Усталый, голодный, неразговорчивый. Сын и внук не стали ни о чем расспрашивать. Неделю старик отдыхал, а заодно размышлял, как вернуться на прежнее место на берегу. То самое злополучное место. Удобное место, что и говорить. Эстакада выходит в море, рыбку ловить удобно. Рядом кафе, чай попить, в туалет сходить. Вроде он все сделал, как должно, а возвращаться туда боязно. А вдруг не пустят его, аксакала? Неудобно получится. В его возрасте лучше не появляться там, где тебя не ждут. Задумался над тем, что в его возрасте удобно, а что нет. В последнее время старик увлекся новомодным айпадом. Вначале стал читать информацию о машинах. Какие новшества появились, диковинки. Он всегда был заядлым автомобилистом. Про рыбалку почитал. На какие черви, какую рыбу и где ловить. Посмотрел на разные спиннинги. «Замечательно». Его словечко. Только все новые чудеса ему не по карману. А потом стал смотреть все подряд. С приходом пандемии увлекся статьями о «ковиде», лекарствах, советах медиков и тех, кто вернулся с того света. Устал безмерно. Как-то в беседе со своим старинным дружком признался: «Весь этот интернет – сплошное болото. Увязаеть в нем очень быстро, а когда выбираешься из него, весь в грязи».

Дружок многозначительно изрек: «Allah o dūnyasini versin. Əsas budur». Старик посмотрел на друга, покачал головой. В их возрасте думают о вечном, о потустороннем, справедливом мире, где грешники отделены от праведников. Совсем о другом думал старик. «Как вернуться на берег?» На следующий день проснулся спозаранку, в 5 часов утра. Самое время для прогулки, рыбалки. Собрался с духом и поехал. Сторож на этот раз исправно нес службу. Оказался на месте. Посмотрел на старика настороженно, однако поздоровался.

– Знаю, что ты на меня сердит, – отозвался старик, – досталось тебе от хозяина. А теперь послушай меня. Я мог бы уехать, и никто бы не знал, кто стукнул машину твоего шефа. Вот тогда бы тебе досталось, не сомневайся! Может, он заставил бы тебя платить за ремонт. Я этих богачей знаю! Долгую жизнь прожил! Сколько у меня изобретений, патентов! И что?! Посмотри на меня, на мою старенькую машину и на шефа своего. Думаешь, он умнее меня? Нет, конечно же! Он делец! Тебя бы заставил платить, если бы я не появился! Так что, дорогой, тебе со мной дружить надо.

На лице сторожа читалась работа мысли. Нахмуренные брови расправились,

сжатые губы постепенно складывались в доброжелательную улыбку. Старик улыбнулся в ответ. Не готов он к «о дйпуауа», потустороннему миру. Ему и здесь хорошо.

Распогодилось. Солнце выплывало из моря, юное и вечное. Старик шел по берегу, слегка прихрамывая. «Классно он все объяснил сторожу. Умен аксакал». Впереди его ждала осень со многими погожими деньками.

Медитация

Мужчина средних лет в одежде, которую с успехом может носить как бомж, так и миллионер, шел неспешной походкой по Губернаторскому саду. Вдруг он нагнулся и подобрал с земли целую сигарету. Он оглянулся по сторонам, встретился глазами с женщиной, сидящей на скамейке, подул на сигарету и спрятал в карман. Мужчина продолжил свой путь, затем внезапно остановился, поднял голову на резкий свист попугая, устроившегося на ветке высокого дерева. В последнее время попугаи оккупировали сад, вытеснив всех других птичек. Даже вездесущие вороны, и те не часто залетали во владения новых хозяев. Послушав немного попугая-разбойника, мужчина спустился к затейливому фонтану, где дули в рога сказочные тритоны. Вокруг красочного фонтана стояли ажурные металлические скамейки. Второй ярус конструкции, куда вели ступеньки, украшен легкой колоннадой. Столь живописный ансамбль в век фотографии привлекал внимание всех, кто стремился найти выгодный фон для снимков. Новобранцы, раньше выбиравшие героическую тему в образе Вечного огня, теперь все чаще устраивали фотосессии вокруг фонтана. В случае с молодоженами фотографы использовали подручные средства, новомодные технические гаджеты. Позы, ракурсы стали терять естественность и все больше приближались к фото из гламурных журналов. Жених на одном колене держит за руку мечтательную невесту, жених и невеста улыбаются, держатся за руки, шлейф невестиного платья развеивается на ветру.

Мужчина вытащил из кармана драгоценную сигарету, помял ее, понюхал, прежде чем решиться поджечь кончик дорогой, массивной зажигалкой. Он закурил с наслаждением, понятным старым курильщикам, лишенным долгое время по каким-либо причинам курева. Вдохнул ароматный дым, задержал в себе и медленно выдохнул, прикрыв глаза. Напротив него жених с невестой продолжали фотографический балет, где дирижером выступал старый фотограф. Мужчина какое-то время наблюдал за сложными маневрами, а затем погрузился в свой мир, ушедший в прошлое, ставшее далеким. В век виртуала и соцсетей такие путешествия все чаще называют медитацией, размышлением, конечно, если абстрагироваться от сложных восточных, буддийских практик. Медитировать, размышлять, оставив переживания, бурлящие эмоции в прошлом. Посмотреть на ушедшее со стороны, сторонним наблюдателем, которому любопытно все, что он видит. Все равно, что листать интересную книгу со множеством картинок. Задерживаясь на картинках, чувствуешь аромат того ушедшего мира. Но все прошедшее покрыто патиной времени. Чувства не имеют того накала, а некоторые из них и вовсе ушли в зыбкую реку забвения Лету. Он увидел себя молодым красивым женихом, держащим за руку юную девочку. Ни он, ни его невеста не были одеты в помпезные наряды. На ней – платье цвета чайной розы (так она сама назвала цвет своего наряда), прикрывающее колени, с широкой юбкой, схваченной в талии, горловиной, открывавшей только стройную шею, и рукавами до локтя. На нем костюм, подаренный отцом, темно-коричневого цвета и галстук, модный на тот момент, цвета бордо с едва заметной искрой. Счастливые! Да, их можно было назвать счастливыми. Кто мог знать тогда, в тот миг, во что обернется идиллия?! Никто. Наверное. Следующий кадр с фотопленки медитации. Его жена, превратившаяся из хрупкой девочки в задерганную женщину. Он видит перед собой растрепанную женщину в халате, подвязанном какой-то веревкой, на руках у нее

младенец, орущий без перерыва. Ребенок замолкал, только когда женщина кормила его грудью. Он вспомнил отчетливо, как ребенок просунул голову между столбиками кровати, подаренной тестем. Столбики на кровати необычные, а резные, похожие на балясины. Ребенок просунул голову в широком месте, а затем стал подниматься, застрял на глазах у родителей и стал задыхаться. Мужчина в тот момент не знал, что делать, как спасти сына. Жена подскочила к ребенку, с силой опустила его голову вниз, где проем был шире и выдернула сына, как редисочку, из кровати, чуть не ставшей орудием убийства. Ее лицо, омытое слезами, стоит перед ним. Мадонна. Он тогда подумал о ней, что она похожа на Мадонну Леонардо да Винчи.

А вот тюремные нары. Он сидит, обхватив голову руками, раздумывая над тем, как он дошел до жизни такой. Вокруг сокамерники, обычные люди, каждый со своей уникальной, как кажется любому из них, историей. У всех, если послушать их рассказы, широкая натура, сидят они потому, что слишком доверчивы и бесхитростны. Рассказы один другого красочнее. Мужчина слушает и каждый раз думает про себя. Неужели все, что рассказал несчастный сокамерник, правда? Он тоже рассказал свою версию событий. И по ней получалось, что единственный его грех – открытость и доверчивость. Ему придется провести за решеткой в тяжелых думах, возможно, не один год... За что? Неопрятная черная борода, грязная одежда, бегающий взгляд. Таким он вернулся домой. Такого его вытащила жена, распродав все, что у нее было, и выкупив непутевого мужа.

Мужчина сидит за накрытым столом, вокруг друзья и родные, возникшие из небытия после его освобождения. Он размяк от водки и говорит тост: «Я побывал там, где никто из вас, слава Аллаху, не был. И вот что я скажу вам. Лучше продать свое жилье и жить в палатке на улице, чем попасть в этот ад». Лицо жены, вызволившей его из ада, стоит у него перед глазами. Она прижимает к себе двоих детей: девочку и мальчика, в глазах тоска, она понимает, в следующий раз, когда он вновь окажется «открытым и доверчивым», она с детьми может оказаться на улице.

Медитацию прерывает высокий голос маленькой девочки. Она бежит, кричит, смеется. В руках у нее красный воздушный шарик. Глядя на нее, прохожие начинают улыбаться. И мужчина улыбнулся. Его маленькая дочка перед глазами. Когда она родилась, он почувствовал, что, кажется, становится мужчиной. Правда, процесс затянулся. Он понял это не сразу. Позже, много позже. Когда дочь вышла замуж.

Рядом остановился старик, небритый, заброшенный, пахнущий старьем и перегаром. Попросил прикурить, вытащил мятую пачку дешевых сигарет без фильтра. Мужчина щелкнул зажигалкой, взглянул на потухшие, красные глаза и уже собрался отвернуться или встать и уйти, с медитацией все равно не получилось, как вдруг старик дернул его за рукав, как старого знакомого, и неожиданно предложил:

– Пойдем, я знаю одну пивнушку, недорогую. Здесь рядом, в Старом городе. Мало кто знает. Там все свои, крепостные. Угощаю. Я сегодня щедрый. Позавчера вышел из тюрьмы. Вот, праздную. А друзей не осталось на воле. Все там, в зиндане.

Мужчина передернул плечами, хмуро посмотрел на старика:

– А с чего ты решил, что я с тобой пойду. Что, похож на твоего сокамерника?

Старик не обиделся, а продолжил гнуть свою линию:

– Ну да, вижу, что человеку не с кем поговорить, как и мне. Пошли, не пожалеешь.

Мужчина, словно под гипнозом, против своей воли, встал и пошел следом за стариком. Шли они недолго. Спустились в подвальчик, где сидели несколько таких же замученных жизнью мужчин, как и он со стариком. Подавали разливное пиво, которое он всегда любил, и нехитрую закуску. Горох, чипсы. Старик попросил к обычному набору еще два донера у мальчика, принесшего заказ. Мужчина, посмотрев на приосанившегося старика, догадался, что старик, по его понятиям, закатил ему самый настоящий пир. И что, наверняка, он будет долго и нудно рассказывать о загубленной жизни.

Мужчина не ошибся. После второй кружки старик захмелел:

– Скажи мне, ты вроде умный человек, хотя бы потому, что молчишь. Скажи, почему на воле все такие злые, обманщики, только о деньгах говорят, думают, мечтают. Больше ни о чем, понимаешь! Больше их ничего не волнует! Ничего! Я тебе скажу, как опытный человек, на зоне лучше. Там порядок! Думаешь, там все уголовники, убийцы, стоит зазеваться, сразу прирежут?! Неет! Все не так. Вот ты говоришь, что политические какие-то особенные, сидят отдельно, свои разговоры ведут. Нет. Все одинаковые. Думаешь, там есть воры в законе, которые диктуют свои порядки?! Неет! Ничего подобного! Их уже давно нет. Кормят как! Мечта! С утра манная каша. Вот скажи, ты давно манную кашу ел? А вот я три дня назад на завтрак ел манную кашу. А в обед макароны, картошка, мясо, рыбу дают. Чего смеешься? Думаешь, вру? Неет! Не вру! Ну, не каждый день, конечно, но дают. Я заметил, как ты отвернулся, наверное, мой запах не понравился. Думаешь, там нельзя помыться? Ошибаешься. Душевые кабины есть. В любое время, почти в любое, иди мойся, сколько хочешь. Можно и вещи постирать. Мне просто неохота было. Там даже библиотека есть. Я, кроме Уголовного кодекса, еще и Достоевского прочел, «Преступление и наказание». В школе, когда учился, я в русском секторе учился, так вот, этот роман я не прочел. Невозможно читать подростку такой роман. Сейчас я понимаю, что надо было читать. Головой качаешь, думаешь, поздно прочитал. По-всякому бывает. И работать там можно. Мы там мебель делали на заказ. За три года три тысячи заработал. Правда, как вышел, долги раздал, ничего не осталось. Да... ты можешь спросить, били меня мусора, полицаи или нет. Спрашивай! – неожиданно старик расстегнул рубашку и показал многочисленные шрамы на животе, – когда хватают тебя, а ты знаешь, обязательно схватят, потому как не в первый раз попадаешься, а значит, бить будут. У меня на такой случай был припасен маленький ножик, прятать его надо было хорошо, конечно. Вот этим ножиком я себе живот порежу, неглубоко, но так, чтобы кровь текла. А дальше лафа. Лазарет. Бить точно не будут. Знаешь, кому там очень хорошо живется? Не знаешь! Тем, у кого деньги есть. Они как короли живут. Что хотят, имеют. А ты как думал.

Мужчина отодвинул кружку, прочистил горло и произнес то, что и его волновало так же, как и старика:

– Я думаю о том же. Почему всех, что на воле, что в тюрьме, интересуют только деньги? Пойду я. Спасибо за угощение.

Старик не стал его удерживать. Задумался.

Мужчина шел вверх по тому же Губернаторскому саду. На повороте рядом с Крепостной стеной стоит кокетливо одетая женщина, с яркими бровями, выписанными словно тонкой кисточкой. Женщина как женщина. Она привлекла его внимание тем, что в руке держала табличку с уже примелькавшимся текстом с просьбой о помощи. Он посмотрел на нее внимательнее. Печальное выражение лица не растрогало его. Он вдруг вспомнил старый американский фильм с Джейн Фондой «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» Эпизод, когда главная героиня Джейн обнаруживает, что ее чудесное бальное платье, в котором она участвует в танцевальном марафоне, изодрано и все в грязи. Так распорядился организатор, потому как сытые люди пришли смотреть не на то, какие они прекрасные и как замечательно танцуют, а на унижение бедных. Невольно подумал, глядя на женщину, что ей мало кто посочувствует.

Вернувшись домой, в пустую холодную квартиру, пропахшую табаком, он лег прямо в одежде на кровать и заснул. Во сне он счастливо улыбался. Ему приснилась маленькая девочка в красном пальто и шляпке. Она крепко держит его за руку и время от времени громко смеется. Им весело вдвоем.

РАШИД КЕРИМОВ

Звёзды

**В небе – звёзды, в сердце – звёзды,
То парение, то спуск.
В стопудовье, бездорожьем
За тобой по кручам мчусь.**

**Слыша твой знакомый с детства
Каблучков бегущий стук,
Знало стиснутое сердце:
У печали – десять рук.**

**Но сквозь раны и камня
Билось, к счастью, о гранит,
Расправля оперенье,
Что с тех пор кровоточит.**

**Знать, для дерзкого полёта
Не хватало нужных сил
Иль разбега.**

**Оттого-то
Грузом звезды не корил.**

**Не беда, что с неуменья
Падал в споре с высотой.
Лишь бы и со дна ущелья
Видеть свет их над землёй.**

**Вспоминаю с сожалением
Всех, глазевших в небосвод,
Но узревших лишь паденье,
А не прерванный полёт.**

**Оттого мчусь за тобою
Сквозь горнило дней и вёрст,
Чтоб принести в гнездо родное
Гордый клёкот добрых звёзд.**

На прогулке

Мимо елей, мимо сосен,
Мимо солнечных равнин
Еле слышно бродит осень
В мире сказочных картин.

На разлив земной лазури
Лёг блуждающий туман,
И в глаза озёр, не хмурясь,
Я гляжу, как на экран.

Через мари и болота,
Через гиблые места,
Видя бездны и высоты,
Шёл я в зной и в холода.

Там, взрослея, познавал я,
Как корёжит жизнь хула,
Как безжалостней кинжала
Нам иная похвала.

Видел я, как на погосте
Зайцы нечто мастерят
И не ждут, что те же гвозди
Может, в лоб им угодят.

Но от них в иные пущи,
Пощадив, пришлось уйти,
Ибо слов, наотмашь бьющих,
Там не каждому снести.

Глядь – Кашеи с алчным взглядом,
Все богатства взяв в полон,
Вычищают, как торнадо,
И вывозят за кордон.

Там их жёны, короеды,
Золотые терема.
Не стыдясь, апологеты
Служат им не задарма.

Рядом пел в своей конторе,
Как смотрящий на току,
То ли кочет на заборе,
То ли филин на суку.

В панораме безысходной,
В спящих липах и дубах
Слышен лай из подворотни
И ворчание в кустах.

Но стыдливо на парадах,
Словно в бане без порток,
Прикрывают то, что свято,
А на деле – свой пупок.

Но до новой вспышки гриппа
Надо срочно когти рвать:
Между Сциллой и Харибдой
Не пришлось бы удирать.

Старая любовь

Ты мне всю ночь сегодня снилась,
Любовь моих далёких дней,
И вновь за окнами кружилась
Листва унылых тополей.

Уходят годы как мгновенья,
А ты все та ж издалека –
Воспоминанье, сновиденье,
Святая музыка стиха.

И в сердце вновь знакомый трепет,
И счастьем полнится земля,
Как будто вновь лечу я в небе,
Касаясь крыльями тебя.

Я вновь и вновь тобой люблюсь,
Не видя – сетую, грущу,
Живу, наверно, не впусую,
Пока твой след в себе ищу.

Но вот знакомая аллея,
И снова, глядя в темноту,
Тебя ношу я, как идею,
Как вдаль манящую мечту.

Там, где шаги твои звучали,
Сегодня осень ворожит,
И, как нашествие печали,
Листву и думы ворошит.

ФИРУЗ МУСТАФА

ЭССЕ

Вершина Маковельского

Александр Осипович Маковельский. Выдающийся русский и азербайджанский ученый. Поляк по происхождению. Родился в городе Гродно 22 июля 1884 года. Скончался 16 декабря 1969 года в городе Баку. По профессии он был историком-философом. С 1946 года член-корреспондент Академии наук СССР отдела истории и философии. В 1949 году избран академиком Академии наук Азербайджанской ССР.

Его фундаментальные исследования посвящены античной философии, логике и истории философии народов Ближнего Востока.

Если скажу, что Маковельский был одним из первых философов, чье имя я услышал, вы не удивляйтесь. Это отдельная история. Дело в том, что наш сосед, знаменитый педагог Гасым Кочери оглу время от времени ездил в Баку и по возвращении с большим удовольствием рассказывал о своих впечатлениях коллегам и ученикам. Его рассказы об ученом по имени Маковельский (в те далекие годы детства я считал, что это имя, а не фамилия) имели особый интерес среди слушателей. Тогда я учился в младших классах средней школы. Гасым Кочери оглу был нашим родственником и жил с нами по соседству. Его сын, известный философ Фирудин Кочерли тогда работал директором Института философии. Оказывается, до Фирудин-муаллима именно академик Маковельский руководил этим институтом (сектором). Гасым Кочери оглу рассказывал о Маковельском очень увлекательные истории и случаи, которые свидетельствуют о простоте видного ученого, о его благородстве. Помню, однажды мы увидели в руке нашего старейшего учителя изящную трость. Узоры с позолотой на ней притягивали внимание уже издали. Гасым-муаллим с гордостью поведал о том, что трость эта – подарок Маковельского. Да, еще в те времена мне была знакома непривычная для слуха фамилия «Маковельский», вызывающая к себе особый интерес. Позже я приобрел к научному наследию великого ученого. Его исследования по античной философии, а также переводы с оригинала до сегодняшних дней не теряют своей значимости. В свое время я сам в цикле статей, посвященных «Авесте», приводил цитаты изего произведений.

Прошло несколько десятилетий со дня смерти Александра Осиповича. Должен признаться, что я даже не подозревал, что кто-нибудь из потомков прославленного ученого останется в Баку. Однажды, гуляя с именитым поэтом Ильясом Тапдыгом возле знаменитой скульптуры «Дракон», рядом с которой расположен не менее известный «Дом ученых», мой собеседник спросил, знакома ли мне сидящая на скамейке дама почтенного возраста, чей взгляд был устремлен вдаль. Я ответил, что не знаком с ней. Улыбаясь, он произнес: «Госпожа Ольга, внучка философа Маковельского, твоего коллеги. Она музыкант. Высокообразованная дама. Если хочешь, я тебя ей представлю». После знакомства с ней я сказал, что мне хотелось бы записать ее воспоминания о Маковельском. Спустя несколько дней в назначенное время мы с Ольгой Алексеевной Южаниной-Маковельской встретились в ее квартире.

Здесь все говорило о старине: и мебель, и книжные полки с расставленными на них книгами... Когда-то в этой квартире жил прославленный ученый. Вот за этим столом величайший исследователь азербайджанской и мировой философской мысли кропотливо и неутомимо работал, задумчиво прохаживался по этому полу, в том кресле отдыхал в минуты досуга.

– Госпожа Ольга, каким вы помните своего деда?

Она, погрузившись в раздумья, спокойно старается оживить в своей памяти прошлое.

– Дедушка был честным, трудолюбивым, простым и скромным человеком. Он бесконечно любил свою супругу, то есть мою бабушку. Работал упорно днями и ночами. Считал себя азербайджанским ученым. Был настоящим гражданином. За весь период своей творческой деятельности он находился под защитой государства, партии, был удостоен многих премий и наград... Может, многим покажется странным, что дедушка не был членом Коммунистической партии. Ему неоднократно предлагали вступить в партию, но он всегда от предложения уклонялся. Когда он был молодым, то говорил, что еще не готов стать коммунистом, а когда состарился, отвечал, что уже поздно.... Хочу сказать вам, что в молодости Александр Осипович считал большой трагедией установление советской власти в России. На то были определенные причины. Еще совсем молодым Маковельский был известен как исследователь философии. Еще в 1914 году вышел в свет первый том его фундаментального произведения «Досократики». Тогда ученому было всего тридцать лет. В 1915 году был издан второй том. Данное исследование стало грандиозным событием для научной общественности России и Европы. После издания каждого тома в печати появлялись многочисленные рецензии, мнения. Научные сообщества, ученые, философы с одобрительными отзывами и с большим удовольствием встретили публикации. В 1918 году его труд, точнее сказать обзор историко-критических источников «Досократовская философия», увидел свет в виде отдельной книги, а в 1919 году вышел из печати третий том работы «Досократики». Вы только представьте себе, что все это написано и издано в городе Казань в самый разгар гражданской войны. Хочу сказать, что Александр Осипович свою жизнь связал с наукой, и ему казалось, что советская власть поставит крест на культурных ценностях человечества. Эти мысли имели под собой почву. Карательные отряды рабоче-крестьянского правительства в те годы сгубили многих выдающихся деятелей науки. Дедушка впал в депрессию, хотел наложить на себя руки, но моя бабушка сумела отговорить его от этого шага.

Позволяю себе дополнить сказанное Ольгой ханым:

– Коммунисты не стали трогать Александра Осиповича, и в годы советской власти он занимался широкой научной деятельностью. И от этого оказалась в выигрыше не только русская и азербайджанская, но и мировая философская наука.

– В 1920 году дед получил ряд приглашений от разных университетов, в том числе от Бакинского государственного университета. Он очень любил азербайджанцев и поэтому без каких-либо колебаний выбрал Баку. С 1920-го по 1960-й годы он преподавал в Бакинском университете, наряду с этим читал лекции в Политехническом и Педагогическом институтах, Институте повышения квалификации учителей, Институте народного образования, а также работал в Научно-исследовательском институте педагогики. В университете дедушка вел лекции по многочисленным предметам: истории философии, истории социально-политической теории, логики, психологии, истории логики, эстетике, этике, педагогике... Мой дед обладал энциклопедическими знаниями, был истинным философом, мыслителем и педагогом.

– Как мне известно, с юных лет он занимался углубленными научно-исследовательскими работами.

– Да, в 1904 году, будучи студентом 3-го курса, в столетие Казанского университета за работу «Оценка новых взглядов на драматический конфликт в трагедии Софокла «Антигона», он был награжден медалью. Тогда ему шел всего лишь двадцатый год.

– Маковельский внес также неоценимый вклад в изучение истории общественно-философской мысли в Азербайджане. Он является автором ценных исследований о Низами и Вазехе. Он основоположник новой области научных исследований в нашей стране, и называется она историей философии Азербайджана.

– Безусловно. Как я вам уже говорила, он безгранично любил Азербайджан и азербайджанский народ. И эта любовь вдохновляла, усиливала его желание жить и работать в этой стране.

– У нас есть немало его приверженцев и воспитанников.

– Да, его студентами были Гейдар Гусейнов, Шукюфа Мирзоева, Мохбалы Гасымов, Фирудин Кочерли. Смерть Гейдара Гусейнова глубоко потрясла деда, он долгое время не мог прийти в себя. А теперь я покажу вам одну фотографию, посмотрите, может, вы узнаете кого-нибудь.

Кстати замечу, что в таком почтенном возрасте Ольга ханым научилась работать на компьютере, переписываться через интернет со своими сыновьями, которые живут в Санкт-Петербурге. Она поднимается и включает компьютер. Такое впечатление, что на меня с монитора взирает история. Госпожа Ольга продолжает беседу:

– Эта фотография сделана в 1964 году. К восьмидесятилетию моего деда в тот день в нашем доме собрались все его друзья и студенты. Видите, вот дедушка сидит в середине.

– Позвольте и мне рассказать кое о ком из них. Я был лично знаком с некоторыми людьми, которые стоят позади сидящего в кресле Александра Осиповича. Академик Фирудин Кочерли, члены-корреспонденты академии Мегсед Сеттаров и Зияддин Гоюшов, которые в свое время были моими учителями, принимали у меня экзамены. Теперь никого из них нет в живых. Пусть Всевышний упокоит их души.

– Жаль, все они были прекрасными, талантливыми людьми.

– Каким вам запомнился последний период жизни вашего деда?

– В последние годы жизни у дедушки ослабли зрение и слух, тем не менее, память, мышление остались прежними. Александр Осипович не мог представить себя без работы и всегда находился в поиске. Мы заносили на бумагу все, что он говорил.

– Вы храните рукописи деда?

– В первой половине восьмидесятых годов в институт, где работал дедушка, из Москвы был приглашен один видный ученый, Захид Оруджов... Наверно, вы его знаете...

– Да. Известный в мире специалист по диалектической логике.

– Как-то он позвонил мне, интересовался судьбой неопубликованных произведений моего деда. Я тогда отнесла в институт те рукописи, о которых говорила только что. Но дальше о них мне ничего не известно.

– Я поинтересуюсь этим.

(P.S. Я поинтересовался и узнал, что произведения ученого собраны и уже готовы к публикации, но пока что «лежат» в связи с недостаточностью средств для их издания).

Чувствуется, что квартира Ольги Алексеевны нуждается в ремонте. Я осторожно намекаю:

– Здание, в котором вы живете, отремонтировано, при этом квартира...

– Знаю, что вы хотите сказать. Я в своей жизни никого ни о чем не просила и в дальнейшем ни к кому не стану обращаться. Именем, памятью моего деда всегда дорожили в Азербайджане. Он теперь покоится в Аллее почетного захоронения. Но одно желание не дает сердцу покоя. Я хотела бы, чтобы соответствующие организации помогли мне реализовать одну мою идею. На фасаде нашего здания установлены мемориальные доски многим замечательным ученым. По-моему, мой дедушка также был одной из уникальных личностей. Мне бы очень хотелось, чтобы имя деда было увековечено, ведь его роль в развитии науки Азербайджана огромна.

Я прощаюсь с Ольгой Алексеевной.

Работая над этими записями, я изучил ряд материалов, документов, связанных с Маковельским, а также с его личной жизнью. Узнал, что великий ученый познакомился с будущей супругой Вандой Залевской в 1908 году, они поженились и вместе прожили шестьдесят лет. В 1909 году родилась их дочь Софья. Ольга Алексеевна, моя любезная собеседница, – дочь Софьи. Мое внимание привлекло стихотворение, которое Ольга Алексеевна услышала от своей бабушки и привела в одной своей статье:

*Жизнь – не увлечение, жизнь – одно стремленье,
Торная дорога в солнечную даль.
Для того, кто ловит каждое мгновенье,
У кого есть воля, твердая, как сталь.*

Пользуясь случаем, хотелось бы напомнить, что Ольга Алексеевна Южанина-Маковельская является председателем Польской общины в Азербайджане. Она – известная скрипачка, имеет многочисленных учеников и всей душой привязана к своей профессии.

В следующем году исполняется 130 лет со дня рождения и 45 лет со дня смерти великого ученого, гениального философа. Нет никаких сомнений, что Александр Осипович Маковельский был одним из величайших личностей, титанов, вершин мировой философской науки.

Надеюсь, что мечта Ольги ханым в скором времени станет явью.

Перевод Шахло КАСУМОВОЙ

Анатоль Имерманис: «Азербайджанцы – добропорядочные и сдержанные люди...»

Краткая справка: Анатоль Имерманис – латышский поэт, прозаик, киносценарист, художник. Родился Анатоль Имерманис в 1914 г. в Москве в семье курляндских беженцев. Окончил частную русскую гимназию в Лиепае, затем работал рассыльным, развозчиком мебели, рабочим типографии. Выпускник Английского института (коммерческого факультета) г.Риги. Учёбу в институте он совмещал с проводимыми в Рижском народном университете семинарами по литературе и журналистике. Фашистский переворот в Латвии в 1934 г. оборачивается для Имерманиса пятилетним заключением за революционную деятельность. После восстановления советской власти в 1940 г., которую он принял с радостью, вскоре становится одним из лидеров крупнейшего профсоюза, редактором журнала, корреспондентом нескольких газет. В Великую Отечественную он становится добровольцем Рабочего истребительного батальона, а затем бойцом Латышской дивизии. Подорванное на войне здоровье, раны заставляют его стать сотрудником дивизионной и фронтовой газет. Сразу после войны он работает на радио и в газете. В 1948 г. писатель решил целиком посвятить себя творчеству. Жил он в Риге, где умер в возрасте 84 лет, в пятницу, 13 ноября 1998 года.

...Когда-то на первом этаже общежития для студентов Литературного института в Москве размещался «Гостиный дом» для приезжих писателей. На самом деле это был уютный небольшой отель, предоставляемый писателям из периферии. В конце прошлого века я несколько раз останавливался в нём. Моё последнее присутствие в этом «Доме» я помню по сей день до мельчайших подробностей.

В первые дни я жил один в удобной комнате, но через несколько дней ко мне подселили писателя средних лет из Армении, сейчас уже не помню его фамилии. Это был спокойный человек, лестно отзывающийся об азербайджанском народе, твердивший о братстве и дружбе армянского и азербайджанского народов. Через пару дней в соседнюю комнату поселились и другие армянские писатели. Их было двое, и мой сосед по комнате переселился к ним. В этот же день в моей комнате появился пожилой писатель. Это был сутуловатый, худой человек невысокого роста с маленькой бородкой. Через плечо у него висела холщовая сумка, благодаря которой он походил на дальнего странника... На вид ему можно было дать уже за семьдесят лет, если бы не лукавый, озорной взгляд его глубоко посаженных глаз. Бросив сумку на кровать, он протянул мне худую руку: Анатолий Имерманис. Я тоже представился...

Он внимательно посмотрел на меня и произнёс:

– По-моему, кавказец?..

– Вы не ошиблись...

Мне подумалось, что он заранее осведомился у дежурной гостиницы о том, кто будет его соседом по номеру. Имерманис коротко рассказал мне о себе, поведал, что является поэтом и прозаиком, пишет стихи на русском, а прозу – на латышском и что через пару дней он отправляется в Чехословакию, где ожидается издание его романа. На меня Анатолий произвел впечатление самодовольного, противоречивого человека. Он вёл беседы, порой не подходящие его возрасту, совершал поступки, не подходящие его статусу и годам. Приведу один маленький пример: немного отдохнув, Имерманис поднялся с кровати и, как он сам выразился, собрался выйти в коридор «поохотиться».

– Пойду-ка я «на охоту», есть ли там что-нибудь?

– Что за «охота»?

– Я охочусь за красивыми дамами.

У него был удивительный характер. Когда он смеялся, смех его звучал, как писк, при этом его худые плечи сильно тряслись... Когда он нервничал, то начинал разговаривать сам с собой, ругался на латышском языке...

В беседах со мной он рассказывал, как в своё время на съездах и мероприятиях он знакомился с азербайджанскими писателями. Пользуясь случаем, я решил узнать о его отношении к азербайджанской литературе. Он произнёс имена только классиков:

– Низами, Физули. Вот и всё.. Низами, несомненно, гений! Он великий азербайджанец... Но про современных этого сказать не могу. Да, Вургун был, несомненно, очень талантлив, но его темы были: партия, правительство... Рустам тоже (он имел в виду Сулеймана Рустама). Мирза, Мехти... я их тоже знаю. Они тоже были талантливыми писателями, заслуженными людьми. Из них, кажется, Рустам и Мирза еще живы, да? Но восточные люди преклоняются перед почестями и званиями. В целом на Востоке личность оценивают не по его деятельности, а по его званиям... Например, у вас, говорят, есть писатель, лауреат таких-то премий, который имеет «золотую звезду» или там «золотое перо» и прочую дребедень... Только такие ваши писатели бывают особо уважаемыми и выделяются из толпы... Но лично мне всё это безразлично... Что орден, что медаль? Мне не нужны ни звания, ни награды... Я даже не признаю первого секретаря центрального комитета партии Латвии... Кстати, говоря о ЦК. Всем секретарям азиатских республик по ночам так и снится, как они стали членами ЦК КПСС! Некоторые хотят видеть себя даже на месте первого! Для ваших всех «Генсек» – это Бог, партия же – религия. Но беда заключается в том, что они не верят ни в Бога (правителя), ни в религию (партию)!.. Азиаты – скрытные. Но мы – европейцы... Мы любим называть все вещи своими именами.

Я, естественно, во многих вопросах с ним не соглашался. Спорил, протестовал. Обращаясь к нему по имени, так как он сам попросил меня об этом, я говорил этому обладателю маленькой бородки:

– Послушай, Анатолий, как я понял, ты ненавидишь Азию и азиатов. Но для меня понятие «Восток и Запад» – одинаково положительное. Для меня важнее понятие «Человек-личность...» Есть человек совестливый, есть бессовестный, есть талантливый, а есть бездарь. Хороших и плохих народов не бывает... И на Западе есть свои гении, и на Востоке...

– Нет, Фируз, это не так. Запад – совсем другая стихия. Мне кажется, что на Востоке только армяне отличаются от других наций в положительном смысле. Почему? Благодаря своей древней культуре, цивилизации. Армяне – носители очень древней культуры!

– Анатолий! Ты был в Армении?

– Нет, не доводилось, но у меня много друзей-армян. Я хорошо осведомлён об армянской культуре.

– Что привлекает тебя в них?

– Что привлекает?.. Сказал же... А что, тебе армяне не нравятся?! Я знаю, турки в своё время истребляли армян...

Мне стало уже понятно, что в Латвии армянские друзья основательно напели в уши Анатолию...

– Анатолий, армяне тебе мифы и сказки рассказали... Вообще, нельзя чернить ни один народ! К культуре и истории каждого народа надо подходить с уважением.

– Если я люблю армянскую культуру, что в этом плохого?!

– Ничего... Ради бога...

Хочу напомнить, что наши дискуссии происходили в ноябре 1988 года в Москве. Через пару дней будет озвучено обращение академика Аганбекяна о присоединении Нагорного Карабаха к Армении. Впереди готовилась трагедия двух народов... Окажется, в те дни, когда я дискутировал с латышским писателем Имерманисом, вокруг Нагорного Карабаха в огромных масштабах шла широкая пропагандистская работа. Даже живущий в далёкой Прибалтике пожилой латышский писатель с болью говорил о «трагедии» Армении.

Имерманис каждый день выкуривал по несколько пачек сигарет. Ему нравились привезённые мною из Баку сигареты «Пайтахт», «Космос», «Аврора», «Ширван». Он любил молоть кофе в привезённой с собой ручной кофемолке, обволакивая себя дымом зажатой в зубах сигареты, и говорить о литературе, глотая свежезаваренный напиток. Временами он выходил «на охоту», т.е. на красивых женщин... За период нашего знакомства я узнал, что Имерманис («Манис» – как я шутливо порой называл его) – талантливый художник. Его картины неоднократно демонстрировались на многих выставках. Позже, по возвращении в Баку я увидел во многих русских журналах опубликованные его рисунки. В журнале «Дружба народов», в частности, опубликован цикл рисунков Имерманиса, который из чувства ностальгии дал им название «Сны по Армении»...

Однако у симпатии Имерманиса к армянам век был не долгов. Случай, о котором я расскажу, возбудил у него отвращение к армянам. Проживающие в соседней комнате армянские соседи с утра до вечера громко спорили. Ладно уж днём, но и по ночам не смолкали их дискуссии. Они постоянно о чём-то говорили – словно не могли что-то поделить, ругались. Как раз в это время в Москву приехал поэт Идрис Заманли, с целью навестить своего сына, учившегося в Московском Литературном институте. Он проживал в этой же гостинице – в соседнем номере. Идрис Заманли, отлично знавший армянский язык, слыша эти громкие споры и ругательства, сказал, что суть этих споров заключается в том, что они должны собрать всех армян, проживающих в Москве, на митинг с тем, чтобы всё мировое сообщество узнало о геноциде армян. Однако мнения среди них разделились: один говорил, что при советской власти ничего не получится, а двое других убеждали – и критиковали его... Из-за криков в соседней комнате Анатолий Имерманис совсем вышел из себя.

В очередной раз, при «ночном сражении» в соседней через стенку комнате, он не выдержал, в одном нижнем белье выскочил в коридор и начал стучать в дверь соседей, желая показать, где раки зимуют. На стук выскочили обитатели комнаты.

– Почему вы нам спать не даёте?

Армянские писатели хором заорали на него и, схватив его за шиворот, грубо оттолкнули.

– Вон отсюда! Старый пёс!

Имерманис решил постоять за себя, завязалась потасовка. Мне удалось вырвать Имерманиса из этой потасовки, к тому времени дежурная отеля прибежала на шум-гам. Анатолий стал требовать, чтоб армян выселили из отеля. Уже в комнате, вытирая с себя пот, он сказал:

– Ты только посмотри, дорогой, какие же эти армяне подонки!.. Как вы с ними соседствуете?! Их надо изгнать на вымышленные ими мифологические места... Теперь я понял, какие вы, азербайджанцы, добропорядочные и сдержанные люди... Ну у вас и соседи...

Через два дня Анатолий Имерманис, накинув на плечо свою холщовую сумку, отправился в Прагу. Мы расстались с ним, тепло попрощавшись.

Я тогда подумал, вряд ли судьба сведёт меня вновь с этим человеком. Однако буквально через неделю он снова вернулся в Москву.... Увидев меня, обрадовался. Попросил у дежурной, чтоб его вновь поселили в «старой» комнате, где я проживал. Он рассказал, что визит его в Прагу был удачным.

Наше совместное проживание в комнате сдружило нас. Армяне к тому времени уехали. Имерманис со всей искренностью рассказывал о своей судьбе. Рассказал, как в юношеские годы примкнул к движению коммунистов Латвии, как в 30-х годах был арестован в буржуазной Литве. Имерманис с радостью встретил установление советской власти в Прибалтике. Однако радость длилась недолго, его извели допрашивания за якобы «антисоветскую пропаганду». Он стал презирать советскую власть. С женой своей, от брака с которой была дочь, состоял в разводе.

Анатолий жил на окраине Риги, в своём дачном доме. Латышским Союзом писателей для него была выделена должность помощника секретаря-машинистки. Мой собеседник порой рассказывал о своих любовных эпизодах со своей секретаршей... Как я уже говорил выше, он был поэтом, прозаиком, художником. Имерманис хорошо разбирался в музыке. По его словам, его близким другом был Раймонд Паулс. В конце ноября мы с ним распрощались. Имерманис направился в Ригу, я – в Баку.

По приезду в Баку я направился в библиотеку им. Ахундова и познакомился с творчеством Имерманиса. Оказалось, что он действительно знаменитый в Европе писатель. Было издано около 100 его книг на 13 языках мира. Среди них детективы (переведены на русский язык): «Спутник бросает тень» (1962), «Самолеты падают в океан» (1967), «Призраки отеля «Голливуд»» (1971), «Гамбургский оракул» (1975), «Пирамида Мортонна» (1976), «Смерть на стадионе» (1986), «Смерть под зонтом» (1987). В то же время я вспомнил, что писатель хотел написать роман, в котором за спиной его героев стояла мафия, нити которой вели к партийной советской верхушке. Не знаю, удалось ему написать этот роман или нет...

Как-то раз я получил по почте пакет. Открыл. Это была книга Чингиза Айтматова «И дольше века длится день». Анатолий, когда ещё мы были в Москве, говорил об этой очень дефицитной в то время, полезной книге, обещал мне прислать её. Как истинный джентльмен он сдержал своё слово. Книга была издана в Риге.

Анатолий писал мне, что получил присланные мною сигареты, полюбившиеся ему из моих бакинских запасов ещё в Москве, и таким образом выразил свою благодарность... Дело в том, что, вернувшись в Баку, я послал на адрес Имерманиса несколько блоков сигарет «Карабах»... В те дни карабахские события только начинались...

«Баку – один из двух моих самых любимых городов»

Совсем недавно развалился Советский Союз... Отправляясь из Баку в Казахстан, я не планировал встречу с Олжасом Сулейменовым. Мой попутчик в этой поездке – Рафик-бек – еще в бакинском аэропорту купил в киоске для чтения в пути газеты, журналы, в том числе книгу Олжаса Сулейменова «Аз и Я». По прибытии в Казахстан обстоятельства сложились так, что я подружился с научным работником Института философии Казахской АН, эссеистом-критиком Рустамом Жангужиним, который будучи в советское время диссидентом, исколесил весь Азербайджан, выступая на бакинских митингах во времена «Народного фронта». Оказалось, что он – близкий друг Олжаса Сулейменова. Рустам предложил встретиться с Олжас-акой. Честно говоря, я не был подготовлен к этой встрече. Кроме того, Олжас – известный человек, к чему отрывать его от дел, отнимать его время? Однако Рустам был настойчив, говорил: «Как это приехать в Алма-Ату и не увидеть знаменитого поэта тюркского мира?!» Я вынужден был согласиться.

Мы пошли в офис Олжаса, расположенный недалеко от академии. Офис располагался на первом этаже девятиэтажного одноблочного здания, в котором он проживал. Входная дверь была прямо возле лифта. В небольшой прихожей нас уже ожидал его помощник Булат. Он сообщил нам, что сейчас у Олжаса на приеме находится народный артист СССР, лауреат государственных премий (запомнил уже его имя), который в своё время играл роли исторических личностей, государственных руководителей, в том числе Ленина, Кирова. В настоящее время этого актёра не приглашают ни в кино, ни на сцену... время тяжелое – вот и приходится ему сниматься в рекламных роликах, что не подходит ни его возрасту, ни статусу... Олжас несколько дней назад вызвал его и сказал, что ему не подходит играть такие роли, что он уважаемый известный человек, и ему надо беречь свою репутацию. На это актер ответил, что вынужден хоть таким образом как-то выходить из создавшегося положения. По словам Булата, тогда Олжас дал актёру 600 долларов и крепко-накрепко предупредил, чтобы тот никогда больше не снимался в рекламах, пусть продолжает игру на сцене в серьёзных ролях. Однако вскоре этот актёр снова снялся в рекламе, и Олжас Сулейменов очень рассердился и снова вызвал его к себе.

Помощником Олжаса был парень богатырского сложения по имени Булат. Я спросил, что означает его имя. Он усмехнулся и ответил, что по-русски его имя переводится как «сталь». Я сказал ему, что у нас говорят не Булат, а Полад. Он ответил, что знает об этом и даже лично знаком с певцом Поладом Бюльбюльоглу, с которым познакомился в Москве.

Немного погодя из кабинета Олжаса вышел хмурый человек, очевидно, поэт крепко поругался с пожилым актёром. Наконец дверь открылась, и нам навстречу вышел высокий, спортивного телосложения Олжас-ака, протянул нам руку, приобнял и поцеловал нас как старых знакомых, извинился за задержку. Мы расположились в его скромно обставленном кабинете. Секретарша подала нам кофе.

Я представил Олжасу его книгу «Аз и Я», изданную год назад в Азербайджане издательством «Азернешр». Он спросил:

– Это вы перевели?

– Нет. Переводчик Натик Сафаров.

– А какой, по-вашему, получился перевод?

– Отличный! Натик – очень талантливый переводчик! Неужели, Олжас Омарович, у вас нет этой книги?!

– Нет, мне ее не присылали. Может, и прислали, но пока не дошло. Да сейчас и почта как следует не работает. На днях книга «Аз и Я» была издана и в Турции, однако там были допущены некоторые неточности в тексте. Да, говорите, ваш переводчик замечательный? Очень хорошо. Спасибо!

Потом Олжас рассказывал о своей работе над книгой «1001 слово», упомянул между прочим, что живёт в этом же здании, хотя об этом мы уже знали со слов Рустам-бека (так я обращался к Жангужину).

– У меня пятикомнатная квартира. Этажом ниже меня живёт одинокая женщина. Хотя одинокой её не назовёшь, у неё есть собака. Я хочу купить ей в другом месте квартиру и переселить туда.

– Вы и так захватили весь первый этаж, Олжас Омарович! Так теперь у вас будет пятнадцать комнат! – сказал я в шутку.

– Какие пятнадцать комнат, дорогой? – расхохотался он. – Это крошечный офис. Раньше здесь ужас что творилось. Дворники хранили здесь веники, лопаты, мусор всякий валялся. Вонь была жуткая. Кое-как уговорил их отсюда убрать всё. Сам всё здесь отремонтировал. В этом здании выделена площадь для нашей партии и некоторых общественных организаций.

В беседе с ним мы узнали, что у прозванного в своё время «турецким националистом» знаменитого тюрколога, поэта, интернациональная семья: жена еврейка, две дочери, а сам он казахским языком владеет не в совершенстве. Он обладает широким кругозором, эрудицией, безгранично любит свой народ. В то же время его можно с полным правом назвать гражданином мира: народное движение Невада-Семипалатинск, лидером которого являлся Олжас Омарович, преследует цель закрытия ядерных полигонов во всём мире. Он хочет видеть мир без границ.

О.Сулейменов рассказал о своём обращении за помощью к бывшему главе правительства Казахстана Динмухаммеду Кунаеву (когда они стали друзьями, то Олжас называл его коротко «Димеке»). Он просил оградить его от длительного преследования со стороны КГБ.

– В те годы на меня хотели поставить клеймо националиста и покончить со мной, обвиняя в том, что я будто бы ненавижу русских. Конечно же, это было беспочвенным обвинением. Ну по какой причине я должен ненавидеть русских? На языке этого народа я получил образование, люблю культуру и литературу этого народа. У меня столько русских друзей! Наверное, вы знаете, что по профессии я геолог. Однако так случилось, что, изучая язык природы, я начал изучать и старинные языки. В своих исследованиях я обнаружил неожиданные для себя самого факты: оказывается, казалось бы, далёкие друг от друга языки имели историческое родство. Например, как русский и тюркские языки. Всё началось с моего исследования «Слова о полку Игореве». Сколько же в этом произведении старинных тюркских слов! Однако мои аргументы, примеры многим не нравились. Они говорили что тюркские и славянские языки противоположны друг другу. Назвали меня пантюркистом. Вы знаете наверняка, как в 30-е годы под клеймом «пантюркистов» загубили немало учёных, интеллигенцию. Когда же меня называли «пантюркистом», стояли уже 60-70-е годы. Меня не могли обвинить в открытую и поэтому приготовили новый способ наказания. За мной следили все время, и я должен был положить конец этому преследованию! Однажды, когда я шёл домой, в тёмном подъезде на меня совершили нападение: несколько человек, напав на меня, стали меня нещадно бить кусками арматуры. Они хотели убить меня или, по крайней мере, оставить калеккой. Я длительное время занимался спортом и был физически крепким человеком... Но они тоже были сильными... Я случайно остался жив. Одним словом, за произведение «Аз и Я» мне пришлось расплачиваться. В 1976 году произведение было издано у нас в типографии «ЯЗИЧИ», и тут же вокруг него поднялся невероятный шум, гам. Московские СМИ начали против меня травлю. Я точно знал, что во главе этой кампании стоит руководитель ЦК по идеологии товарищ Сулов. Необходимо было предпринять какие-то шаги, и я обратился к Кунаеву. «Димеке, прошу вас, написанное мною открытое письмо распространите среди членов бюро Центрального комитета». Кунаев дал мне слово, что для решения этого вопроса он обратится к самому Брежневу. Так и произошло. Он вручил книгу «Аз и Я» лично

генеральному секретарю ЦК. Книга очень понравилась Брежневу. Он даже удивился и сказал: «Ну почему эту книгу критикуют? Здесь нет ничего против русских. Хорошая книга!» Если честно, то когда Кунаев мне сказал это, вначале я не поверил. Однако вскоре, когда меня выбрали делегатом на 25-й съезд компартии Казахстана, мне стало всё ясно. Недавно Кунаев описал в своих мемуарах историю о том, как он вручил книгу «Аз и Я» Брежневу. Конечно, после всего этого КГБ от меня отстал. Я благодарен Кунаеву за то, что остался жив. Однако, как говорит пословица, иногда и у царя бывает просьба к нищему. Настало время, когда и я встал на защиту Кунаева. Знаете ли вы, что после назначения на пост первого секретаря Казахстана Колбин развернул мощную кампанию против Кунаева. На всех заседаниях его или критиковали, или обвиняли. В прошлом так называемые «друзья» и подчиненные теперь старались обвинить Димеке, выставить чуть ли не врагом народа. Тогда я ему сказал: «Возьми и напиши свои воспоминания, биографию. Ведь мы все умрём, а после нас останутся наши книги». Он очень быстро последовал моему совету и написал свои мемуары – просто, без прикрас. На самой первой странице он указал, что на создание мемуаров его вдохновил поэт Олжас Сулейменов.

– Занятием политикой я обязан своим последователям, молодёжи, – подчеркнул Олжас Сулейменов и добавил: – Многие политики ревнуют, завидуют моей популярности и признанию среди народа. Думаю, даже в высших эшелонах власти.

Небольшими глотками отпивая кофе из маленькой чашки вперемежку с сигаретой «Мальборо», вдетой в длинный мундштук, он переходил с темы на тему. В эти мгновения его лицо становилось жёстким, а глаза наполнялись гневом. Он с горечью рассказал, как, будучи больным, он, узнав о событиях 20 января, прилетел в Баку.

– Однако мой приезд в Баку мне дорого обошёлся. Меня начали преследовать армяне как в прессе, так и в письмах, направленных в мой адрес. Эти армяне, честно говоря, – народ, крепко спаянный идеями своей исключительности. Добавлю, что из всех полученных мною писем от армян только в одном был положительный отзыв о моих стихах и исследованиях. Представьте себе, что армянская женщина исследует творчество тюрка. Вот это письмо – оно всегда у меня под рукой. Интересно, что автор письма ругает Зория Балаяна, высказывает в его адрес гневные мысли.

– Может, эта армянка хочет поменять свою национальность и стать казашкой? Олжас-ака рассмеялся:

– Всё может быть! Да, скажите, как поживают Алиевы? Вы же знаете – у вас два известных Алиева.

– Знаю!

Я уточнил, что, говоря «Алиевы», он имеет в виду Гейдара Алиева и Абульфаза Алиева (Эльчибей).

– Они оба – мои друзья. Вообще, у меня много друзей как среди литераторов, так и среди политиков. Я ведь тоже политик, руковожу партией... Да, как поживает мой друг Бахтияр? Я говорю о Вагабзаде. Недавно услышал о смерти Айдына Мамедова. Очень расстроился. У меня приятельские отношения с Эльчином, Анаром, Шахмаром, Мамедом, Кемалом, Сабиром. Вообще, у меня много друзей азербайджанцев: в Баку, Москве, Алма-Ате... Как-то я, выступая по центральному телевидению, сказал, что Баку – один из двух самых любимых мною городов! Азербайджанские турки – замечательный народ. Азербайджан всегда в моём сердце!

Олжас-ака, дымя сигаретой, рассказывал нам о своём творчестве, о своих мыслях на будущее, порой зачёсывая своими длинными пальцами прядь волос, спадающую на обрамлённый изломом бровей лоб...

За прощальными рукопожатиями Олжас-ака сказал:

– Передавай друзьям привет... Да, ты сказал, что работаешь в одной организации с Халилом Рза, в Академии наук, не так ли? В таком случае передай от меня ему огромный привет. Он большой патриот своего народа!..

Проходя мимо дома поэта, наше внимание привлекли люди в рабочих формах, взбирающиеся на отвесную стену. Поневоле мы остановились и стали смотреть вверх: группа людей снимала вывеску со здания. Оказывается, улицу, длительное время носившую имя Карла Маркса, «переименовали» на Д.Кунаева. Было заметно, что рабочие торопились, словно братья-казахи боялись поворота истории вспять. Однако, как известно, история никогда не повторяется...

Непредвиденные вещи случаются порой в жизни: когда я вернулся в Баку, то услышал скорбную весть о том, что скончался Халил Рза Улутюрк. Как раз в тот день, когда мы находились в кабинете Олжаса-ака – 22 июня 1994 года. Я не смог передать добрые пожелания от одного великого поэта другому.

...Прошли годы. Сейчас Олжас Сулейменов вдали от своей Родины выполняет дипломатическую миссию. Наш народ всегда помнит и уважает его как бесстрашного, гордого, отважного казахского поэта.

P.S. *Недавно увидел Олжаса на юбилее АСП... Опять в июне. Прошло 20 лет...*

Могила Юсифа Везира в неволе

О последних годах жизни великого азербайджанского писателя

Я хотел бы начать разговор о наличии фактов захоронения в неволе репрессированного писателя Юсифа Везира Чеменземинли.

Однако возникают некоторые вопросы, поневоле заставляющие меня начать разговор несколько в ином ключе. Насчет могилы несколько позже....

После завершения учебы в Киевском Императорском университете имени Святого Владимира Юсиф Везир начинает свою трудовую деятельность в России.

Писатель избежал бы репрессий, если бы остался в Турции. Во время исполнения им обязанностей посла АДР в Турции молодое азербайджанское государство попало в когти Красной империи, и посольство приостановило свою деятельность. Если бы он остался в Турции, то прожил бы насыщенную, полную творчества жизнь.

После победы советской власти Юсиф Везир отправляется в Париж. Там в газете «Парижские новости» под заголовком «Восточные письма» печатает свои статьи. Если бы он остался в Париже, то мир бы узнал больше правды об Азербайджане.

Юсиф Везир преподавал в Узбекском педагогическом институте, который находился в городе Ургенч, завоевал там большое уважение и популярность. Продолжи он свою деятельность преподавателя – впоследствии жил бы спокойной жизнью ученого.

В тревожные кровавые годы немало наших соотечественников проживало тогда в России, Турции, Франции, Узбекистане. Однако... как бы человек ни старался создавать и руководить своей судьбой есть еще веление свыше, именуемое судьбой.

Репрессии 30-х годов привнесли в жизнь Юсифа Везира и его семьи большие несчастья. Он вынужден был покинуть свою семью, родные места, бесконечно любимую Родину. Последние годы его жизни прошли в Узбекистане.

В 1937 году писатель был уволен с работы. Не имеющий материальной поддержки, Юсиф Везир письменно обращается за помощью к главе Коммунистической партии Азербайджана Мирджафару Багирову. Не получив ответа на своё письмо от местных властей, 8 июня 1937 года писатель был вынужден обратиться письмом к И.В.Сталину. Однако на свое заявление ответа от «гениального вождя» СССР он тоже не получил. Юсиф Везир приезжает в Москву и в течение месяца обивает пороги соответствующих организаций. Неоднократно обращается в Центральный Комитет по поводу написанного им обращения к Сталину, но все безрезультатно.

Вернувшись ни с чем в Баку, Юсиф Везир был вынужден искать работу в соседних республиках. В 1938 году, прочитав в газете «Коммунист» объявление, он высылает свои документы в Узбекистан. Успешно пройдя конкурс, Юсиф Везир назначается старшим преподавателем в Педагогический институт города Ургенч, одновременно замещая должность заведующего институтской библиотекой.

Однако его педагогическая деятельность длится недолго. 25 января 1940 года писателя арестовывают в Ургенче и привозят в Баку. Около 6 месяцев он содержится в камере предварительного заключения в Кешля, затем 3 июня 1940 года направляется в Нижне-Новгородскую область, в лагерь для заключенных на станции Сухобезводное. После трех лет мучительной тюремной жизни Юсиф Везир Чеменземинли умер 3 января 1943 году в лагере для заключенных.

Вот и все... Нет, это не конец, если и поставлена точка в конце его физического существования, то духовная его жизнь продолжается до сих пор.

Я не исследователь творчества Юсифа Везира Чеменземинли, однако еще в детстве читал его художественные произведения, а впоследствии ознакомился с его научными исследованиями. В настоящее время речь идет не о его творчестве, а о том времени, когда его не стало.

...Я всегда хотел навестить могилу великого писателя и решил узнать, где же она находится. Точное место захоронения Юсифа Везира можно было узнать из двух источников: на месте его заключения и на кладбище, где он был захоронен.

Долгое время я собирал всю информацию, связанную с последними годами жизни Юсифа Везира Чеменземинли, от друзей и знакомых в Баку и Нижнем-Новгороде (старое название город Горький), просматривал справочные книги, прессу, писал письма и запросы.

Сухобезводное – поселок, расположенный в северо-западной части района Семеновский, находится в 115-120 километрах от города Горький – ныне Нижний Новгород. В 30-х годах прошлого столетия в этом поселке были так называемые «рабочие места» для заключенных, а в 1944 году он получил статус посёлка городского типа. Находящиеся там заключенные, помимо бесчеловечных каторжных условий содержания, привлекались к тяжелым физическим работам. Сухобезводное и сегодня соответствует своей прежней «миссии»: в 21 исправительно-трудовой колонии содержится до 27 тысяч заключенных.

Юсиф Везир, находясь в тяжелейших условиях, до последнего вздоха не оставил своё творчество, писал каждый день. Чеменземинли был оптимистом, он вглядывался в будущее с надеждой, что однажды справедливость восторжествует и его творчество дойдёт до граждан его страны. По рассказам заключенных друзей, великий писатель перед смертью попросил надзирателя, чтобы тот спрятал его труды на чердаке под крышей, в тайник, чтобы сохранить их. Надзиратель отнесся с уважением к интеллигентному заключенному, выполнил его просьбу. Однако дожди, морозы, снег привели его труды в негодность, сгнили.

...Наконец, после продолжительного времени из ГУФСИН мне пришел ответ: Прилагаю тот самый ответ вашему вниманию:

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ.
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
(ГУФСИН РОССИИ ПО НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)
Артельная ул., 1-А, г. Нижний Новгород, 603098
тел. (831)268-54-01, факс (831) 434-41-13 (831)464-90-11
gufsin@gufsin-nn.ru
_10.05.2012 № 53/ТО/1/3-Ф-692/12
На № _____

Архивная справка

Везиров Юсуф Баба Оглы, 1887 года рождения, уроженец города Шуша Азербайджанской ССР, азербайджанец, образование высшее, специальность педагог. До ареста проживал в г.Ургенч Хорезмской области УзССР.

Работал до ареста в г.Ургенче Хорезмской области старшим преподавателем русского языка института в 1938-1940 годах.

Из Хорезмской области из Ургенчской тюрьмы № 6 после ареста был направлен в г.Баку, в распоряжение НКВД Азербайджанской ССР. Осужден 11 июня 1940 года особым Совещанием при НКВД СССР по статье 58-10 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы за антисоветскую деятельность. Начало срока 27 января 1940 года.

Для отбывания срока наказания направлен в Унженский ИТЛ, прибыл 11 июля 1940 года. Работал бригадиром.

Скончался 3 января 1943 года. Извещение о смерти направлено в ОАГС НКВД Хорезмской области за № 15/а31365 от 26.01.1943 года.

Место захоронения не сохранилось.

Основание: Ф.92 арх. л/д 1168.

Личное дело Везирова Юсуфа Баба Оглы находится на хранении в Информационном Центре ГУМВД России по Нижегородской области.

Заместитель начальника А.В. Иванов

Начальник архива Т.Ю. Савиных

P.S. Во всех местных документах имя отца Юсиф Везира обычно писалось Мирбаба. Как видите, в заключении отчество писателя писали коротко – «Баба» (*Баба оглы – Ф.М.*)

P.S.S. Смотрю на дату письма из ГУФСИН:10.05.2012

Значит, эту статью я написал 10 лет назад.

Слава Всевышнему, азербайджанская армия, одержав историческую победу, освободила оккупированные армянами наши земли и жемчужину Карабаха – Шушу. Это великое счастье. Наверное, душа Юсифа Везира сейчас спокойна. Ведь Шуша, город, в котором он родился, освобожден от врага.

...Но, к сожалению, могила великого писателя до сих пор находится на чужбине и в заключении.

Азербайджанский писатель Юсиф Везир Чемазминли захоронен недалеко от Нижнего Новгорода в поселке Сухобезводное.

Перезахоронение останков писателя на Родину было бы достойным вниманием и почтением к его памяти.

Переводы Гюльбенлиз ГАМАРЛИ

ЗЕМЛЯКИ

ВАЛЕНТИН ДЖУМАЗАДЕ

РАССКАЗЫ

Выбор без выбора

Противный, протяжный скрежет закрывающейся массивной металлической двери и резкий лязг запора за спиной завершили четырехлетнее пребывание Шахмара в колонии.

Сделав по инерции несколько шагов вперед, он вздохнул полной грудью и, обернувшись, бросил через плечо прощальный взгляд на зарешетчатые окна зданий, колючую проволоку на стенах и пугающие вышки часовых.

Вот он, уже позади, мрачный, безжалостный котел, десятилетиями немилосердно переваривавший в своем ненасытном чреве тысячи не сложившихся человеческих судеб. И каждая из них с собственным непростым прошлым, непоправимыми ошибками, необдуманно поступками, несчастным стечением обстоятельств, различными трагедиями, способными в один момент нарушить нормальный ход жизни. Сюда за ними тянется горестный, черный, негативный шлейф их прошлой жизни, поэтому и аура этого места невыносимо тягостна. За годы пребывания здесь Шахмар многому научился, о многом задумался впервые и, готовясь к выходу на свободу, непрестанно думал только об одном: впредь никогда больше сюда не попадать, не окатиться за решеткой.

– Сынок, – услышал он негромкий голос и, повернувшись, увидел мать и брата, шедших ему навстречу. В облике, одежде обоих внятно ощущалась неприкрытая материальная нужда. Его охватили щемящая жалость и одновременно чувство собственной вины за это. Оба они выглядели настолько подавленными, притихшими, что даже слезы искренней радости не могли этого скрыть. По дороге домой, сначала в автобусе, а потом в метро, все трое сосредоточенно молчали. Брат время от времени приобнимал его за плечи, а мать, нежно взяв его руку, не выпускала ее ни на минуту.

От станции «Низами» они пошли пешком вверх и через четыре квартала были на месте. Войдя в родной двор, Шахмар впервые улыбнулся. Здесь все оставалось по-прежнему еще со времен его детства. Двухэтажный дом с плоской, залитой киром крышей, в котором жили восемь семей, был построен в далекие двадцатые годы прошлого века. Может быть, он простоял бы столько же, но кто-то, неведомый им, решил, что он подлежит сносу наряду с другими домами округа.

По дороге Шахмар обратил внимание, что процесс уже начался. Среди старых, до боли знакомых жилых кварталов, зияли мрачные, пугающие пустоты, на месте которых сановные лица замыслили возвести высотки. Как бы там ни было, а его дворик пока дышал прежней, патриархальной жизнью. Его обитатели участливо, по-родственному относились друг к другу, искренне делили горе и радость, сообща преодолевали трудности.

А как же иначе, сложившиеся дружеские, заботливые и уважительные отношения имели глубокие, почти вековые корни, передаваясь из поколения в поколение. В этом доме в согласии жили еще их деды и прадеды, некоторые семьи давно породнились. Не случайно альбомы с семейными фотографиями буквально дублировали друг друга.

В третьей квартире до последнего времени жил Семен Моисеевич, очень общительный худой старичок. Он преподавал физику в школе, но все свободное время уделял фотографии. Благодаря его увлечению знаменательные события двора не-

изменно запечатлевались на фото, пополнявших семейные альбомы, в том числе свадьбы, дни рождения, проводы в армию, веселые пикники во дворе. Причем, самые старые снимки, как рассказывали маме ее родители, делал еще до войны отец Семена Моисеевича, погибший на фронте.

Шахмар задумчиво оглядел свой двор с развесистым тутовником посередине, тремя инжирными деревьями, густым виноградником над окнами и вдоль забора. На своем обычном месте находилось и общее достояние двора, деревянная голубятня, с обитой белой жестью крышей. По сложившемуся обычаю, кто-то из соседей исподволь становился ее главным зрителем и считался ответственным за поддержание порядка и чистоты. Как правило, это был самый фанатичный любитель пернатых, преданно относившийся к своим подопечным и заботливо за ними ухаживавший.

Дома Шахмар радостно обнял своих маленьких племянников – мальчишек трех и одного года, внутренне упрекнув себя, что вернулся домой с пустыми руками. Жену брата, Рену, он знал с детства, росли в одном дворе. Свадьба брата состоялась буквально за месяц до того дня, когда он попал в злосчастную драку. Этот день остался в памяти до мельчайших подробностей.

Они с ребятами решили зайти в кафе, повод был хороший, сдали последний госэкзамен. Ничто не предвещало беды, но у входа они столкнулись с многочисленной компанией подвыпивших мажоров. Шахмар шел сзади и не слышал, из-за чего впереди началась перепалка, перешедшая в драку. Схватка длилась недолго. Борцовольники, выпускники спортивного вуза, быстро утихомирили полупьяных «золотых» мальчишек.

Подъехавший наряд полиции появился, когда потасовка завершилась, и всех участников драки доставили в отделение. После недолгого разбирательства и выяснения их личностей представителей золотой молодежи незамедлительно отпустили, а в течение двух последующих суток освободили и троих однокурсников Шахмара. Мэру пресечения в виде ареста назначили только ему, инкриминируя злостное хулиганство и нанесение телесных повреждений.

Происходящее вокруг него казалось дурным сном, окончившимся, тем не менее, приговором на четыре года лишения свободы. Один из его друзей получил условный срок, двух других признали невиновными, а мажоры оказались потерпевшими. У одного сломана рука, у другого выбиты зубы, у остальных – многочисленные синяки и ссадины.

Свое участие в драке Шахмар не отрицал ни в ходе следствия, ни на суде, но его доводы о том, что он защищался от нападавших, приняты к сведению не были, так же, как и то, что один из них пытался ударить его большим охотничьим ножом, который он выбил, применив болевой прием.

Услышав приговор, Шахмар задохнулся от вопиющей несправедливости, тщетно искал искорки сочувствия, поддержки в глазах адвоката, своих товарищей. Он вглядывался в их лица и дрожал от негодования, а они сидели в зале суда с опущенными головами.

Позже сокамерники в следизоляторе популярно растолковали ему, как и почему именно он стал крайним. От бессилия и невозможности доказать свою правоту Шахмар впадал в неистовство, рисуя картины страшной мести судье, продажному адвокату, мажорам и бывшим друзьям. Замкнувшись в себе, молодой арестант насто-роженно, как загнанный в клетку зверь, воспринимал окружающих.

Чуть позже, за пару недель до этапа в колонию, в их камеру поместили новичка, улыбчивого, неунывающего, широкоплечего парня. Его лицо показалось Шахмару знакомым, а тот, в свою очередь, сразу подсел к нему, как к старому приятелю. Они разговорились, и выяснилось, что когда-то занимались у одного тренера, но в разное время.

Парень был старше лет на пять, звали его Зейнал. Он ранее успешно выступал на многих международных соревнованиях, но вынужден был оставить спорт из-за серьезной травмы. Им было о чем поговорить, нашлась масса общих знакомых по спорту, да и, как оказалось, проживали в одном районе города.

Зейнал рассказал, что после двух лет безденежья и мытарств ему, как он считал, несказанно повезло. По рекомендации приятеля, бывшего дзюдоиста, попал в охрану одного из известных людей, у которого, как говорится, везде все схвачено.

– За ним мы, как за каменной стеной, хоть на голове ходи, – не без тени бахвальства поведал Шахмару Зейнал.

– Ну, а как же тогда ты сюда попал, трещина в стене оказалась? – недоверчиво спросил Шахмар.

Тот только пренебрежительно махнул рукой.

– Все это меня мало волнует. Что было, то было, что будет, то пройдет. На разборке слегка покалечил одного типа, так, мелочь, меня шеф скоро вытащит. Не в первый раз попадаю.

– Так твой шеф вор в законе?

– В общем-то, вроде того, но намного выше, – немного подумав, ответил Зейнал.

– Выше, это куда? Выше вроде некуда, кто в законе, тот в элите.

– Эх, ты, простак, про олигархов хоть когда-нибудь слышал? Он кого хочешь по рвет и бизнес без проблем отожмет. Это сила, он сам себе крыша. А уголовники, даже самые крутые, под ним ходят.

– Ты хочешь сказать, он никому не отстегивает?

– Нет, конечно, на их уровне не отстегивают, а заносят. Пойми, там, – он показал указательным пальцем вверх, – такие вещи, как платить долю, отстегивать, не в ходу. Это люди другого полета, более деликатные, – усмехнулся Зейнал.

Действительно, новый знакомый не врал, о нем не забывали. Каждый день получал передачи, у него не переводились деньги, а потом появился и телефон. Сокамерники и охрана с ним считались и при случае даже заискивали, а он беззаботно проводил время, будучи уверенным в скором освобождении. Так оно и случилось.

– Я тебе говорил, что на нарах долго не задержусь? – прощаясь, улыбнулся он. – Жалко с тобой расставаться, ты парень стоящий. Мои координаты помнишь? Найдешь меня, не пожалеешь!

На том и расстались.

В колонии молчаливый, рослый, физически сильный Шахмар держался обособленно. Он не искал поддержки сильных, игнорировал блатных, не притеснял слабых. Жил сам по себе. В нескольких неизбежных в этой среде спонтанных стычках действовал предельно жестко и заслужил звание правильного, живущего по понятиям ээка. Решительно пресекая чьи-либо попытки сблизиться с ним, завязать дружбу, он сразу, без обиняков, давал понять, что его жизненное пространство закрыто для всех без исключения.

В колонии царила неограниченная власть администрации, но параллельно рулила и другая, неформальная сила зоны, следившая за неукоснительным соблюдением своеобразного свода неписаных уголовных правил, от скорости усваиваемости и приверженности которым зависели положение и место осужденного в иерархии этой обездоленной частице социума, наглухо отгороженной от остального мира высокими, устрашающими стенами с колючей проволокой.

В условиях неволи и очевидного бесправия сложилась собственная субкультура со своими правилами, нормами поведения и языком. Выживал каждый по своему, считая дни до освобождения. Здесь имелась своя элита в виде криминальных авторитетов, рецидивистов и кандидатов из числа так называемых «стремящихся», какую-то часть составляли самые беспутные «бакланы» или обычная шпана.

Подавляющее же большинство состояло из простых сидельцев, безропотно мотавших срок и поддерживая друг друга. Особняком стояли изгои или, как их называли, «опущенные». Каждый вновь прибывший в колонию и уже имевший за плечами безрадостный опыт мучительной отсидки в СИЗО должен был, в той или иной степени, иметь четкое представление о своем личном статусе, о том, как себя вести в соответствии с ним. При этом обязательно держа в голове и учитывая статьи, по которым привлекался к уголовной ответственности, а также число предыдущих ходок в места лишения свободы.

Время за колючей проволокой тянется медленно, особенно, когда спецконтингент не вовлечен в рабочий процесс. Большую часть дня Шахмар проводил на небольшой спортплощадке, считая необходимым поддерживать форму, тем паче, что с физической силой здесь считались. В свое время он связывал много надежд со спортивной карьерой, что позволило бы решить ряд материальных проблем. Не исключал и возможность после завершения срочной службы остаться в армии офицером. Но все планы внезапно обрушились, он даже не успел получить диплом.

Наблюдательный от природы, склонный к психоанализу, Шахмар довольно быстро, хотя и не безболезненно, встроился в систему взаимоотношений в колонии, обозначил свою нишу и жил, руководствуясь простым принципом нормальных сидельцев: «Не верь, не бойся, не проси». Настороженность и скрытый характер парня исключали всякое сближение с кем-либо, но случилось так, что за полгода до освобождения, а он отбыл срок от звонка до звонка, произошло знакомство со старым сидельцем Исрафилом, большая часть жизни которого прошла в местах лишения свободы.

Это был худой, узкоплечий мужчина лет пятидесяти, с болезненным цветом лица. Одинокий и больной, он доживал свой век, даже не помышляя об освобождении. В своем богатом уголовном прошлом он знал лучшие времена и теперь предавался грустным воспоминаниям, радуясь возможности высказаться перед кем-то и излить душу.

От него Шахмар узнал немало интересного об уголовном мире, его многослойности, реальном месте криминалитета в обществе и негативном воздействии на него. Впервые услышал о коррупции, как об основном детонаторе, способствующем экспансии многих особо опасных видов организованной преступности. Как утверждал Исрафил, благодаря связям с криминалом коррупционеры ворочают миллионами, подчиняя себе банковско-финансовые учреждения, экономические отрасли, посягают на влияние в различных сферах жизни общества, рвутся в органы власти.

Будучи экономистом по образованию, Исрафил прекрасно разбирался и в юриспруденции, работе правоохранительных структур. В начале восьмидесятых годов он принял активное участие в кооперативном движении. Первое время преуспевал, очень неплохо зарабатывал, создал подпольное производство различных товаров легкой промышленности. Но, как известно, легкие деньги выходят боком, и он попал под следствие, установившее целую серию его махинаций. Так он получил свой первый срок. После освобождения он вновь окунулся в знакомую ему среду, и все повторилось заново. Вырваться из этого замкнутого круга так и не удалось. Последняя судимость у него была за мошенничество. Исрафил обладал обширнейшей информацией о преступности в сфере экономики, сложившихся внутри нее отношениях. Лично знал многих известных предпринимателей, сколотивших себе миллионные состояния самым неправедным путем. Он им не завидовал, а просто констатировал факт.

Шахмар молча слушал словоохотливого собеседника, не совсем понимая, почему именно с ним Исрафил решил быть столь откровенным. А тот искренне расположился к парню, нравившемуся своей независимостью, подтянутостью, опрятностью и умением правильно выстраивать отношения с окружающими. В последний период их общения Исрафил не переставал, как заклинание, повторять, чтобы Шахмар по вы-

ходу из колонии ни в коем случае не тушевался перед обстоятельствами, воспринимал неминуемые трудности, как должное, нашел нужную дорогу в жизни без криминала. В ответ Шахмар улыбался и успокаивал его:

– Не переживайте, насмотрелся я здесь этой уголовщины по горло. У меня хватит сил выбраться из этой трясины. Я благодарен вам за ваши советы.

За всю, первую после освобождения, ночь дома Шахмар не сомкнул глаз. Едва забрезжил рассвет и пробились первые лучи солнца, он встал и бесшумно, чтобы никого не разбудить, вышел во двор, наполнявшийся утренним светом. Вовсю щебетали пробудившиеся и оживленно сновавшие в густой листве деревьев воробьи. По забору важно прошествовал большой рыжий кот, высокомерно поглядывавший на добродушную дворовую дворнягу, не проявлявшую, впрочем, к нему никакого интереса. В голубятне громко ворковали голуби, ожидавшие появления своего хозяина.

Шахмар смотрел вокруг себя, жадно впитывая звуки начинающегося дня в этом маленьком, уютном уголке мегаполиса. Погрузившись в свои мысли, даже не сразу услышал тихие шаги за спиной. Мать подошла и молча обняла сына, а потом, ни слова не говоря, ушла, утирая слезы. Как сильно она постарела за эти годы, с горечью подумал он, и его охватило чувство непростительной вины. Надо как можно быстрее найти работу, помочь семье, поддержать маму и брата, выглядевшего на двадцать лет старше своего возраста. Болезненно худой, сгорбленный и постоянно надрывно кашляющий. Надо спросить у мамы, что с ним.

Его раздумья прервал неясный шорох около голубятни. Прислушавшись, он встал и подошел ближе. Там копошился парнишка в синей бейсболке на голове и большом, не по росту спортивном костюме. Открыв дверцу голубятни, бережно, двумя руками, выпуская птиц наружу, он что-то ласковое им приговаривал. Увидев Шахмара, приветливо улыбнулся, быстро и неразборчиво заговорил и протянул ему сидевшего на ладони маленького голубка. Из сбившейся, невнятной речи можно было понять, что его приглашают посмотреть голубятню.

Шахмар, внимательно вглядываясь в лицо паренька, вспомнил маленького Гуся, инвалида с детства, соседа из восьмой квартиры. Судя по всему, именно ему доверили голубятню, и правильно сделали, придав его обездоленному существованию позитивное содержание, наполнив жизнь новыми яркими красками, одобрительно подумал Шахмар. Пусть скрашивают друг другу жизнь, этот добрый, беззащитный, безнадежно больной человек и птицы. Голубятня была в идеальном порядке, во всем чувствовалась рука любящего хозяина. Шахмар, сказав какие-то слова поддержки, тепло обнял паренька. Ответом ему была радостная, широчайшая во все лицо мягкая улыбка.

Вернувшись домой, Шахмар, не притронувшись к еде, наскоро выпив чаю, собирался уходить.

– Почему же ты так рано и ничего не поел? – встревоженно спросила мать.

– Я насчет работы, меня ждут, – соврал он и, попрощавшись, ушел. В течение дня он обошел с десяток мест в надежде найти работу, но везде получил отказ. В конце концов убедился, что вот так, с ходу, прийти с улицы и устроиться на какое-то предприятие или в организацию невозможно. Даже при наличии законченного высшего образования, он готов был трудиться грузчиком, разнорабочим, такелажником, охранником, водителем.

На одном из строящихся объектов согласился было принять на поденную работу с заработком до пяти манатов, причем здесь по установленному порядку утром отбирали удостоверение личности, а вечером при расчете возвращали. Конец рабочей смены определялся старшим, по усмотрению которого выдавались деньги или накладывались штрафы. Это было полнейшее бесправие и откровенное издевательство над трудовым законодательством. Бесплодные попытки Шахмара устроиться на работу продолжались две недели, и он начинал терять уверенность в себе.

Как-то в один из вечеров, вконец расстроенный своими неудачами, Шахмар бесцельно бродил по городу и, неожиданно для самого себя, забрел в зал к своему тренеру. Внешне здесь ничего не изменилось, по-прежнему царила рабочая обстановка. Шла обычная тренировка, детально и методично отрабатывались приемы, слышались падения тел на ковер, возгласы разгоряченных борцов.

Присев на скамеечке в углу у входа в зал, Шахмар смотрел, как его тренер разъясняет двоим борцам последовательность элементов броска через бедро, излюбленный им прием. И вдруг, словно почувствовав его взгляд, тренер, внезапно обернувшись, торопливыми шагами направился к нему и тепло, по-отцовски, обнял, прижав к груди. Он все такой же, отметил про себя Шахмар, только движения стали несколько замедленнее. Попросив подождать окончания тренировки, тренер, ни о чем не спрашивая, вернулся на ковер.

Час спустя они пили зеленый чай в маленькой тренерской комнатке, и Шахмар подробно рассказывал своему наставнику о том, что с ним произошло и как не просто сложились четыре года его жизни в неволе. За годы заключения он великое множество раз представлял себе эту ситуацию, предстоящий задушевный разговор со своим тренером, к которому относился с глубочайшим уважением. Притом он никогда не искал для себя слов оправдания, ибо в самом деле не чувствовал себя виновным. Оказалось, что при реальной встрече они и не понадобились. Он говорил и удивлялся тому, что не боится показаться слабым, потерянным, будучи сильным, взрослым мужчиной, а не тем десятилетним пацаном, когда-то случайно попавшим сюда и робко переступившим порог этого зала, в котором потом прошла добрая половина жизни. Гамид-муаллим слушал, не перебивая, изредка печально покачивая головой. В глазах у него явственно отражались сочувствие, искренняя человеческая боль за одного из самых талантливых воспитанников. Он знал, что мальчишка рос без отца, инженера-нефтяника, погибшего на буровой во время пожара, вызванного штормом. Тренер с присущим ему чутьем разглядел в волевом, настойчивом, трудолюбивом парнишке перспективного борца и не ошибся, пришли закономерные успехи. Но все оборвалось именно тогда, когда надежды на будущие победы стали в полной мере оправдываться, раскрывался потенциал спортсмена.

Сейчас, после длительного перерыва, о возвращении в большой спорт не могло быть и речи. Время безвозвратно упущено, с сожалением думал Гамид-муаллим, глядя на осунувшееся лицо парня, преждевременную седину на висках, жесткие складки у рта. Узнав о безуспешных попытках найти работу, мудрый наставник сразу понял, что это главный вопрос на этот момент, и его решать надо в первую очередь. И тут же нашел приемлемый вариант.

– Я попробую через своих друзей и знакомых подыскать тебе приемлемую работу. К сожалению, – он развел руками, – по специальности пока вряд ли получится, но будем думать. А пока бери мою машину. На первое время материальный вопрос как-то решится, во всяком случае, хватит на поддержание штанов. Разумеется, сможешь матери, наладишь питание. В свободное время жду тебя здесь, заходи, потренируешься, восстановишь силы, отдохнешь душой. За это время будем решать остальные проблемы.

Прощаясь, Гамид-муаллим потрепал его по голове и тихо, но достаточно твердо произнес:

– Вот, возьми, пожалуйста, здесь триста манатов, – и, помолчав, добавил: – Не смей обижать меня отказом. Завтра в семь утра встречаемся у меня дома, забирай машину, она хоть и старенькая, но на ходу. Тебе помогут оформить лицензию, и за дело. Удачи тебе, держи меня в курсе дел.

Домой Шахмар летел, как на крыльях. Впервые со дня освобождения неясно забрезжила хрупкая надежда на прорыв череды неприятностей. Началась новая жизнь. Довольно быстро почувствовав себя заправским бакинским таксистом, он с удоволь-

ствием колесил по улицам родного города, легко находил общий язык с самыми привередливыми пассажирами. Часть заработка тратил на выдавшую виды «шестерку» и привел ее в полный порядок. Само собой понимал, что нынешнее его состояние – временное, как бы передышка, создававшая некую иллюзию хрупкого благополучия, но верил, что настоящая удача в виде нормальной, постоянной работы, наконец, повернется к нему лицом.

Надо было торопиться, со слов матери, у брата, какое-то время занимавшегося на стройке шлифовкой облицовочных плиток, серьезно поражены легкие. Состояние ухудшалось, ему определили инвалидность, на лечение требовались немалые деньги.

С этими невеселыми мыслями Шахмар крутил баранку с раннего утра до позднего вечера, неустанно в душе благодаря своего тренера за протянутую руку помощи. За довольно короткий срок у начинающего таксиста появилась своя клиентура. Интеллигентный, аккуратно одетый парень выгодно отличался от своих коллег. Всегда идеально чистая машина, приветливость, умение поддерживать разговор запоминались пассажирами, как и то, что водитель никогда не торговался о цене и довольствовался той суммой за проезд, которую платили.

Обеспечение семьи он целиком взял на себя. Несмотря на почти круглосуточный режим работы, Шахмар находил возможность посещать спортзал, где, помимо физической нагрузки, в полной мере получал большой объем позитивных эмоций. Он смирился со сложившимся положением, когда живешь, не теряя надежды на лучшее, и одновременно молишь судьбу, чтобы не было хуже.

В один из вечеров, когда он вернулся с работы, мать сказала ему, что к ним заходил участковый инспектор и передал, что хочет видеть его.

– Зачем я ему? – спросил Шахмар.

– Не знаю, ума не приложу, но не жду от этого ничего хорошего, – сокрушенно покачала головой мать.

– Не переживай, – успокоил он ее, – это предусмотрено какими-то полицейскими документами, проводить воспитательные беседы и контролировать поведение ранее судимых.

– Что ж тебя контролировать, – всплеснула руками мать, – с раннего утра до самой ночи работаешь, мы бы без тебя пропали, не выжили, Рустам наш второй месяц в больнице.

В назначенное время Шахмар предстал перед участковым и назвал себя. Лейтенант важно окинул его испытующим взглядом и указал на стул. Потом открыл записную книжку и что-то долго там искал, слюнявя указательный палец и перелистывая страницы. Разглядывая его круглое, не по годам полное лицо, с аккуратно выбритыми усиками и дугообразными, широкими бровями, Шахмар предположил, что, возможно, они ровесники. Участковый продолжил свои поиски в ящике письменного стола, потом позвонил кому-то по телефону, договариваясь о предстоящем обеде, всем своим видом давая понять, что ему наплевать на посетителя.

Это начинало забавлять Шахмара. Толстяк-полицейский поражал его своей беспардонностью. Наконец, завершив свои дела, грузно оперевшись локтями на стол, он обратился к Шахмару.

– У меня к тебе дело. Если согласишься с моим предложением, получишь возможность хорошо заработать и помочь своей семье. Ты же понимаешь, у таких, как ты, нет шансов найти нормальную работу. Выходите из колонии, крутитесь пару месяцев и обратно на зону. Какой у вас выбор? Никакого, замкнутый круг! – лейтенант выдержал длительную паузу и продолжил. – Ты освободился в мае, сейчас уже август. Все идет к тому, что рано или поздно опять за решетку.

Понимая, что ни к чему хорошему этот разговор не приведет, Шахмар молчал, но хотел услышать, к чему клонит лейтенант. А тот, по-своему расценив молчание собеседника, посчитал свою вступительную речь вполне убедительной, а доводы более

чем основательными, удовлетворенно хмыкнул, вытер вспотевшее лицо, включил кондиционер и перешел непосредственно к делу.

– У очень уважаемого и влиятельного человека сын совершил аварию. Пони-маешь, как обидно, парень окончил институт, у него большое будущее, а тут ДТП с тяжкими последствиями. Меня сверху попросили помочь, подобрать какого-нибудь... – оборвал он себя на полуслове.

– Ты хотел сказать, лоха, нищоброта? – не сдержался Шахмар.

Участковый инспектор глупо улыбнулся и несколько неуверенно, но без тени смущения проговорил.

– Ну, вроде того. Возьмешь на себя, не прогадаешь, хорошие деньги получишь. Отец этого парня – человек влиятельный, с большими связями. Сделает так, чтобы ограничилось минимальным сроком, и на зоне «подогрев» будет соответствующий. Соглашайся, не набивай цену, тебе все равно нечего терять. – Лейтенант замолчал в ожидании ответа, не сомневаясь в том, что он будет положительным.

Циничное предложение ошарашило Шахмара. Вот так, просто, после унизи-тельного, достаточно лаконичного предисловия ему недвусмысленно предложили сесть в тюрьму «за того парня». У него, дескать, диплом, радужные жизненные пер-спективы, а у тебя только «небо в решетку». Шахмар в колонии слышал о подобных подставах, но не мог предположить, что сам может оказаться в такой ситуации.

– Но почему бы им не поступить проще, как это и делают люди влиятельные, со связями, просто заявить, что машина была угнана, – со скрытой издевкой спросил Шахмар у участкового. Толстяк, не заметив подвоха, оживился.

– Сразу видно, ты толковый парень. Так бы и сделали, но сына этого человека на месте происшествия зафиксировала камера видеонаблюдения. Его хорошо за-помнили двое пострадавших в аварии. Ему надо было сразу после наезда бросать машину и смываться, а он вышел и какое-то время стоял в растерянности.

– Есть еще один, безотказный вариант, организовать справку, что он псих-больной, – прервал его Шахмар.

Участковый недовольно сдвинул брови и снисходительно пояснил:

– С такой справкой потом никогда на престижную работу не устроишься. Так что нечего лезть со своими советами и умничать.

– Получается, мне нужно заявить, что это был я, а не он? Мы с ним похожи? – спросил Шахмар, с трудом сдерживая раздражение, но продолжая диалог в язви-тельной тональности.

– Нет, так напрямую это невозможно. Я же тебе говорю, его запомнили, он за-светился по полной. Его присутствие на месте аварии отрицать нельзя. Поэтому тебе надо сказать, что ты был за рулем, а он, будучи пассажиром, просто вышел из ма-шины. Ты тем временем сбежал. – Участковый наставительно посмотрел на Шахмара, достал сигарету, закурил и, выпустив струйку дыма, благодушно продолжил. – Мне нравится, как ты вникаешь в дело. Ну что, договорились? Поможем серьезным людям?

Шахмар пристально посмотрел в глаза толстяка и негромко проговорил:

– А в чем твой интерес?

Участковый громко рассмеялся.

– У меня вся служба впереди, и моя услуга зачтется. Но тебе это ни к чему. У тебя конкретная роль. Мы все хорошо продумали. Это единственно правильный ва-риант в данной ситуации спасти сынишку.

– Вы действительно многое продумали, молодцы. Но не все. У меня есть аль-тернативное предложение оказания помощи хорошему человеку.

– Какое? – недоверчиво спросил участковый, тупо уставившись на Шахмара.

– Скажи, что ты сам был за рулем этой автомашины. Твоя услуга зачтется, и пусть тебя за нее «греют» на зоне, а я нужен своей семье. – С этими словами Шах-мар встал и, презрительно сплюнув под ноги, вышел из кабинета.

От разговора с участковым у Шахмара остался неприятный осадок. Он никак не мог отделаться от преследовавшего его унижительного предложения, кровь в нем бурлила от справедливого негодования. Его сильное, крепкое, мускулистое тело охватила мелкая, предательская дрожь, совладать с которой, несмотря на все усилия, никак не получалось. Он ехал, не видя ничего перед собой. И непонятно, каким чудом ему удалось среагировать на внезапно выскочившую на дорогу девушку, с большим синим, бумажным свертком в руках, успеть нажать на тормоз и остановиться буквально в сантиметрах от нее. Девушка испуганно стояла посередине дороги, замерев, словно в ступоре. Потом, будто очнувшись, извиняюще улыбнулась, повернулась и побежала обратно. Как неудачно начинается день, подумал Шахмар, посмотрев ей вслед, и свернул с широкого проспекта на тихую улочку, по обе стороны которой красовались вычурные коттеджи. Он нашел место, где можно было переждать, успокоиться и только потом вернуться к работе. Выключив мотор и положив руки на руль, Шахмар склонил на них голову и будто провалился. Он не знал, сколько мгновений это продлилось и пришел в себя от сильных, резких ударов по крыше кабины. Подняв голову, увидел, как огромный детина, ругаясь, что было сил, тарабанил по машине. Шахмар выскочил наружу и, ни слова не говоря, нанес ему два удара по корпусу и в голову. Тот рухнул, как подкошенный.

Надо было уезжать, но было поздно, из ближайших ворот выбежали несколько мужчин спортивного вида и бегом направились в его сторону. Судя по всему, наступает очередная, но завершающая неприятность сегодняшнего дня, поскольку она третья, успел подумать Шахмар. Понимая, что теперь так просто ему не отделаться, он встал в боевую стойку. Парни решительно приближались к нему, не оставляя никаких сомнений в своих намерениях. В это время пришел в себя их товарищ, поднявшись, он попытался ударить Шахмара, но тот без затруднений вернул его в горизонтальное положение и повернулся навстречу новой угрозе. Схватка вот-вот должна была начаться, но тут прозвучала громкая команда: «Стойте». Парни, судя по их виду, бывалые бойцы, замерли, послушно глядя на того, кто шел чуть позади. Шахмару показалось, что он где-то видел этого человека, но вспомнить было некогда. Тем временем тот подошел ближе и протянул руку.

– Привет, Шахмар! Вот так встреча. Я слышал, что ты освободился, все думал, почему ты не звонишь, хотел с тобой встретиться.

Только теперь Шахмар узнал Зейнала и облегченно вздохнул, дурацкая стычка, без всяких сомнений, могла для него плохо кончиться.

– Как ты здесь оказался? Твою машину засекли видеокамеры, и я послал «Малыша», – кивнул он в сторону стоявшего с унылым видом здоровяка, – узнать, кто такой смельчак, припарковавшийся у нашего коттеджа. Когда ты уложил его на землю, мы поспешили на помощь. Что у вас произошло?

– Ничего не произошло, на этой машине я таксую, – пояснил Шахмар, – немного устал, отъехал сюда, хотел передохнуть. Только задремал, показалось, машина взорвалась. А это он сверху кулаками по крыше кузова колотит что есть силы. Ну, а как я среагировал, ты видел.

– Среагировал классно. Ты молодец, сразу видно, поддерживаешь форму, побил нашего парня, как котенка. Ослабил перед соседями. Здесь видеокамер натыкано, как цветов на клумбе, будут злословить. Все компромат собирают, завидуют друг другу, пасут нас по возможности. Наверняка, зафиксировали вашу стычку. Самая сильная служба безопасности, и на тебе, получили от обычного таксиста. – Зейнал повернулся в сторону поправлявшего костюм здоровяка. – Сколько раз я тебя, «Малыш», предупреждал, увиливаешь, не выкладываешься на тренировках. Стыдно, вон какой вымахал, под два метра, а опрокинули тебя, как мешок со стружками. А мы ведь считали тебя самым крутым из нас, – весело подмигнув товарищам, с неприкрытой иронией подначивал парня Зейнал.

Тот молчал, сосредоточенно осматривая порванный пиджак, потирая ушибленную руку. Вид был у него настолько потерянный, что все рассмеялись, а он, почувствовав, что гроза миновала, добродушно улыбался, радуясь, что легко отделался.

– Ну, прекрасно, все веселы и довольны, пиджак, правда, жалко, но это дело поправимое. Пойдем ко мне, поговорим в спокойной обстановке. Мой босс болеет, сегодня весь день дома, так что время у меня есть, считай, повезло. – Зейнал пропустил Шахмара вперед и, пройдя несколько шагов, спросил. – Слушай, твоя машина и ее номер мне подозрительно знакомы. Таких экземпляров осталось мало, откуда она у тебя?

– Мне ее временно дал Гамид-муаллим, на ней пока кормлюсь и содержу семью, – ответил Шахмар.

– Ох, ты, как же я сразу не вспомнил машину нашего тренера! Я еще пацаном был, а она уже тогда была старая. Как ты с ней справляешься?

– Ничего, немного повозиться пришлось. Бегаёт, пока не подводит.

– Надо выбрать время и заскочить к старику, – вздохнул Зейнал. – Душа-человек, честно говоря, даже совестно, что не навещаю его, хотя спортзал, по меркам города, практически рядом.

В течение последующих двух часов приятели уединились в кабинете Зейнала. Шахмар рассказал о том, как отбыл срок, и о трудностях, с которыми столкнулся на свободе. Зейнал слушал внимательно, не перебивая. Он сильно изменился с того времени, когда они в последний раз виделись. От бывшего образа неунывающего балагура и качка ничего не осталось, перед Шахмаром сидел человек с напряженным, жестким взглядом, выглядевший значительно старше своего возраста. Не было никаких сомнений, истекшие годы дались ему нелегко.

Словно угадав мысли приятеля, Зейнал задумчиво сказал:

– Я вижу, мы оба заметно изменились. Так, наверное, и должно быть. За эти четыре года много воды утекло. Сейчас я начальник службы безопасности холдинга, всего, что пришлось пережить, не расскажешь. Сам понимаешь, расположение сильных мира сего само собой не приходит. Разные вопросы возникают, их надо решать, не особенно задумываясь о правовых последствиях, в том числе для себя самого. – Тяжело вздохнув и перейдя на полусеппот, Зейнал взволнованно продолжил. – Об этом раньше я не догадывался и не мог себе даже представить. Одно дело – стоять на посту или сопровождать охраняемое лицо, кому-то по ходу врезать по физиономии. А совсем другое – выполнять так называемые особые поручения... Большие деньги замешаны на большом криминале. От души рад, что ты держишься, хочешь работать по специальности, жить честно, на свои заработанные деньги. Ни от кого не зависеть. Это невероятно трудно и вызывает уважение, но это не каждому по плечу. Поэтому я желаю тебе успеха и, по понятным причинам, не приглашаю тебя к себе в команду. Одновременно, хорошо зная жизнь, оставляю в силе мое предложение, сделанное в СИЗО. Всякое может случиться и в одночасье обрушить все радужные планы на будущее. – Зейнал встал из-за стола, склонился к Шахмару и, положив ему руку на плечо, твердо произнес. – Воспользуйся им только в крайнем случае, когда не останется никакого другого выбора. Держись, будь предельно осторожен, особенно после инцидента с участковым. Он, наверняка, затаился и готовит удар. В любом случае, будь со мной на связи.

В тот день Шахмару пришлось работать допоздна. Время до полуночи прошло незаметно за анализом деталей разговоров с участковым инспектором и Зейналом. Чувствовалось, что у товарища на душе неспокойно, и его тяготит работа, при которой за огромный заработок, не исключено, приходится расплачиваться криминальными деяниями, мучительными угрызениями совести, чувством раскаяния за свое уязвленное человеческое достоинство, отданное на откуп выживаемости любой ценой.

Под утро Шахмар проснулся от громких криков за окнами. Он выскочил во двор в одних джинсах и замер, увидев перед собой ужасающую картину. Горела голубятня. Когда миновало секундное оцепенение, он бросился к ней, чтобы как можно быстрее открыть дверь, и тут же убедился в невозможности это сделать. Небольшое деревянное строение уже пылало, как факел. Во двор, укутанный густым дымом, выпала толпа соседей, плакали дети. Кто-то из мужчин вылил несколько ведер воды, но пламя только усилилось и стало угрожать пожаром ближайшей квартире. Шахмар тоже схватил ведра, и общими усилиями они-таки сбили пламя, но от голубятни остался один черный, обгорелый остов. Естественно, ни одной птице спастись не удалось. Чуть поодаль плачущие женщины с трудом сдерживали бившегося в судорогах Гусика. Картина была крайне печальной, изменить Шахмар ничего не мог и счел за лучшее уйти домой, переодеться и побыстрее отправиться на работу. Чуть погодя вернулась заплаканная мать. Встревоженные происходящим, глядя на нее, громко заплакали племянники.

– Не надо так расстраиваться, мама, – как можно ласковее успокаивал её Шахмар. – Всякое бывает. Может, короткое замыкание. В течение недели я сколочу новую голубятню. Съезжу с Гусиком на базар и куплю ему голубей. Все будет по-прежнему.

Мать посмотрела на него печальными глазами.

– Ничего, сынок, как прежде, уже не будет. Почему, ты думаешь, так горько плакал весь двор? Нельзя вернуть прошлое. Есть что-то такое большое, что, утратив, нельзя купить. Сегодня мы уже не знаем, что с нами будет через месяц или два. Все в тревожном ожидании переезда, как надвигающейся беды. Вместе с голубятней сгорело намного больше того, что ты увидел, мы потеряли в этом огне очень многое в духовном плане.

– Что ты такое говоришь, мама? Нельзя драматизировать эту неприятность. Я все понимаю, но не надо так переживать из-за случившегося. Никто этого не хотел...

– Не хотел? Ты так думаешь? – мать внимательно на него посмотрела, потом кивнула головой. – Ладно, сынок, иди на работу, тебе целый день за рулем, ты и так не выспался, а я тут со своими разговорами порчу тебе настроение.

День начинался, как обычно, но Шахмар никак не мог избавиться от запаха дыма. Он думал сегодня же, в конце дня обязательно найти время и сделать чертеж новой голубятни, рассчитать количество материалов и примерную сумму их стоимости. Но планы его были нарушены неожиданным звонком от Гамид-муаллима, попросившего из-за плохого самочувствия подменить его на двух вечерних тренировках. Шахмар заверил его, что сделает это с удовольствием.

– Ни о чем не беспокойтесь, в четыре часа я освобожусь и буду в спортзале. Выздоровливайте, а вечером я вас навещу.

Днем он заскочил домой за спортивной сумкой, заодно узнать, как домашние чувствуют себя после ночного инцидента. Во дворе увидел, что какие-то незнакомцы передвинули в сторону забора обгоревшие доски, а место, где прежде стояла старая голубятня, разровняли и присыпали песком.

Мне самому надо было догадаться это сделать, с досадой подумал Шахмар. Зачем людей черными головешками расстраивать. Мать удивилась и обрадовалась его неожиданному появлению в неурочное время и тут же принялась накрывать на стол. Выглядела она очень расстроенной. Сославшись на спешку, Шахмар отказался от обеда. Уходя, он одобрительно отозвался о людях, чистивших двор, но мать, ничего не ответив, в глубокой задумчивости покачала головой.

Две тренировки с ребятами разных возрастов прошли интересно, и Шахмар получил истинное удовольствие от четырехчасовой интенсивной нагрузки. Легко нашел общий язык с ребятами и с готовностью передавал им свои навыки и умение. Ему казалось, что смог бы выдержать ежедневную двенадцатичасовую работу в родном спортзале.

К девяти часам вечера, как и обещал, навестил Гамид-муаллима. Выглядел тот неважно, сильно осунулся, побледнел. И только сейчас Шахмар вдруг понял, что его учитель очень пожилой человек. В зале этого не чувствовалось. Гамид-муаллим подробно расспросил его о прошедших тренировках, о реакции ребят. Поинтересовался, были ли какие-то трудности в общении по ходу тренировочного процесса. Затем разговор зашел о грядущем чемпионате мира по вольной борьбе, предполагаемых изменениях в судействе, неожиданно возникших предложениях о вероятном исключении борьбы из олимпийских видов спорта по надуманной функционерами причине, низкой зрелищности. Тренер справедливо возмущался, повторяя, что борьба ведет свою историю с античных времен, и она, в отличие от других видов спорта, почти исключает случайности. Как правило, в ней побеждают сильнейшие. Он не уставал повторять, что борьба прежде всего – напряженный, каждодневный труд, полная самоотдача, колоссальные волевые усилия, преодоление себя и вера в свои силы. Неспроста она сопровождается захватывающим накалом страстей и таким внутренним драматизмом, которым позавидует любой театр. Весомым аргументом за неоспоримый авторитет борьбы опытный наставник считал и то, что именно борцы чаще других первенствуют в боях смешанного единоборства. Обсуждаемые темы были им настолько близки, что, увлекшись ими, они засиделись почти до часу ночи. Когда Шахмар поднялся прощаться, Гамид-муаллим настоял на том, чтобы он остался до утра.

– Позвони домой, чтобы мама не беспокоилась, и ложись отдыхать, зачем лишний раз по ночному городу мотаться. Мне завтра к восьми часам в зал, заодно подбросишь меня. Боюсь, самому мне не добраться.

Утром, доставив тренера в спортзал, Шахмар решил заехать домой, узнать, как дела. У ворот своего двора, где он обычно оставлял машину, толпилась группа людей, видимо, привлеченных происходящим внутри. Он прошел мимо них и увидел во дворе, на месте старой голубятни, полностью выгоревший кузов внедорожника. Такого он не мог себе представить и в дурном сне, что это за машина, и как она здесь оказалась. Рядом с ней стояли, что-то обсуждая на повышенных тонах, двое в штатском и участковый. Позади них прохаживался сержант полиции. В противоположном углу двора теснились, прижимаясь друг к другу, соседи. Среди них Шахмар увидел и мать. Она подошла к нему, взяла за руку и, не мешкая, повела домой.

– Что случилось? Объясни, наконец, – спросил он ее.

– Ничего особенного. Эта машина того негодяя, который поджег голубятню, и из-за которого мы можем потерять Гусика. Он в очень тяжелом состоянии.

– Подожди, мама, у меня все смешалось в голове. Причем здесь Гусик? О каком негодяе ты говоришь? Что за машина? Объясни, почему она оказалась во дворе?

– Все очень просто. Это наш новый сосед. Он «черный» риэлтор. Полгода назад по сфабрикованному завещанию умершей бабушки Сони вселился сюда. Ко всем нам нагло пристает с предложением продать ему квартиру. Люди его боятся, у него мощная поддержка, в том числе в лице участкового инспектора. Наш дом подлежит сносу, и он надеется захватить как можно больше жилой площади. Говорят, у него много квартир, поэтому появляется он здесь не часто, но успел со всеми перессориться. И даже спьяну однажды побил Гусика за то, что голубятня мешала ему парковать машину во дворе. Мы тогда пожаловались на него участковому, но тот ответил, что Гусик сам виноват.

– Что ж ты мне об этом сразу не рассказала, – развел руками Шахмар. – Оказывается, у вас тут застарелый конфликт. Я бы с этим человеком поговорил.

– И что бы ты ему сказал, сынок? Это отъявленный мерзавец. Он специально хотел нас унижить и запугать тем, что сжег дорогую каждому из жильцов этого дома голубятню и на следующий день самым циничным образом на это место поставил свою машину. Думал, мы и это стерпим. – Мать посмотрела на сына, сжала правую руку в кулак и с нескрываемым негодованием произнесла. – Вот и получил по заслугам.

Не в силах сдержать эмоции, вмешалась в разговор и горячо поддержала свою свекровь обычно молчаливая Рена.

– Жалко, что его самого, гада, не сожгли в машине.

От всего услышанного Шахмар даже растерялся.

– Так машину, получается, сожгли преднамеренно, – переспросил он. Женщины, переглянувшись между собой, промолчали. – Так вы считаете, что ее подожгли? Кто мог это сделать, кто-то из наших?

– Да, любой из нас, – ответила Рена. – И даже твой младший, годовалый племянник. Здесь у всех накопело.

Шахмар, ничего не ответив, только покачал головой, обнял мать и решил ехать на работу. Что-либо изменить он не мог и поэтому не желал разбираться в этом конфликте. Вместе с тем, для него было огромной неожиданностью непримиримая, жесткая позиция мамы, мягкой, деликатной, душевной женщины, всю жизнь проработавшей учительницей начальных классов.

Пройдя через двор, он подошел к своей машине, достал ключи, почувствовав в это время, как кто-то сильно сжал его левую руку. Он обернулся, сзади стояли двое в штатском, а за ними участковый инспектор.

– Поедешь с нами, – произнес один из штатских. – К тебе есть вопросы.

Шахмар, не говоря ни слова, уселся в их машину на заднее сиденье, между двумя мужчинами в штатском, и его повезли в отделение полиции. Там с ним разбирались недолго. Через сорок минут все было кончено. Никто не задавал ему никаких вопросов. Составили протокол задержания и изъятия пакетика с героином. Так Шахмар оказался в камере, смутно осознавая, что с ним происходит. Что было делать, ситуация безвыходная. Единственно, надо было сообщить Гамид-муаллиму о том, что машина осталась без присмотра на улице, и дать маме знать, что он жив, здоров, находится в полиции. Спустя пару часов его повели на допрос. В коридоре неожиданно увидел своего тренера и мать, предположив, что, вероятнее всего, кто-то из соседей, увидев задержание, сообщил матери, а она позвонила Гамид-муаллиму.

Допрос был коротким и состоял из нескольких вопросов. Когда освободился из колонии? За что поджег машину? С какой целью приобрел наркотики? Для собственного употребления или продажи? Шахмар отказался отвечать на вопросы. Он четко осознал, что стоит на краю пропасти, в которую вот-вот сорвется, если прогнется, запаникует, не проявит твердости, не сможет оказать жесткого противодействия очевидному беспределу. Решение пришло мгновенно, надо рисковать. У него не оставалось другого выхода, как подняться, взять с письменного стола допрашивающего полицейского офицера телефон, жесткой хваткой перехватить его руку и угрожающе произнести:

– Не мешай мне звонить, убью. Сиди тихо. – От неожиданного оборота тот в испуге замер, а Шахмар, набрав номер Зейнала, напряженно ждал ответа. Услышав голос друга, он коротко сказал. – Я принял решение, и оно окончательное. Нахожусь в полиции. Нагло вешают несколько статей, – и назвал номер отделения.

Порядком струсивший полицейский, явно зная обстоятельства дела и возможную непредсказуемость последствий, не стал его больше допрашивать, сочтя за лучшее, не поднимая шума, в абсолютном молчании, отправить обратно в камеру. По дороге конвоир насмешливо сказал ему, что пришедшего просить за него старика выгнали, хотя тот ссылался на какие-то свои заслуги. Шахмар до боли в скулах сжал зубы, будучи не в силах отомстить за унижение самых близких ему людей.

Не прошло и часа, как его привели в дежурную часть, ничего не объясняя, вернули изъятые при обыске телефон, ключи от машины, квартиры и пятнадцать манатов. По окончании этой молчаливой процедуры Шахмар окончательно убедился, что в сложившейся ситуации сделал единственно правильный выбор. Босс Зейнала разом решил проблему, он действительно всесилен.

Теперь предстояло быстрее успокоить маму и Гамид-муаллима. Он вышел на улицу, зажмурившись от солнечного света, показавшегося особенно ярким после полутемной, затхлой камеры.

– Привет, Шахмар, иди сюда, – услышал он. Открыв глаза, увидел перед собой того самого здоровяка из команды Зейнала, знакомство с которым состоялось при курьезных обстоятельствах. Добродушно улыбаясь и по-свойски похлопывая его по плечу, открыл ему дверь черного «Хаммера». Усадив Шахмара, он, переваливаясь, направился к своему водительскому месту и неловким движением, случайно, толкнул шедшего навстречу участкового, да так, что у того слетела фуражка, а сам он чуть не упал. Но возмущенной реакции не последовало.

Увидев сидевшего на переднем сиденье Шахмара, полицейский перевел взгляд на внушительную фигуру водителя «Хаммера», сразу правильно сориентировался. Оценив габариты и экипировку парня, марку, стоимость машины со всеми ее наворотами, соответствующей серией и номером, отошел в сторону, почтительно поздоровался и приветливо улыбнулся.

– Что это он со мной здороваётся? – удивился «Малыш», усевшись за руль и скосив глаза на Шахмара. – Я его первый раз вижу! А он лыбится, как старому знакомому. Странно даже.

– Ничего странного, он это делает на всякий случай, – как бы самому себе, тихо произнес Шахмар и, презрительно сплюнув, добавил. – У него ведь вся служба впереди, открываются заманчивые жизненные перспективы, приходится быть гибким. Тем более, ты похож на влиятельного, обеспеченного человека. Вдруг когда-то станешь его начальником. Всякое может случиться.

«Малыш» глубокомысленно молчал, видимо, обдумывая услышанное и ожидая подвоха, сосредоточенно вникал в скрытый смысл сказанного. Потом повернулся к Шахмару, в глазах у него появились озорные искорки, его добродушная физиономия расплылась в широчайшей улыбке, и он громко, раскатисто, заразительно расхохотался. Глядя на него, не удержался от веселого смеха и Шахмар.

Неблагонадежный

В течение последних двух суток генерал-майор Крайнов ни на минуту не сомкнул глаз. Части и подразделения вверенной ему стрелковой дивизии, преодолевая ожесточенное сопротивление врага, вели упорные, наступательные бои в направлении Станислава. Этот древний город, расположенный у предгорья Карпат, имел важное стратегическое значение. Гитлеровцы превратили его в глубоко эшелонированный форпост и усиленно обороняли, понимая, что за ним открывался путь на запад, предпринимали попытки перехватить инициативу, но безуспешно. Город был обхвачен полукольцом, которое неумолимо сжималось, и наступающие войска ждали долгожданного приказа приступить к штурму.

Поздней ночью наступило хрупкое затишье. Завершив оперативное совещание с начальником штаба, командир дивизии лишь к утру решил, наконец, прилечь на какое-то время, поручив адъютанту, при необходимости, немедленно будить и докладывать обстановку.

Старший лейтенант с беспокойством посмотрел в воспаленные от бессонницы глаза, бледное лицо генерал-майора и, коротко ответив «есть», вышел из блиндажа, закурил, недоверчиво вслушиваясь в предрассветную тишину. Он служил под командой генерала, тогда еще полковника, командира полка, с самого начала войны и относился к нему с сыновней заботой, лучше других зная, что тот тяжело болен. Врачи настаивали на необходимости лечь в госпиталь, но Крайнов категорически отказывался, хотя чувствовал, что больное сердце уже не выдерживает.

В дивизии Крайнова любили за человечность, заботу о людях, личное мужество. Он не прятался за спины солдат, неоднократно, особенно в начале войны, лично поднимал бойцов в атаку. Его выдержка, самообладание передавались подчиненным, и даже в самые критические моменты сражения его чуть глуховатый, низкий голос оставался ровным и спокойным, внушающим офицерам и солдатам уверенность.

Из состояния напряженной задумчивости старшего лейтенанта вывел подошедший офицер штаба. «Буди командира, немцы что-то затевают!» Через пару минут генерал уже принимал доклад командира одного из полков о том, что на самом уязвимом участке линии фронта, используя складки холмистой местности, внезапно появилась крупная группировка сил противника. С ходу перейдя в контрнаступление, она активно использует бронетехнику и мотопехоту.

Сообщение было тревожным, и генерал, по обыкновению, принял решение выехать на место и там лично оценить обстановку, зрительно представить степень угрозы. В предыдущих боях этот полк понес существенные потери, ощущалась острая нехватка людей, огневых средств и танков. Важно было безошибочно определить, что кроется за активными действиями фашистов: разведка боем с целью раскрыть систему огневых средств батальона, отвлекающий маневр или начало направленного, массированного удара основных сил. Если они выбрали третье, размышлял генерал, то, очевидно, с целью захватить выгодные в тактическом отношении высоты, расширить коридор и обеспечить деблокаду своих войск.

Доложив о своем решении в штаб армии и получив одобрение, он в сопровождении адъютанта и бойца из комендантского взвода выехал в полк. Их виллис мчался на предельной скорости, объезжая воронки от разорвавшихся авиационных бомб и артиллерийских снарядов. Благополучно миновав места, где дорога интенсивно простреливалась, они без происшествий прибыли в полк.

Командир, майор Виктор Степанов, неделю назад назначенный на эту должность, с трудом скрывая беспокойство, подробно ввел в курс дела. На узком участке в несколько сот метров гитлеровцы большими силами внезапно предприняли попытку прорыва, которая была успешно отражена. Комдив молча выслушал, и у него не осталось сомнений в том, что оправдывалось худшее предположение.

Именно здесь, на переднем крае обескровленного в предыдущих боях полка, должны будут развернуться основные события. Он вгляделся в осунувшееся лицо майора, внешне тот держался молодцом, во взгляде читались решимость и та уверенность, которая передается окружающим.

Командный пункт полка расположился на небольшой, выдающейся вперед, высотке. Все, как обычно: несколько окопов, блиндаж с накатом из толстых бревен. Передний край третьего батальона, несмотря на удаленность, просматривался достаточно хорошо. Генерал склонился к стереотрубе, от его внимательного взора не укрылось ни одно сколь-нибудь значимое обстоятельство, позволяющее оценить характер завершившегося недавно жестокого боя и тактический замысел противника.

Повернувшись к майору, Крайнов помолчал, думая о чем-то своем, а тот с напряженным вниманием ждал указания. Комдив смотрел на худенькое, почти мальчишеское лицо двадцатитрехлетнего офицера, на его выцветшую гимнастерку с двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», четырьмя нашивками за ранения и почему-то вспомнил, как в июле 41-го принимал пополнение молодых лейтенантов из числа выпускников пехотных училищ.

Среди них был и Виктор Степанов, единственный, оставшийся в строю из той группы необстрелянных, молодых офицеров, но никто не знает, что будет завтра, ведь на передовой каждый день может стать последним. На войне грань между жизнью и смертью стирается до того, что ее каждодневное преодоление, как это ни парадоксально, становится чем-то обыденным и рутинным.

– Какова сейчас ситуация в батальоне? – спросил, наконец, комдив.

– Под ружьем остается не более двух рот, среди них много раненых. Там и раньше был некомплект, необходимо подкрепление, иначе им не удержаться, – ответил майор и замолчал, глядя в сторону переднего края.

Оттуда опять послышался шум начавшегося боя. Оба они неотрывно наблюдали за его ходом и тем, как встреченные яростным прицельным огнем на всем протяжении траншей гитлеровцы, неся большие потери, дрогнули, откатились назад.

Майор с трудом перевел дыхание.

– Полагаю, на этом фашисты не успокоятся, – проговорил он. – Хорошо, что у нас было какое-то время укрепить позиции, поднять брустверы, окопаться, расширить зону прицельного огня, установить минные заграждения. – Поправив фуражку, он вытер ладонью мокрое от пота лицо и продолжил. – С этими силами, без артиллерийской поддержки, батальону рубеж не удержать. А у меня в полку не осталось никаких резервов.

Внезапно, позади раздался радостный возглас телефониста: «Есть связь!»

Степанов немедля бросился к нему, с нетерпением выхватив трубку из его рук. Слышимость была плохая, майор, напряженно вслушиваясь, несколько раз повторял одни и те же вопросы, повышая голос. Но связь скоро прервалась. Он с досадой что-то произнес про себя и подошел к комдиву.

– Что там? – коротко спросил генерал.

– Практически ничего не слышно, – ответил Степанов и умоляюще посмотрел на комдива. – Товарищ генерал, разрешите мне туда! Это мой батальон, в нем я начинал еще взводным, и мое место сейчас там!

Это был крик души молодого офицера. Крайнов сердцем понимал его горячность, но, считая ее недопустимой в данных условиях, холодно и резко отрубил:

– А полк не ваш, товарищ майор?

Степанов вспыхнул и отвел глаза. Старому воину была понятна готовность майора в минуту нависшей смертельной опасности быть рядом со своими сослуживцами.

Генерал не сомневался в том, что фашисты спустя какое-то время вновь пойдут в атаку. Наверняка внесут коррективы и бросят в ход дополнительные силы из второго эшелона. Что сейчас должен и может сделать командир дивизии Крайнов? Какие контрмеры принять?

Конечно же, подтянуть резервы, нанести упреждающий артиллерийский удар в глубину немецких позиций, нарушить их боевые порядки и поддержать свою пехоту танками. Этого от него ждал там, в траншеях и окопах, истекающий кровью батальон. Такого решения ждал от него и командир полка, резерв которого составлял два десятка легкораненых бойцов, самостоятельно покинувших медсанбат.

Тем временем опять появилась связь, Степанову доложили, что в батальоне погибли все офицеры, и командование на себя взял кто-то из солдат.

– Положение критическое, – произнес майор, с надеждой глядя на комдива.

Генерал-майор тяжело вздохнул. На его бледном лице показалась мучительная гримаса боли, кровь хлынула к голове, и казалось, сердце вот-вот вырвется из груди. Он с трудом сделал несколько шагов на непослушных ногах, уперся локтями о край бруствера траншеи и, ссутулившись, замер, глядя далеко вперед, стараясь восстановить дыхание. Легкое дуновение ветра всколыхнуло степную траву, обдав его терпким запахом полыни. Несколько выжженных солнцем теплых травинок коснулось лица. Он пытался вздохнуть полной грудью, но не мог, сильно кружилась голова. Ему казалось, что не устоит, потеряет сознание, и только огромным усилием воли заставлял себя держаться.

Наконец, собравшись с силами, преодолевая боль, выпрямился. Стоящий позади него командир полка выжидательно всматривался ему в глаза. Но что он мог сказать майору? Как объяснить, что резервов у дивизии нет?

Двое суток, в условиях строгой секретности, тщательно готовился прорыв обороны противника на совсем другом направлении, поэтому пришлось срочно формировать штурмовое подразделение за счет личного состава и без того основательно поредевших трех полков. Операция была назначена на раннее утро следующего дня. Но в случае, если врагу удастся реализовать свои планы раньше, замысел командования сорвется, и тогда часть группировки фашистов вырвется из неминуемого окружения.

Теперь все зависело от третьего батальона, которому предстояло продержаться не менее пятнадцати часов. Генерал ничем не мог ему помочь и лишь повторял про себя: «Продержитесь, ребята, еще немного! От вас зависит успех операции! Надо стоять насмерть!»

Ему вспомнилось, как именно здесь, в этих краях, под Станиславом, тридцать лет назад он, девятнадцатилетний рядовой Андрей Крайнов, принял боевое крещение. Их 12-я кавалерийская дивизия с невероятным трудом сдерживала наступление значительно превосходящих сил австро-венгерской армии. И тогда, 29 августа 1914 года, они получили известный, продиктованный крайне сложной боевой обстановкой приказ знаменитого генерала Брусилова, ставший впоследствии достоянием военной историографии, который был доведен тогда до каждого солдата. Он был предельно лаконичен: «Умереть, но умереть не сразу, продержаться до вечера».

Тогда ему трудно было постичь всю глубину этого, ставшего достоянием истории приказа, но они его исполнили. На протяжении долгих лет воинской службы, находясь на различных командных должностях, Крайнов часто его вспоминал, и вот сегодня память с особой цепкостью представила глубочайшую суть и полный истинного драматизма смысл легендарного приказа.

На передовой пока сохранялось тревожное, готовое в любое мгновение прерваться, временное затишье. Генерал напряженно всматривался вдаль, но перед глазами, как наяву, проходили события тридцатилетней давности.

В годы первой мировой войны в этих местах разворачивались стратегически важные сражения между российскими и австро-венгерскими войсками. Бои шли с переменным успехом, и обе стороны несли тяжелейшие потери. В одной из многочисленных атак рядовой Андрей Крайнов был ранен, потеряв сознание, упал с лошади. Когда пришел в себя, вокруг никого не было. На землю спустилась темная, безлунная ночь. Оглядевшись, попытался встать, но не смог, застонав от резкой, невыносимой боли в груди.

Сколько он так пролежал, неизвестно. Очнувшись, увидел склонившегося над ним молодого офицера. Лицо показалось знакомым, и он вспомнил, это был подпоручик Булатов из их батальона. Офицер был ранен в руку и голову. На лбу его запеклась кровь, а левая рука висела плетью. Он был на пределе человеческих возможностей, видимо, потерял много крови.

Со словами «Потерпи, братец», он бережно приподнял солдата, помог встать на ноги и, обхватив здоровой правой рукой, повел рядом с собой. Андрей шел в полубабытье, изнемогая от боли в простреленной груди. Несколько раз просил: «Бросьте меня, ваше благородие! Все одно, не жилец я уже».

И в ответ слышал хриплый, задыхающийся голос: «Потерпи немного, братец. Наши позиции уже недалеко. Отправим тебя в госпиталь, там врачи быстро подлечат, не таких на ноги поднимали». Перед самым рассветом на них наткнулся казачий разъезд. Но солдат этого уже не помнил.

В строй Крайнов вернулся спустя три месяца. Чуть позже его произвели в унтер-офицеры. Спасшего его подпоручика после госпиталя перевели в другой батальон. Хотя последующие два года они воевали в одном полку, общаться не приходилось. Крайнов эпизодически, издали видел своего спасителя, испытывал к нему чувство уважения и глубочайшей благодарности.

У него исподволь рос интерес к этому человеку. О нем он слышал только добрые отзывы. Солдаты любили подпоручика Булатова за человечность, справедливость, искренне восхищались его мужеством и отвагой. Рассказывали, что он потомственный военный, окончил Екатерининский кадетский корпус и Александровское юнкерское училище. За храбрость, проявленную в боях, награжден несколькими орденами. Его строевая выправка, молодцеватость, беспечное, но без бравады, отношение к смерти, какая-то особенная лихость, – вызывали к нему симпатии окружающих. Он действительно был образцом офицера и командира, и ему невольно многие пытались подражать.

При каждом удобном случае Крайнов искал встречи с ним, но не решался подойти, представиться, завязать разговор, поблагодарить за спасение. Но, встречая его, почему-то терялся и молчал, строго по уставу вытягиваясь в струнку, отдавал воинское приветствие. Офицер козырял в ответ с неизменно приветливой улыбкой на своем красивом, волевом лице, судя по всему, не узнавая спасенного им солдата.

Во второй раз им пришлось воевать в районе Станислава уже в мае-июле 1916 года, участвуя в знаменитом Брусиловском прорыве, оказавшем значительное влияние на ход первой мировой войны. Оба за проявленные мужество и храбрость были награждены Георгиевскими крестами, а офицеру присвоено также звание поручик.

Активные боевые действия на Западном фронте завершились. Вскоре их полк отвели на переформирование. Как раз в этот период в армейскую среду стали просачиваться всевозможные слухи о грядущих политических переменах в жизни страны. Появились революционные настроения, повлекшие брожение среди личного состава, особенно нижних чинов, братание с австрийцами. Упала дисциплина, начались разброд и шатание. Определенная часть солдат, оказавшись под влиянием радикальных элементов, отказывалась нести службу, конфликтовала по малейшему поводу между собой и с командирами. В свою очередь, не ладили между собой и офицеры. Среди последних было немало выходцев из солдатской среды, и некоторые из них недолго любили кадровых из дворян. Раскол углублялся с каждым днем.

Неизвестность, безделье создавали повышенную нервозность, способствовали бесконечным, бессмысленным политическим спорам, возникновению конфликтов, неприятных бытовых инцидентов между военнослужащими.

И только поручик вел себя так, как будто ничего не произошло. Поддерживая необходимую дисциплину в своей роте, требовал четкого соблюдения воинской дисциплины, уставных отношений. Тем самым, в том числе своим внешним видом, невозмутимостью, подтянутостью, интеллигентностью невольно вызывал на себя огонь с обеих сторон.

1917 год проходил в неясном и тревожном ожидании перемен, и они пришли. В полку возникли солдатские совет и комитет. Начался откровенный разгул анархии. Откуда-то появились листовки и всевозможные заезжие агитаторы из Питера, проводившие шумные митинги, стихийные обсуждения Декретов о мире и о земле. Распространялись провокационные слухи, открыто призывавшие солдат к бунту и организации расправы над офицерами. Особенно неистовал среди них один невысокий, невзрачного, неряшливого вида мужчина средних лет с неопрятной бородкой и в круглых очках. Он, брызжа слюной, истерично требовал расстрела без суда всех, без исключения, офицеров из дворян. И своей патологической жестокостью поразил многих солдат, не желавших участвовать в кровопролитии людей, с которыми все эти годы делили лишения войны.

Унтер-офицер Крайнов решительно вступился за своего спасителя. Его поддержали многие сослуживцы, но агитаторы настаивали на своем, называя Булатова крайне неблагонадежным, враждебным революции элементом. Понимая, что расправы поручику не избежать, унтер-офицер предупредил его о грозящем аресте и расстреле и ночью тайком вывел из расположения полка.

Прощаясь, Булатов пожал ему руку и на вопрос, что он собирается делать, куда идти, лишь печально вздохнул, неопределенно пожав плечами. Учеба в кадетском корпусе, юнкерское училище, производство в офицеры, затем война – составляли большую часть его жизни. Свое будущее без армии он не видел и не ожидал такого безрадостного конца своей службы. Они расстались, чтобы уже никогда не увидеться.

Бывший унтер-офицер, дважды георгиевский кавалер Андрей Крайнов не захотел расставаться с воинской службой. В числе первых добровольцев в 1918 году вступил в Красную Армию. Так началась его новая жизнь. С успехом окончил командирские курсы и уже в новом качестве продолжал службу в различных уголках огромной страны. Все эти годы Крайнов усиленно изучал военные науки, настойчиво совершенствовал теоретические знания в различных дисциплинах.

В середине тридцатых годов окончил академию РККА и был направлен на Дальний Восток. В 1939 году, командуя батальоном, воевал на Халкин-Голе. За проявленное мужество был удостоен ордена Красного Знамени, и вскоре его назначили начальником штаба полка. Он весь отдавался службе, процессу организации готовности личного состава к новым условиям ведения боевых действий с участием создаваемых моторизированных и бронетанковых подразделений.

Полк находился в летних лагерях, начались полевые учения, когда его арестовали по ложному доносу, как врага народа, и десять месяцев продержали в невыносимых условиях. Крайнов в полной мере испытал на себе допросы с пристрастием, запугивания, избивания и весь ужас ГУЛАГа. Лишь заступничество известного военачальника Тимошенко, хорошо знавшего Крайнова, помогло восстановить справедливость, снять с него необоснованные, грубо сфабрикованные обвинения. Его оправдали, вернули воинское звание, боевые награды, и он продолжил службу в прежней должности.

Позже, в конце 1939 – начале 1940 года, будучи уже командиром полка, принимал участие в финской кампании. Более двадцати лет прослужив на различных должностях в Красной Армии, Андрей Васильевич Крайнов ни на минуту не сомневался в правильности выбора жизненного пути. Гордился званием офицера, видел в службе свое призвание, был предельно требователен к себе и подчиненным. Но пережитое и увиденное в заключении, ужасы застенков не преминули оставить свой страшный, неизгладимый след в памяти, травмировали сознание, подорвали уверенность в ранее казавшихся незыблемыми идейных установках, в определенной степени изменили восприятие происходящего.

Начало Великой Отечественной войны его полк встретил на западной границе. В июне 1941 года в числе первых принял на себя ожесточенные удары вероломно напавшего врага. Ценой невероятных усилий, неся в неравных боях тяжелейшие потери, им удалось вырваться из окружения, сохранив полную боеготовность.

Крайнов не понаслышке знал о фактах необоснованных расстрелов командиров различных уровней, ставших жертвами общей неготовности к войне. Многие из них по объективным причинам не могли сдержать натиска превосходящих сил врага, с боями оставляли позиции и отступали, чтобы сохранить людей, и за это поплатились собственными жизнями. На них стали списывать результаты просчетов руководства страны в проведенной военной реформе, предавали скорому на расправу военному трибуналу и расстреливали без должных разбирательств.

Его полк был спешно переформирован и вновь возвращен на огненные рубежи Северо-Западного фронта, чтобы стоять насмерть. В тяжелейших условиях, огромным напряжением сил они делали все возможное, чтобы остановить врага. После очередного переформирования боевой путь дивизии Крайнова продолжился под Сталинградом, затем в битве на Курской дуге, и вот теперь на земле западной Украины

Крайнов не боялся ответственности, отличался решительностью и сильной волей, но никогда не забывал, особенно в периоды принятия ответственных решений,

что малейшая тактическая неудача, случайный просчет могут стоить ему жизни, потери доброго имени. К сожалению, он не мог до конца избавиться от тягостных мыслей о возможности вновь стать без вины виновным.

Вся его жизнь прошла перед ним в какие-то неуловимые мгновения времени. Сейчас, стоя на командном пункте полка, генерал с тревогой думал, что если третий батальон, а вернее, горстка бойцов, которая от него осталась, не удержит позиции, весь его тщательно продуманный план по внезапному прорыву обороны фашистов на другом участке окажется под угрозой срыва.

Командир дивизии хорошо понимал, к каким трагическим последствиям это может привести, в том числе для него лично. Но проведение разработанной им операции по прорыву обороны фашистов было обосновано, согласовано с командованием корпуса, настоятельно диктовалось складывающейся обстановкой. Без неё дальнейшее продвижение дивизии вперед было сопряжено с неоправданными потерями, ибо, перейдя к жесткой обороне, немцы опирались на мощную систему огня и хорошо оборудованные фортификационные сооружения.

Чтобы избежать лишних потерь, он принял рискованное решение начать наступление силами сводной штурмовой группы, прорваться в глубину немецкой обороны, уничтожить коммуникации, нарушить систему обороны, связи, захватить стратегически важные объекты, пункты управления, лишив тем самым противника возможности перегруппировки и маневра. Затем двинуть вперед основные силы.

Тем временем на участке обороны батальона вновь началась стрельба. В небе появились «Юнкерсы» и «Хейнкели», пикировавшие к самой земле, и позиции обороняющихся покрылись густым, черным дымом. Уцелеть в таком аду было невозможно. Едва завершился авианалет, как вперед пошли танки и пехота. Они приблизились почти вплотную к самим траншеям, и вдруг те неожиданно ожили, ответив встречным кинжальным, яростным огнем, заставившим пехоту залечь. Танки, продолжившие свое движение, один за другим вспыхивали от выстрелов бронбойциков, попаданий гранат и бутылок с зажигательной смесью.

Не выдержав такого решительного отпора, гитлеровцы остановились и стали поспешно отходить назад, оставив на поле боя еще девять подбитых и сгоревших танков, большое количество убитых и раненых пехотинцев. Очередная атака была отбита, и противник пока не решался возобновить активные боевые действия. Стало очевидным, что не ожидая такого упорного сопротивления фашисты, проанализировав неудачи, будут готовиться к более массивному удару.

Наступила долгожданная передышка. Какое-то время было выиграно. Генерал незамедлительно вернулся в штаб дивизии. Необходимо было во что бы то ни стало ускорить начало операции, сократить срок подготовки прорыва вражеской обороны, намеченного на противоположном краю занимаемых позиций.

Всесторонне изучив последние данные дивизионной разведки, он внес изменения на карте, провел совещание с командирами, скорректировал детали предстоящей операции, скрупулезно уточнил готовность каждого подразделения к осуществлению стремительного прорыва.

Задействованы были силы пехоты, танков и артиллерии, которые согласованно, в локтевом контакте между собой должны были нанести разящий удар и обеспечить успех общего наступления. Весь этот период времени комдив одновременно продолжал контролировать ситуацию в третьем батальоне, предпринимая энергичные меры для ускорения начала прорыва на четыре часа раньше, чем планировалось вначале.

Над землей ступились сумерки. Ему сообщили, что перед позициями третьего батальона появились дополнительные крупные силы врага. Фашистское командование подтянуло туда все имевшиеся свои резервы и, естественно, ослабило другие участки фронта. Генерал посмотрел на часы. Он успел-таки осуществить задуманное и уверенно отдал приказ к нанесению упреждающего удара.

В небо взвились три красные ракеты, операция началась.

Спустя двадцать минут Крайнову доложили, что после артподготовки, последующей атаки сводной штурмовой группы, усиленной танками и мотопехотой, прорвана брешь в боевых порядках застигнутых врасплох гитлеровцев, уничтожены основные узлы обороны, опорные пункты. Успешно расширяется плацдарм для прохода основных сил.

Крайнов приказал связаться с полком Степанова, и ему сообщили, что фашисты, узнав о прорыве на другом фланге и больших потерях с их стороны, отходят назад. Попытка гитлеровского командования перехватить инициативу сорвалась, им стало ясно, что оборона Станислава в этих условиях потеряла всякий смысл, и сдача города становилась неизбежной.

Боевая задача была выполнена, тактический замысел командира полностью себя оправдал. Враг, понеся огромные потери, потерпел очередное поражение на важном стратегическом направлении. Дивизия генерал-майора Крайнова получила благодарность от Верховного Главнокомандующего.

Изучив донесения, поступившие из полков, комдив поручил представить списки солдат и офицеров для награждения государственными наградами, обязательно включив в них бойцов третьего батальона, учитывая, что во многом, благодаря их мужеству и беззаветной отваге, был в целом обеспечен успех операции дивизии.

Предварительно, вечером, он позвонил Степанову и предупредил, что хочет прибыть в полк поблагодарить каждого бойца за проявленный героизм и воинскую доблесть. Встреча прошла очень тепло, генерал от души высказал личному составу слова признательности. За день боев они уничтожили полтора десятка танков, несколько бронемашин и сотни гитлеровцев.

Беседуя с солдатами, Крайнов поинтересовался, кто из них принял на себя командование в самой критической ситуации, и услышал, что этот боец погиб. Дрался героически, подбил из бронетанкового ружья четыре танка, а еще два подорвал гранатами. Ему рассказали, что, когда обороняющимся казалось, позиции уже не удержать, он своими четкими командами, выверенными действиями вселил в них уверенность, сумел повести за собой.

Возвращаясь в дивизию, генерал сказал Степанову, что считает правильным погибшего солдата посмертно представить к званию Герой Советского Союза. Майор его горячо поддержал.

– У нас все так считают. Бойцы ко мне уже обращались с этой просьбой, а вам постеснялись сказать.

– Будем считать, что они это сделали, и мы обязаны выполнить солдатский наказ. Их решение не подлежит обсуждению, ибо оно – самое справедливое. Все происходило на их глазах. Готовь представление!

К утру следующего дня списки поступили. Крайнов стал их внимательно изучать, и в этот момент к нему с докладом вошел чем-то встревоженный майор Степанов.

– Разрешите доложить, товарищ генерал, по наградному списку моего полка возникли неожиданные вопросы!

– Какие вопросы? – строго спросил генерал, и тут в его кабинет мягко ступая, без доклада вошел заместитель начальника особого отдела. Комдив предложил обоим сесть и, обратившись к Степанову, повторил. – Какие вопросы?

– Я как раз хотел об этом поговорить, – вмешался особист. – У нас с командиром полка состоялся по этому поводу разговор, касался он одного из награждаемых. В принципе, его можно наградить. Безусловно, проявил мужество, отвагу, но к званию Героя Советского Союза представлять считаю не целесообразным. Можно, к примеру, ограничиться какой-либо медалью.

Генерал-майор вопросительно поднял брови, пристально посмотрел на особиста, потом перевел взгляд на майора и потребовал разъяснений. Степанов, с присутствующей ему прямоотой фронтовика, ответил, что, приняв к сведению аргументы представителя особого отдела, остается при своем мнении. После чего посчитал необходимым доложить о произошедшем разговоре лично комдиву.

– В таком случае, чтобы устранить недопонимание, лучше это сделаю я, – раздраженно сказал особист. – У нас имеются довольно интересные данные на красноармейца, о котором идет речь. Они характеризуют его, как человека крайне неблагонадежного. Нами установлено: он, к примеру, скрывал, что был офицером Красной Армии в звании майора. Вообще, имеют место много других вопросов. С 1919 года начал службу в рядах РККА, в 1937 году был арестован и осужден за измену Родине. Весной 41 года его освободили, признав невиновным, но в армии не восстановили по состоянию здоровья. Тем не менее, в июле 41 года он записался рядовым в московское ополчение и воевал в его составе до ранения. В нашу дивизию попал после эвакогоспиталя летом 43 года. По нашим сведениям, держался замкнуто, отчужденно, ни с кем из сослуживцев не сближался. Обращаю ваше внимание еще на одно немаловажное обстоятельство. Мы недавно дополнительно выяснили, что рядовой Булатов Николай Романович являлся поручиком царской армии, кавалером целого ряда орденов императорской России. Видите, сколько странностей?

– Как вы сказали, Булатов Николай Романович? – переспросил генерал, перебирая лежащие перед ним документы. Наконец, нашел то, что искал, и внимательно перечитал. Пальцы, держащие бумагу, слегка подрагивали, лицо побледнело. Он плотно, до крови сжал губы.

По-своему истолковав его реакцию, особист довольно улыбнулся и снисходительно посмотрел на сидевшего напротив молодого майора, недвусмысленно давая понять свое превосходство. Он был убежден, что сумел довести до генерала сложность вопроса, заставив тем самым его не на шутку встревожиться. Тем более, у самого Андрея Васильевича Крайнова уже были определенные сложности с органами НКВД. Понимает, какие проблемы могут возникнуть.

Степанов спокойно выдержал его взгляд. Ни тот, ни другой не могли предположить, о чем сейчас так напряженно думал комдив Крайнов. А старый воин тем временем мысленно повторял фамилию, имя, отчество погибшего рядового. Внутренний голос ему подсказывал – это не случайное совпадение, а необъяснимая закономерность. Он не сомневался, что павший смертью храбрых рядовой Булатов – именно тот человек, с которым так загадочно и трагично переплелись их судьбы.

Во второй раз за эти дни на него нахлынули воспоминания. Зримо, как наяву, перед глазами предстало лицо склонившегося над ним юного подпоручика, вынесшего его с поля боя. А потом их трогательное прощание, когда тот, несправедливо обвиненный в неблагонадежности, вынужденно покидал полк.

Значит, размышлял генерал, позже он вступил в Красную Армию. Добросовестно прослужив много лет, по стечению трагических обстоятельств, вновь оказался неблагонадежным и в полной мере испытал ужас заключения. После реабилитации, будучи не годным к воинской службе, с подорванным здоровьем, по зову сердца добровольцем ушел на фронт. Дстойно выполнял свой воинский долг, не жалел себя. Когда потребовалось, отдал свою жизнь, погиб, как герой. Но какой-то злой рок не оставляет, преследует его и после смерти! Оказывается, в чьих-то глазах он ещё остается неблагонадежным! Всё это осознавать генералу было непереносимо больно. Он по собственному опыту знал, что такое оказаться неблагонадежным. И не исключал, что мог быть обвиненным в неблагонадежности еще раз в случае неудачи разработанной им рискованной операции. Ведь какое-то время её результат висел на волоске. Крайнова ничего бы не спасло, никакие объяснения, если бы остатки стрелкового батальона дрогнули и оставили позиции.

Почему, по какому-то мистическому, необъяснимому стечению обстоятельств, в этот момент на самом остром разворачивающихся событий оказался вдруг именно тот человек, который спас его тридцать лет назад в этих же местах? И сейчас, будучи рядовым, он, не колеблясь, взял на себя ответственность, повел за собой бойцов, внушил им уверенность. Своим примером доказал, что погибнет, но не пропустит врага.

Генерал-майор Крайнов внимательно посмотрел на сидящих перед ним двух офицеров. От него не укрылся холодный взгляд особиста, с которым тот смотрел на Степанова. Можно было не сомневаться, беззаветно смелый, открытый, прямодушный молодой майор нажил себе смертельного врага. Комдив в полной мере осознавал возможные последствия для них обоих игнорирования мнения представителя особого отдела.

Он чувствовал на себе напряженный, предвещающий угрозу взгляд сузившихся глаз особиста. Хищный оскал, обычно имитирующий улыбку, сошел с его лица. Тонкие губы большого рта вытянулись в горизонтальную щель и производили неприятное впечатление.

Генерал-майор в упор посмотрел на него, и с непоколебимой убежденностью в своей правоте решительно подписал представление на рядового Булатова. Он должен был это сделать и не сомневался в правоте своего поступка. Это был его святой солдатский долг перед однополчанином, бесстрашным воином, дважды при жизни несправедливо обвиненным в неблагонадежности и в третий раз, уже будучи павшим смертью храбрых.

Оставшись один, Андрей Васильевич Крайнов долго сидел, не поднимая головы. В глазах бывшего воина стояли слезы. Долгие годы армейской службы научили его выдержке и умению подавлять эмоции, гасить в себе негодование, внутренний протест. Но, к чести его, принимая ответственное решение, он никогда не действовал с оглядкой.

Впереди был еще год войны. Его дивизии суждено будет участвовать в освобождении Польши, Венгрии, стать гвардейской, штурмовать Берлин.

Живой осколок войны

Предложение бывшего однополчанина съездить в Афганистан в составе делегации ветеранов, представителей общественности и прессы застало Игоря Дмитриевича Стогова врасплох, поэтому попросил время на обдумывание. Он никогда не участвовал в деятельности ветеранских организаций, проводимых ими мероприятиях. Войну старался лишней раз не вспоминать, тем более, с возрастом она все чаще назойливо давала о себе знать. Опаленные порохом события давно прошедших лет бредили душу. Возможность вернуться туда, где был прожит сравнительно небольшой отрезок его жизни, оставивший в ней неизгладимый горестный след, нисколько не привлекала.

Тем не менее, после долгих размышлений он согласился, хотя объяснить, что этому способствовало, не мог даже самому себе. Возможно, практическое воплощение будущей поездки представлялось ему маловероятной, и она, как это часто бывает, могла остаться в планах организаторов, и только.

Но против ожидания, все произошло довольно быстро. И, ступив на землю кабульского аэропорта, он ощутил непонятную растерянность от неожиданной реальности, наполненной гаммой разноречивых чувств, нескончаемой чередой мыслей и вихрем воспоминаний. Его внезапно охватило сильное, непреодолимое внутреннее напряжение, как правило, предшествующее наступлению очень важных, судьбоносных шагов. Отставного полковника пронизало тревожное ожидание чего-то нового, невероятно волнительного, но из давно пережитого старого.

Официальная программа пребывания в Кабуле состояла из обзорных экскурсий, ряда всевозможных встреч, посещения небезызвестного Дворца Амина, бывшего летнего королевского дворца Тадж Бек и так далее. Завершающий день визита кто-то предложил посвятить поездке на знаменитый перевал Саланг, посмотреть памятные многим туннели и крытые галереи. Стогов предпочел бы перед длительным перелетом в Москву отдохнуть в гостинице, немного побродить по центру Кабула, но подчинился мнению большинства. Маршрут на Саланг ему был хорошо знаком, к тому же он отчетливо помнил свою первую по нему поездку.

Холодным зимним утром они переправлялись по понтонному мосту через Аму-Дарью на берег Афганистана. Бурное течение, казалось, разнесет понтон по частям. Под ударами волн он бешено вибрировал, но выдержал, и, к счастью, все обошлось, они ступили на берег.

Дальше их путь пролегал к месту постоянной дислокации в провинцию Баглан. На восточном и западном направлениях оставались Фейзабад, Пянджшер и Мазари-Шариф. Но их дорога уходила в сторону Кабула, минув Пули-Хумри, Доши, Чаугани. Предстояло преодолеть опаснейший маршрут по единственному шоссе от тогдашней границы СССР до столицы Афганистана.

А это сотни километров серпантина крутых подъемов, спусков, резких поворотов. Военская колонна грузовиков и бронетехники должна была пройти перевал Саланг – хребет Гиндукуша на высоте без малого четыре тысячи километров. Моторы натужно ревели, глохли, опять ревели, и цепочка автомашин и бронетехники упорно продвигалась вперед, порой балансируя у самого края глубоких, узких горных ущелий, поминутно рискуя жизнью, ибо малейшая ошибка означала свалиться в пропасть. Не случайно им то и дело попадались разбитые и сгоревшие автомашины.

Ему довелось служить в этих местах. Он на собственном опыте убедился, что эта дорога, завершавшаяся на плато при подъезде к Кабулу, имела важнейшее стратегическое значение. В горных кишлаках провинции Баглан скрывались многочисленные бандформирования, совершавшие диверсии, внезапные нападения на воинские колонны и быстро растворявшиеся в разветвленных, труднодоступных ущельях, где нанесение авиаударов по ним было малоэффективным.

Обстановка складывалась крайне тревожная. Будни проходили в постоянных бойстолкновениях, операциях по перехвату караванов с оружием и контрабандой, пресечению обстрелов боевиками армейских дорожных постов и застав.

Война – штука жестокая и расправляется с людьми по-разному. Одних она убивает, других калечит физически или духовно. Она оказывает безжалостное воздействие на психику человека, вплоть до изменения сознания. Еще долго, после возвращения в страну, она не отпускала сознание Игоря Дмитриевича, мучила невыносимыми кошмарами. И хотя он продолжал воинскую службу, привыкание к мирной жизни проходило со срывами и растянулось надолго. С этими невеселыми мыслями он ехал в автобусе, не прислушиваясь к голосам громко беседовавших между собой членов делегации.

Проделав первую часть пути, проходившего по плато, решили остановиться у небольшого кишлака, размяться, перекурить, сделать покупки. Выйдя из автобуса и вдыхая свежий горный воздух, пассажиры разбрелись в разные стороны. Вдали виднелась гряда высоких, темных гор, безмолвных свидетелей происходящих вокруг них событий. Чтобы скоротать время, Игорь Дмитриевич решил зайти в один из небольших дуканов, расположенный невдалеке. У входа его встретил высокий, сухощавый, болезненного вида мужчина в аккуратно подвязанном платком стареньком чапане. Рукав правой руки был пустой, а левой он опирался на палку. Поздоровавшись с ним, Стогов прошел вовнутрь. Магазинчик размещался в одноэтажном, узком, глинобитном строении с единственным окошком. Хозяин, чуть погода, молча вошел следом прихрамывая.

Ему раньше неоднократно приходилось бывать в подобных дуканах, нередко полных самых невероятных экзотичных вещей с безусловно замысловатой собственной историей, непонятно как в них оказавшихся. Наряду с продуктами питания и пакистанским ширпотребом, здесь можно было увидеть поделки из дерева, камня, металла, ковры, старинные кинжалы, шпаги, сабли, кремневые ружья. Могли попасться старинный английский бинокль, китайские фонарики и фарфоровые фигурки, русские самовары, бронзовые, медные, керамические кувшины и разные безделушки непонятного происхождения.

Но здесь ассортимент был бедным, хотя товары располагались в строгом порядке и чистоте. Афганец стоял молча, без присущих дуканщикам энергичного напора и навязчивости с целью поторговаться и всучить какую-либо покупку.

Игорь Дмитриевич собрался уходить, когда его внимание привлекли шахматы, красиво исполненные из белого полупрозрачного, а также коричневого камня. Внимательно рассмотрев их, он поднял голову, и на стене, обклеенной синими обоями, в глаза бросилась красная бархотка с закрепленными на ней орденом Красной Звезды, несколькими медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», знаками «Гвардия», «Отличник Советской Армии». Это произвело на него неприятное впечатление. Его всегда коробил вид боевых наград на прилавках торговцев, который не раз приходилось видеть в различных городах и весях. Но именно здесь было особенно горько видеть их в унижительном качестве трофеев боевиков.

Повернувшись в сторону дуканщика, спросил по-английски, сколько они стоят, и сказал, что желает их выкупить. Тот невозмутимо ответил, что эти вещи не продаются. На короткий вопрос, почему, афганец вновь утвердительно произнес, как отрезал, «не продается». Стогов задохнулся от негодования. Какой смысл вот так выставлять советские награды? Вероятно, раздраженно думал он, торговец – бывший моджахед, как называли себя сами боевики, был ранен, потерял руку, хромает и теперь, будучи инвалидом, кичится наградами убитых врагов.

С улицы послышались голоса спутников полковника. Один из них заглянул в дукан и предупредил, что отъезд через пятнадцать минут. Ответив, что сейчас подойдет, Игорь Дмитриевич снова обратился к дуканщику. С максимальной убедительностью в голосе стал убеждать, что готов дорого заплатить, пусть назовет сумму.

Но тот, выслушав, отрицательно покачал головой и поразил его встречным вопросом на русском языке:

– Вы приехали из Союза?

– Да, – автоматически ответил полковник, внимательно глядя в лицо собеседника, которое нервически подрагивало. Тот не произнес ни слова, видимо, с трудом скрывая охватившее его волнение.

Неужели русский, несколько растерявшись от неожиданности, думал Игорь Дмитриевич. Русые волосы, серые глаза, может быть, и русский. Но, с другой стороны, ему приходилось ранее встречать афганцев с такой внешностью: рослых, с европейскими чертами лица. Их называли нуристанцами, и проживали они в одноименном уезде, неподалеку от города Асадабад, на самой восточной границе с Пакистаном. О них ходили легенды, что это, якобы, потомки оставленных после индийского похода Александром Македонским раненых воинов, ассимилировавшихся спустя века с пуштунскими племенами. Впрочем, среди афганцев нередко можно было встретить людей, хорошо знавших русский язык. Во многих советских вузах в пятидесятые, восьмидесятые годы учились тысячи афганских студентов.

– Я тоже из Союза, солдат, – нарушил, наконец, молчание дуканщик. – В 1987 году был ранен и попал в плен. С тех пор живу здесь, – произнес он, тщательно выговаривая каждое слово. Вероятно, сказывалось отсутствие разговорной практики на родном языке. Услышанное прозвучало для полковника ударом грома.

– А где вы служили? – спросил он.

– Здесь, недалеко, в Пули-Хумри.

– Знаю, там дислоцировался один из мотострелковых полков 108-й дивизии.

– Да, это мой полк, – прозвучало в ответ.

Все это оказалось для него так неожиданно, что Игорь Дмитриевич даже потерялся и понял, что не сможет просто так повернуться и уйти, не поговорив по душам и подробно с бывшим солдатом. Ему и раньше приходилось слышать об оставшихся по разным причинам солдатах в Афганистане после вывода войск, об их трагических историях, но воочию встретил такого впервые.

– Я тоже воевал в этих местах, но гораздо раньше вас. Был офицером, сейчас уже на пенсии, – объяснил он. – Приехал сюда вместе с другими ветеранами, и завтра возвращаемся домой. Если не возражаешь, я скажу друзьям, что подожду их здесь. Они доедут до перевала и вернутся, а мы поговорим по душам. Ну, как?

Дуканщик согласно кивнул головой.

Когда полковник вернулся в дукан, там его уже ждал зеленый чай в пиале и фрукты. Вопросов к собеседнику было много. И на первые – как тебя зовут, как ты здесь оказался, что произошло? – последовал неторопливый, сдержанный рассказ.

Собеседника звали Александром, он служил в мотострелковом полку и в плен попал после одного из многочисленных бойстолкновений. Был тяжело ранен. «Духи» привезли его бесчувственного, потерявшего много крови в кишлак и хотели расстрелять. За него заступился старый, уважаемый декхан и, вступив с ними в длительную перебранку, забрал к себе домой. Несколько месяцев он находился между жизнью и смертью. Выжил только благодаря заботливому уходу.

Семья старика приняла бывшего солдата, как родного, окружив его участием и искренней поддержкой. Прострелянную крупнокалиберным пулеметом руку спасти, к сожалению, не удалось, нога в голени срослась, но неправильно. После выздоровления работать по хозяйству он, на равных с другими домочадцами, разумеется, уже не мог и постепенно, чтобы не быть обузой, стал помогать главе семейства в дукане.

На вопрос, почему старик его пожалел, Александр надолго замолчал, а потом рассказал историю своего спасителя, таджика по национальности, тоже бывшего советского солдата. В 1942 году он ушел на фронт из Куляба, районного центра Таджикистана, граничащего с Афганистаном. В 44 году раненым попал в плен к немцам. Оказался в лагере для военнопленных в Норвегии. Их освободили войска союзников. Вернуться в Союз он побоялся, наслышанный о преследованиях бывших военнопленных. В середине пятидесятых годов с большими трудностями через Пакистан переместился поближе к родине, сюда, в провинцию Баглан, населенную преимущественно таджиками. Постепенно обзавелся семьей и остался здесь навсегда.

Александр рассказал, что о выводе войск из Афганистана сам он узнал случайно. Его никто не искал, а вернуться самостоятельно у него, инвалида, никаких шансов не оставалось. До него доходили разноречивые слухи о таких же, как и он, пленных, некоторые из которых пытались добраться до границы Союза. К сожалению, большинство из них были задержаны бандформированиями и расстреляны.

Устав ждать и надеяться, он перестал верить в возможность возвращения, даже не зная, в какую графу официального списка его внесло армейское начальство: погибший, пропавший без вести, пленный или дезертир.

– Забыли, словно меня и не было. Это несправедливо и обидно, ведь я не нарушил присягу, не уронил звания солдата, – с горечью завершил свой невеселый рассказ Александр. Помолчав какое-то время и несколько раз вытерев вспотевшее от волнения лицо, он, чуть повысив дрогнувший голос, добавил. – Получается, я просто живой осколок войны, никому не нужный предмет, а не человек, потерявший не только родину, но и имя. Здесь оно у меня другое. Пришлось привыкать.

Игорь Дмитриевич слушал его, не перебивая, с внимательным сочувствием, не находя нужных, приличествующих ситуации слов для утешения и поддержки.

Затем, чтобы как-то возобновить разговор, спросил о наградах, закрепленных на красной бархотке, о том, откуда они у него. Александр невесело улыбнулся.

– Я их выкупал у разных людей. Это же боевые награды, попавшие в чужие руки. Ими грех торговать, это не товар. Они заслуживают уважения, вручались за проявленную храбрость в бою. Наверняка, их снимали с погибших бойцов. Сердце щемило, подсказывало, нельзя их вот так оставлять на поругание. Своих не бросают.

Их неторопливая, задушевная беседа завязалась сама собой и продолжалась достаточно долго.

Отставной полковник рассказал о себе, о нелегкой офицерской жизни в далеких гарнизонах, в которых ему довелось служить, о подорванном здоровье, различных житейских трудностях. Александр слушал не перебивая, с явным участием.

На предложение Стогова оказать содействие в поиске родственников, возвращении на родину он ответил, что вырос в детдоме, родных у него нет и возвращаться спустя столько лет уже бессмысленно. Будет доживать здесь, среди простых, добрых афганских крестьян, принявших его и волею судеб ставших его семьей.

Время пролетело незаметно. Игорю Дмитриевичу позвонили, предупредив, что уже возвращаются и чтобы он был готов к отъезду. Настало время прощаться. Они молча обнялись, сдерживая охватившее перед расставанием волнение. На сердце у обоих было тяжело и тоскливо. Полковник вышел на улицу и направился в сторону дороги, когда сзади его окликнул Александр. Он шел прихрамывая, протягивая в вытянутой руке красную бархотку с наградами.

– Возьмите, пожалуйста, – произнес он. – Я думаю, они должны храниться в музее, как память о погибших воинах.

Игорь Дмитриевич встретился с ним глазами, вздохнул и после некоторого зашатавшегося, покачивая головой, ответил:

– Я тоже подумал о наградах, и мне кажется, лучше пусть они останутся у тебя. Ты их не бросил, ты для них не посторонний, а свой. Они тебе дороги. Спасибо, что своих не бросаешь. Прощай, Саша. Прости.

С этими словами, едва сдерживая слезы, с подступившим к горлу комом, он повернулся и почти бегом бросился к автобусу. Усевшись на заднее сиденье, обернулся, с щемящей жалостью глядя через окно на быстро удаляющуюся позади одинокую фигуру бывшего солдата ушедшей в небытие страны. Искалеченный, потерявший родину, фамилию, имя, он нашел в себе духовные силы сохранить святую память о погибших на чужой земле воинах. Волею судьбы, до конца своей жизни Александр остался в цепких объятиях давно минувшей войны.

Отставной полковник думал о нем, сожалел, что не успел сказать все те добрые слова поддержки и благодарности, которые шли от самого сердца, а в глазах стояли слезы.

Хорошо хоть бывшему солдату, назвавшему себя живым осколком войны, как и погибшим воинам, не пришлось по возвращении домой, услышать злобное: «Я тебя туда не посылал», увидеть на уличных лотках и прилавках ставшие предметом торговли воинские награды. Видеть, как преступники заставляют воинов-инвалидов просить подаяние. С горечью узнать, как многие из вернувшихся домой остались не у дел, были вовлечены в локальные войны, попали в сети уголовного мира, заканчивали жизнь самоубийством. Этого всего он Александру не рассказал и правильно сделал, ибо причинил бы ему дополнительную невыносимую боль.

ВУГАР ГУСЕЙНОВ

Февраль

Февраль. Морозный воздух колок и тягуч,
из носа пар, и не могу не кашлять.
Из-под нависших облаков едва проглянет луч,
и вновь заморосит. И зябко – лужи, слякоть.

Замёрзших птиц нестройный сонный лад,
ещё недавно называвшийся базаром.
Убогий в наготе февральской сад
покамест спит в ограде старой.

Но лишь застынь на миг – и сможешь уловить
весны едва заметное движенье,
а значит, нужно жить, и есть куда спешить –
уже недалеко природы возрожденье.

Пусть робкая ещё, но всё ж весна,
то тут, то там девицей красной пляшет.
И поутру меняются рассветные тона,
хоть на дворе пока февраль бродяжит.

Пускай февраль и скучен, и уныл,
и отражается порой в душе тоской мансард,
я так его люблю, каким бы он ни был,
но с радостью шепчу: быстрее б март!

НАШИ В АМЕРИКЕ

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

*Почетный член Союзов писателей Азербайджана
и Северной Америки*

Интервью с известным скрипачом из США Азером Дамировым

Азер Дамиров, лауреат международных и всероссийских конкурсов, стипендиат Министерства Культуры РФ. В 2019 году как участник Temple Studio Orchestra был номинирован на Грэмми в категории «Лучшая инструментальная композиция и лучшая аранжировка, инструментальная или акапелла».

Призер и финалист международного конкурса скрипачей им. Андреа Постаккини в г.Фермо (Италия) 1999. Награжден главным призом Irapiti Festival of International Laureats, Лос-Анджелес.США. Победитель международного конкурса романтической музыки American Protege, Нью-Йорк 2012.

Я сразу восторженно отреагировал, когда услышал, что на сцену Филадельфийской Филармонии приглашается следующий скрипач. Причиной этому послужила фамилия артиста. Уж очень она резала мой слух знакомыми сочетаниями гласных с согласными. И хотя фамилия не была привычной, такой как «Мамедов», но и Дамиров тоже звучало внушительно. Я почему-то вспомнил свой трест «Железобетон», в котором я проработал почти 25 лет и который переводился на азербайджанский, как «Dəmir beton». К тому же у меня в Баку были сослуживцы из Дамировых. Однако на сцене уже стоял молодой человек восточной наружности. Он приветливо улыбался зрительному залу и привычными движениями настраивал скрипку.

– Очевидно, придется задать вам стандартный вопрос, который, наверняка, хотели бы задать многие читатели: Где и когда вы родились?

– Я родился в России в феврале 1987 года, в городе под названием Куйбышев, который сегодня называется Самара.

– Не могли бы вы пояснить, что заставило ваших родителей поменять место жительства из Азербайджана?

– Сложилось так, что отец для продолжения обучения в университете переехал в Куйбышев еще в советский период. В дальнейшем он получил работу и продолжил жизнь в России.

– Говорили ли родители на азербайджанском языке и если нет, то где Вы учились ему?

– Оба родителя говорят на азербайджанском и русском, однако с матерью я общался в основном на азербайджанском, а с отцом на русском. Видимо, учеба в русском секторе развила у папы русскоязычие.

– *Были ли у вас в роду музыканты?*

– Насколько я знаю свою родословную, музыкантов не было.

– *Как вы проявили себя в детстве, что вас отдали в обучение на скрипке?*

– С детства родители заметили, что я проявляю большой интерес к мелким деталям и курьезным задачкам, вдобавок моей маме нравился инструмент скрипка, который требовал огромного терпения и внимания к деталям. Учитывая все эти нюансы, решили остановиться на скрипке.

– *Как пошел процесс обучения и каковы были первые успехи?*

– С первых дней обучения мой педагог Татьяна Иванова заметила во мне потенциал, так как многие технические трудности мне давались легче, чем сверстникам, что послужило поводом для предложения продолжить мое обучение в Москве в одном из престижных колледжей страны – в Академическом музыкальном колледже при Московской консерватории. Также первыми успехами в ранние годы обучения с Татьяной Ивановой были многочисленные премии на разных конкурсах, начиная от региональных до международных.

– *Какие события подтолкнули ваш переезд в США?*

– Стремление к совершенствованию своего мастерства, как в техническом, так и художественном плане, в сочетании с моей страстью к продвижению культуры и интересов Азербайджана привели меня в США.

– *Как долго шло адаптирование в Америке?*

– Адаптация далась нелегко из-за языкового барьера. Понадобилось около двух лет, чтобы более или менее почувствовать себя комфортно. Конечно, помимо языка был и культурный и гастрономический шок (*улыбается*). Многие моменты были новы для меня.

– *Кто настроил вас на концерты в Баку?*

– Концерты в Баку были организованы Министерством культуры Азербайджана совместно с Консульством Азербайджана в Лос-Анджелесе.

– *Как вас принимают азербайджанский музыкальный мир и ваши слушатели в Баку?*

– Азербайджанский музыкальный мир принял и принимает меня тепло и с воодушевлением. Это для меня многое значит. Азербайджанцы в Америке, Посольство Азербайджана в США и Консульство всегда приглашают меня для выступлений на организованных мероприятиях, посвященных значимым датам. Для меня это большая честь.

– *Хотелось бы вам в будущем переехать на жительство в Баку?*

– Если такая возможность выпадет, то я бы с удовольствием переехал на свою историческую родину – Азербайджан.

– *Есть ли у вас другие увлечения, хобби?*

– Из увлечений я бы сказал, что мне очень нравится разгадывать сложные задачи-ребусы и печь разнообразные торты. А также я большой любитель фильмов в жанре 'драма' и фильмов с закрученным сюжетом, если это конечно можно назвать хобби (*смеется*).

– *Довольно разнообразные у вас увлечения. Какие приоритеты у вас в музыке, к исполнителям, к композиторам, к произведениям?*

– Музыка и композиторы периода романтизма и импрессионизма больше всего резонирует с моим внутренним миром.

– В каких концертных залах Америки проходили ваши сольные выступления?
– Выступал в качестве как солиста, так и музыканта камерного ансамбля в престижных концертных залах, таких как Аллис Тулли холл (Линкольн центр, Нью-Йорк), Киммел центр (Филадельфия), Уолт Дисней холл, (Лос-Анджелес), Д. Кеннеди центр (Вашингтон), ООН (Нью-Йорк), Карнеги Холл (Нью-Йорк).

– Отличный набор сцен! На каких международных фестивалях вы участвовали?
– Участвовал на международных мастер-классах и фестивалях в Дортмунде, Германия, Бриттен-Пирс оркестр, Великобритания, фестиваль международных лауреатов Iralpiti, Лос-Анджелес, США. В 2018 году был приглашен на Международный Музыкальный фестиваль им. Узеира Гаджибейли, в рамках которого выступил с сольной программой как зарубежных, так и азербайджанских классиков.

– Как проходил процесс музыкального образования в США?
– Я в 2008 году продолжил свое музыкальное образование в Филадельфийском Temple University, в штате Пенсильвания. Поступив в 2014 году в бакалавриат, я завершил его в 2020 году. Успешно защитив диссертацию, получил звание Доктора Музыкальных Наук (Doctor of Musical Arts) по скрипичному мастерству.

Выступал с Самарским симфоническим оркестром под управлением Г.Клементьева и М. Щербакова, с оркестром университета Temple, и международный камерным оркестром лауреатов Iralpiti. На данный момент являюсь ассистентом профессора Э.Шмидера в Temple University.

– Как, находясь вдали от родины, вы пришли к пониманию азербайджанских мотивов?

– Во время работы над диссертацией у меня разгорелся интерес к созданию видеозаписи, где я смог бы продемонстрировать гармоничную связь классического звучания скрипки с фольклорным ударным инструментом **Гавал**, применяемым в азербайджанском мугаме при исполнении азербайджанской народной музыки. Идея записать легендарную народную песню азербайджанского фольклора «Карабах Шикестеси» родилась еще 6 лет назад. Однако совмещать одновременно обучение классической музыки с азербайджанской традиционной музыкой с точки зрения исполнительской техники было весьма затруднительно. Для исполнения азербайджанского фольклора требуется иной подход с применением специфических технических элементов, которые заимствованы из мугама, монументального жанра азербайджанской традиционной музыки. А это требует многочасовых занятий.

– Как происходило совершенствование музыкального развития в США?

– Из-за высокой учебной нагрузки в Temple University времени на собственные проекты практически не оставалось. Только защитив самую высокую степень в музыкальном образовании, у меня появилось много времени и я с головой смог окунуться в работу над приобретением определенных навыков исполнения музыкальных произведений азербайджанского фольклора.

– Нашли ли вы в США единомышленников азербайджанского фольклора?

– Находясь в тысячах километров от моей исторической родины, иметь доступ к секретам исполнительского искусства оказалось роскошью, однако к моему большому счастью мой друг, широко известный не только в Азербайджане, но и за его пределами, Джефри Вербок, председатель Американского общества мугама, неутомимый популяризатор азербайджанской музыки, ученый-музыковед, посвятивший свою жизнь изучению истории мугама и выступающий с лекциями о нем в различных странах мира, предложил мне неоценимую помощь и поделился своими знаниями. Он заслуживает особой благодарности за то, что продемонстрировал и научил меня

применению техники исполнения мугамных элементов и украшений на классической скрипке. И хотя идея с записью «Карабах Шикестеси» 6 лет «варилась» у меня в голове, четкой картины, в каком формате и составе это будет сделано, не было. Однажды, в процессе занятий, Джеффри взял в руки азербайджанский народный ударный инструмент Гавал и начал мне аккомпанировать. Результат оказался настолько увлекательным, что вопрос с форматом и составом разрешился сам собой.

– *Как реагировали слушатели на ваш уникальный для Америки стиль музыки?*

– Я, конечно, не могу похвастаться многочисленной аудиторией в социальных медиаплатформах, но большинство моих слушателей – это музыканты классической музыки со всего мира, и наша с Джеффри совместная видеозапись «Карабах Шикестеси» нашло восторженные отклики среди зрителей, которые просили продолжения этно-шедевров, что не могло меня не воодушевить. Можно сказать, этой записью был дан старт мини-сериям азербайджанского музыкального фольклора.

– *Очевидно, не все положительно восприняли ваши успехи в пропаганде азербайджанского музыкального искусства?*

– К сожалению, есть и наши «многострадальные» соседи, которые не могли пройти мимо, не испортив праздник. Один из них, в колонке комментариев, на моей странице в Facebook, приводил какие-то мифические факты о том, что Карабах это «независимая республика», ссылаясь на сомнительный информационный источник Wikipedia. Но оппонент получил достойный ответ, состоящий из фактов достоверных и официальных источников. Это очередной щелчок по носу «многострадальцев», которые продолжают распространять ложь о Карабахе.

– *Ваше отношение к разрешению карабахских событий?*

– Последние события, связанные с освобождением территорий Азербайджана в Карабахе, показали всему мировому сообществу истинное лицо Армении, так сказать свою «культуру» нетерпимости, неприязни и ненависти по отношению к азербайджанцам. Сколько бы они не обманывали других и себя в том, что Карабах – это армянская территория, и при этом намеренно уничтожали культурное наследие и исторические памятники Азербайджана, правда оставалась, остается и всегда останется за Азербайджаном, так как у нас в руках есть бессмертный азербайджанский мугам и культура традиционной музыки, это наше оружие в борьбе с армянскими вандалами, которое оттачивалось несколько столетий.

– *Каким вы видите будущее Карабаха?*

– Как всем известно, прекрасный азербайджанский город Шуша в Карабахском регионе является храмом и колыбелью Азербайджанской музыкальной культуры, давшая миру блестящую плеяду ярких, выдающихся и гениальных композиторов и музыкантов-исполнителей, таких как Узеир Гаджибейли, Джаббар Гарьягдыоглу, Гурбан Примов, Хан Шушинский, Гаджи Гуси, Бюльбюльджан, Мешади Джамиль Амиров, Муртуза Мешади Рза оглу Мамедов (*Бюль-Бюль – Ред.*) и многие другие. И этот музыкальный видео-проект является своего рода моим культурным ответом на армянскую агрессию. Справедливость восторжествовала, и флаг Азербайджана возвысился над Карабахом, и там вновь звучит музыка Азербайджана!

– *Спасибо, дорогой Азер, за ваше интересное интервью! Пожелаем вам, чтобы ваши успехи в скрипичном искусстве прославили вас не только в Америке и в Азербайджане, но и во всем музыкальном мире!*

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

Москва

Васильев Андрей Владимирович родился в 1950 году в Москве. После окончания факультета журналистики Московского государственного университета работал на Иновещании, в журналах «Советский Союз» и «Коммунист», газете «Известия». Еще во времена СССР часто бывал в Азербайджане, много писал о республике. Последние пятнадцать лет заместитель главного редактора журнала «Azerbaijan Airlines» и шеф-редактор издательства IRS Publishing House. Сценарист, автор нескольких десятков рассказов и тридцати книг, половина из которых посвящена Азербайджану – «Сны старой крепости», «Гобустан – книга тысячелетий», «Карабах. Путь через века», «Зачарованный город», «Черная книга Карабаха», «Салам, Азербайджан!» и т.д.

Ордубадские лимоны, кенгерлийские всадники и хыналыгские небожители

Рассказывая об Азербайджане, по которому мне пришлось немало поездить и который мне хотелось бы представить в силу моей любви к нему лучшим образом, я начну с окраин и лишь потом, к концу поделюсь впечатлениями о Баку.

Самая окраинная окраина – это, конечно, Нахичевань или, как её называют азербайджанцы, **Нахчыван**. Лет сорок назад я услышал от пограничника, успевшего послужить на Дальнем Востоке и Крайнем Севере, то есть не избалованного климатом и благами цивилизации, что не дай бог попасть в Нахчыван. Дескать, там и Кушка раем покажется. С этим убеждением, что от этого места надо держаться подальше, и жил. Но не так давно мне предложили слетать туда – другого способа добраться из Баку до Нахчыванской Автономной Республики не существует. Командировка предполагалась короткой, да и любопытство заедало – так что же не слетать!

Вид из иллюминатора самолета полностью подтверждал определение, данное Нахчывану в энциклопедическом словаре – «горная страна»: вершины и пологие склоны; крутые обрывы и сложное переплетение хребтов; рыжие, желтые, серые, черные скалы всех форм и размеров. Казалось бы, трудно найти более неприютное место, чем эта часть Закавказского нагорья. Действительно, большая часть автономной республики – горная. Она поднялась к небосводу Даралагезским и Зангезурским хребтами, прорезанными глубокими ущельями и долинами рек. Меньшая – юго-западная часть Нахчывана – равнинная, хотя и её высота над уровнем моря составляет 600-1100 метров. Она узкой полосой протянулась вдоль левого берега Аракса – реки не менее знаменитой в древности, чем Тигр и Евфрат.

В общем, для привольной жизни места мало. Настолько мало, что не совсем понятно, почему предки современных азербайджанцев решили здесь обосноваться. Между тем, город Нахчыван ведет свою историю из той дальней поры, когда Римская империя не была даже в проекте. Ему четыре тысячи лет. С высоты столь почтенного возраста и Афины, и Рим смотрятся зелеными юнцами. А первые поселения в Нахчыване возникли еще раньше, в добиблейские времена. Во всяком случае, всех туристов в обязательном порядке водят к мавзолею, под которым, по преданию, находится могила Ноя.

Чтобы больше на этом не останавливаться, сразу перечислю и остальные достопримечательности, без которых полной картины Нахчывана все равно не получится.

По старшинству сразу же после праведника идут копи Дуздага – Соляной горы. Их разработка началась восемь тысяч лет назад. Похоже, они самые старые в мире. Я, конечно, прошелся по этим штрекам. Сейчас в них разместился Физиотерапевтический центр, в котором очень успешно лечат просоленным до последней молекулы воздухом заболевания органов дыхания.

Побывал я и в святилище Асхаби-Кахф. Оно находится в самом конце длинного горного ущелья, спускающегося чуть ли не от вершины хребта. Паломникам, чтобы добраться до него, приходится преодолеть несколько сотен ступеней. Но место того стоит, ведь это та самая «Пещера семи спящих», упомянутая в 18-й суре Корана!

Делясь впечатлениями от посещения этого края, начинаешь себя чувствовать ведущим программы «Магазин на диване», потому что, закончив рассказ об очередном знаменитом месте, невольно хочется заявить: «Но и это еще не все!»

Действительно, тут за века накопилось столько всего интересного!

Поэтому раз уж вы попали в Нахчыван, то непременно придется осмотреть и наскальные рисунки Гемигая, и творения великого зодчего древности Аджечи, и дворец нахчыванских ханов, и, конечно, город Ордубад, основанный в VII веке.

Последний прославился не столько старинными зданиями, сколько выращиваемыми в окрестных садах фруктами. Главный «бренд» Ордубада – лимоны. Почему они так ценятся в Азербайджане ни один ордубадец не смог мне объяснить. Тем не менее стоят они на бакинских рынках раз в десять дороже любого тропического фрукта. А уж если вам подадут чай с долькой ордубадского лимона, то наверняка сообщат об этом, чтобы, не дай бог, вы не упустили возможность насладиться этим деликатесом. Ордубадские сады на протяжении веков были главным богатством местных жителей. Яблоки, хурму, гранаты и персики вывозили в другие страны по проходившему через город Великому шелковому пути. Здесь останавливались для отдыха купцы, в караван-сараях шла бойкая торговля, затихавшая лишь когда голос муэдзина призывал правоверных на молитву. Но сами ордубадцы при этом оставались как бы в стороне от страстей, связанных с прибылями и потерями. Другим не завидовали, но и свое достоинство берегли, благо городом гордились и считали его лучшим местом на Земле. Их мнение разделяли соседи, именовавшие Нахчыван «украшением мира». Возможно, такая оценка сегодня покажется завышенной, но до XVI века, когда началась длинная череда турецко-персидских войн, этот край и вправду процветал, вызывая восторг у посещавших его путешественников.

Нахчыванцы свою историю знают, гордятся ею, но, пожалуй, этим и ограничивается их связь с легендарным прошлым. Как и всех людей на Земле, их больше заботит день сегодняшней. Конечно, ситуация сейчас несравненно лучше, чем в 1991-93 годах, когда из-за войны в Карабахе регион оказался в экономической блокаде. Поставки газа и электроэнергии были прерваны. Чтобы не замерзнуть, – а зимой температура падает ниже двадцати градусов, – вырубали все парки и скверы. Сейчас энергетическая проблема решена, и вместо каждого срубленного дерева посадили десять новых. Разобрались и с другими вопросами, в том числе полностью обеспечили себя продовольствием, но надо двигаться дальше, а этому здорово мешает то, что ввозить и вывозить товары приходится через Иран и Турцию. Все по старой пословице: «За морем телушка – полушка, да рубль – перевоз».

Тем не менее, никто не жалуется. Я во всяком случае жалоб не слышал. Нахчыванцы – гордый народ, а Нахчыван – это своего рода азербайджанская Сицилия. Они даже внешне в чем-то схожи. В одежде нахчыванцы, как и сицилийцы, предпочитают темные тона. Гавайская рубашка и шорты здесь будут смотреться столь же неуместно, как фрак на национальном празднике готтентотов. Этикет соблюдается

строже, чем при дворе английской королевы. Тут молодому человеку и в голову не придет знакомиться с девушкой на улице. Кто-то скажет, что такое поведение старомодно. Пусть так. Но зато невозможно представить себе, чтобы здесь женщине или пожилому человеку не уступили место в автобусе или, к примеру, перебили его в разговоре. Слово старшего – закон. Видел своими глазами, как отец, простой крестьянин, всю жизнь проковырявшийся в земле, не выезжавший дальше Нахичевани, отчитывал своего сына – богатого предпринимателя из Баку. И сын стоял перед ним навытяжку, не смея возразить, почтительно внимая каждому слову отца.

Вернувшись в Москву, я рассказал приятелю-азербайджанцу о подсмотренной сцене. Он посмотрел на меня с недоумением:

– А что тут такого?

– Ну, как же! Я хорошо знаю этого человека. Он – преуспевающий бизнесмен. Закончил университет в Англии. Из заграницы не вылезает. Их знания несравнимы.

– Ты не понимаешь! В финансах старик, ясно, не разбирается. Но он прожил много лет, знает людей и не хочет, чтобы его сын совершил нехороший поступок и опозорил себя. Кроме того, он – нахчыванец, – и приятель махнул рукой.

Уважение к старшим, забота о родителях – святая обязанность детей. В Нахчыване, можно с уверенностью утверждать, никогда не привьется такая форма социального попечения, как дома престарелых. Нахчыванец, решивший передать отца и мать или оставшегося одиноким родственника в такое, пусть и самое замечательное учреждение, неизбежно станет изгоем в обществе. На него будут смотреть с презрением. Ему не подадут руки.

Да что там говорить! Я не встретил на улицах Нахчывана ни одного человека, просящего милостыню. Этого здесь не может быть по определению. Соседи, родственники, друзья, знакомые не позволят дойти до такой степени отчаяния, чтобы молить прохожих о помощи. Сами предложат свои услуги, сами все сделают и даже слов благодарности слушать не станут. И не потому, что очень гордые: просто они считают, что не нужно благодарить за совершенно естественный поступок. Здесь, вообще, не принято выставлять напоказ свои чувства. Сдержанность – основа поведения нахчыванцев, а честь и неразрывно с ней связанная верность данному слову служат доминантой бытия, доходя подчас до абсолюта.

Во время поездки по краю я совершенно случайно попал на местный праздник. Сейчас даже не помню, чему он был посвящен, но это не так важно. Народу на него собралось много. Был конец лета, шел сбор урожая, и люди были рады хотя бы денек передохнуть. С организацией мероприятия особо не заморачивались: на школьном футбольном поле за селом были поставлены торговые палатки, развешаны транспаранты и сколочена сцена. Районное начальство быстренько отчиталось с неё о достигнутых успехах и уступило площадку представителям самодеятельности.

Мне подобные концерты пришлось отсиживать много раз. Все они строятся по одной и той же схеме. Первой идет песня о Родине, потом ансамбль народных инструментов, затем классический вокал, под который притомившаяся публика начинает перешептываться. И только под конец подают «сладкое» – что-нибудь современное, от которого глоснешь в первые же секунды.

Здесь отличие было в том, что все выступления зрители принимали на ура. И ашугов, и кеманчистов, и даже исполнителя мугамов с довольно слабым, совсем не мугамным голосом. А когда объявили танцоров, разразились такие искренние аплодисменты, о которых наши фанерные «звезды», ежегодно приезжающие в Баку на фестиваль «Жара», не смеют и мечтать.

Плясали действительно здорово. С азартом и от души, но, на мой непросвещенный взгляд, несколько однообразно, повторяя, пусть и с большим воодушевлением, одни и те же танцевальные па. Я уж было заскучал и стал подумывать о том, как бы незаметно покинуть почетное место, на которое меня усадили, но тут на сцену вышел

новый коллектив. Мужчины были одеты в черные, отделанные серебром архалыки, девушки в яркие лазоревые платья. Но дело не в костюмах, а в том, как эти люди держались. Пожалуй, самые точные слова, что я могу найти, «строго» и «сурово».

– Кенгерлийцы, – шепнул мой сопровождающий.

Я много слышал об этом славном народе, живущем в горах Нахчывана. Служба составляла содержание и смысл их существования. Ничто не могло заставить кенгерлийцев отказаться от выполнения взятых на себя обязательств. Их воинская выучка была выше всех похвал, и при численности племени приблизительно в 10 тысяч человек, они представляли грозную военную силу. Все знали, что они способны пойти сотней против нескольких тысяч, выполнить приказ или умереть. В чем-то кенгерлийцы напоминали элиту британских колониальных войск – подразделения непальцев-гуркхов. Орденов, которыми были награждены вышедшие из их среды военачальники, хватило бы на небольшую армию. И вот что странно: именно этот народ подарил Азербайджану тонкого лирического художника, основателя азербайджанской живописи Бахруза Кенгерли. Но он, пожалуй, исключение. Основная масса кенгерлийцев по-прежнему всем другим занятиям предпочитает военную службу.

Нахчыванцы, вообще, люди воинственные и свободолюбивые. Их характер формировался в те века, когда эта земля была ареной бесконечных нашествий и только мужество и упорство помогали выжить, когда лишь взаимовыручка и сплоченность гарантировали то, что ты увидишь завтрашний день. Свободу они ценят превыше всего. Многие думают, что распад СССР начался с прибалтийских государств. Это не так. За много месяцев до них, 19 января 1990 года, чрезвычайная сессия Верховного Совета Нахичеванской АССР приняла постановление о выходе Нахичеванской АССР из Союза ССР и объявлении независимости.

А во всем остальном жители Нахчывана ничем не отличаются от, скажем, бакинцев или москвичей. Те же заботы и радости. Люди работают, воспитывают детей, занимаются повседневными делами, которых, сколь ни уснащай свой быт домашней техникой, все равно бывает много.

И Нахчыван самый обычный город, конечно, за вычетом исторических памятников, которых здесь немало. У него вполне, как принято говорить, «европейский вид»: широкие проспекты, магазины, рестораны, очень приличные гостиницы, множество научно-исследовательских институтов и заводов. На окраине Нахчывана расположен кампус университета. А воротами в город служит современный международный аэропорт, оборудованный по последнему слову техники. Другими словами, ничего необычного или непривычного для глаз.

Поэтому если хочется экзотики, – а она здесь есть, – надо забираться подальше в горы. Более того, по нашим российским понятиям, её там более чем достаточно. Во-первых, прекрасные дороги в каждое, даже самое удаленное село. Во-вторых, газ. Он есть в каждом крестьянском доме. А что это значит для села, объяснять не надо. В-третьих, электричество и вода, за которой не надо бегать с кувшином на родник. В-четвертых, повсюду стоят новые школы и поликлиники. И это реальность, а не «потемкинские деревни». Маршрут-то я выбирал сам.

Гедабей. Маленький город с девятью тысячами жителей на северо-западе Азербайджана. Больше всего известен выращиваемой здесь картошкой.

Воскресный день. На центральной площади столпотворение. Из окрестных сел приехали за покупками крестьяне. В багажники легковушек укладывают мешки с мукой, рисом, инструментами, кто-то грузит на прицеп мебель, тащат клетки с возмущенными таким обращением курами. Из кафе оглушающе звучит музыка. С трудом находим место, чтобы припарковаться. Водитель убегает в магазин, а мы с фотокорреспондентом, чтобы нас не снесло потоком людей, жмемся к стене.

Возле нас останавливается женщина. Еще не пожилая, лет пятидесяти. Одета в традиционное для сельских жителей темное платье. На плечи наброшен теплый

платок. На ногах растоптанные туфли. Осторожно нас рассматривает, потом все-таки решается.

– Из России? – по-русски спрашивает она. Акцент у неё сильный, но все понятно.

– Из Москвы, – сообщаю я, совершенно не представляя, зачем мы ей сдались.

– Я в русской школе училась. У нас русские живут, молокане. Я к ним в школу ходила. Много русских подруг было, – с гордостью говорит женщина.

– Не забыли язык? – интересуюсь из вежливости.

– Забыла. Совсем забыла. Мало на русском говорю. Не хорошо.

Даже и не знаю, что сказать в ответ. Дипломатично пожимаю плечами.

– В гости приехали? – не унимается женщина.

– Нет, по работе. Будем делать материал о вашем районе.

– Из газеты, – кивает она.

– Из журнала, – уточняю я.

– Хорошо, – женщина улыбается золотозубой улыбкой. – Поехали!

– Куда?! – удивляемся мы с фотографом в один голос.

– Ко мне в деревню. Отдыхать будете. Мужу скажу барана зарезать. Гости из Москвы. Честь для нас. Соседей позову.

Ну, что тут скажешь! С трудом отговариваемся срочной работой. Женщина явно расстроена. Прощаемся с ней, как со старым другом.

Давно хотел попасть к пастухам, посмотреть, как они живут. Как-никак одна из древнейших профессий на земле. Но все не получалось. Кого ни спросишь, в ответ: «Проблем йок!», а потом выясняется, что отара высоко в горах, погода не та, и, вообще, не известно, сможем ли мы их найти. На всякий случай даже спросил знакомого пилота из «Азербайджанских Авиалиний» и, конечно, услышал традиционное «Проблем йок!». Правда, за ним последовало обнадеживающее: «Завтра тебя устроит?»

Ох, лучше бы не устраивало. Куда полезней для здоровья было бы сидеть на какой-нибудь нудной конференции или копаться в пыльном архиве. И скажу больше: были такие моменты в поездке, когда я был готов променять место рядом с моим знакомым на скамейку в полицейском «обезьяннике». Не хочу описывать те фигуры высшего пилотажа, которые этот воздушный ас выполнял по тропинкам и склонам. Он не подъехал к пастбищу, а приземлился на него.

У брезентовой палатки сидели двое пастухов. За палаткой паслись стреноженные лошади. Тот, что помоложе, готовил еду в котле, а старший курил. Самые обычные люди, и одеты они были не по-пастушьему, то есть ни бурок, ни косматых папах, а во что-то городское – курточки-кроссовки.

Поздоровались, представились, объяснили цель визита. Те удивились, посмеялись и пригласили к костру. Из завязавшегося разговора выяснилось, что отару пасли вчетвером. Овцы в основном хозяйские, но есть и принадлежащие пастухам. Двое сейчас приглядывали за стадом, а они вернулись в лагерь, чтобы обед приготовить и передохнуть. Продукты им привозят раз в десять дней, а выбраться домой удастся редко. Что касается условий, в которых они живут, то «вот они все условия», – старший мотнул головой в сторону палатки.

– А поменять работу не хотите? – не могу удержаться от вопроса.

– Мы ничего больше не знаем, – ответил старший. – Привыкли.

Хотел бы я так «не знать».

Пастух он и ботаник, и ветеринар, и наездник, и охотник. Он должен уметь ориентироваться в горах, проходить каждый день десятки километров. А уж по части выносливости и умению выживать пастух даст сто очков вперед всем телевизионным «путешественникам», которых столько развелось в последнее время. Не согласны – пусть попробуют перегнать десяток коз с одного пастбища на другое в ноябрьское ненастье.

У современного путешественника и рация, и куча приспособлений, облегчающих ему жизнь, а труд пастуха за тысячелетия не претерпел никаких изменений. Он и сегодня остается предельно тяжелым, сложным, а подчас и опасным. Ведь пока овца подрастет, сколько километров надо отшагать по горам, сколько ночей ему мерзнуть у костра, сколько раз он будет рисковать жизнью, отыскивая в слепящий буран потерявшегося ягненка.

Пастух всегда один на один с природой, его быт прост и суров. Укрывается курткой или ватником, спит в палатке или хижине, горячую пищу ест раз в день. В горах проводит от восьми до десяти месяцев. И была бы его работа совершенно непосильной, если бы не было надежных помощников, тех самых, которых далекий предок приручил и обучил, – коня и собаки.

Конь пастуха – не тягловая крестьянская лошадь, хотя ему и приходится перевозить тяжелые вьюки с нехитрым хозяйством. Он небольшого роста, сухой, легконогий. Без него никак не управиться, не поспеть, когда под твоей опекой стадо в несколько сот голов. Такой конь и крутой склон легко преодолет, и по узкой горной тропе, не оступаясь, пройдет.

А как не сказать доброго слова о пастушеских собаках?! Если бы на них составляли характеристики, то буквально про каждого пса пришлось бы написать «верный, надежный, стойкий, бесстрашный». Есть в их работе, – они именно работают, а не служат, – солидность и основательность мастера, хорошо знающего своё дело. Они не будут по-пустому лаять, бегать взапуски, и уж никак нельзя их представить гонящимися за бабочками или выпрашивающими подачку. Не спеша, экономя силы, такой пес обежит стадо, а затем заберется на камень или кочку, с которой он всё и всех видит, и будет с неё внимательно следить за порядком. И стоит какой-нибудь овце лишь отбрести в сторону, как пес уже рядом. Он даже рычать на неё не станет. Своевольница и так поймет: надо вернуться, порядок нарушать не позволено. В мире установлено много памятников собакам – проводникам, спасателям, собакам-полицейским. Такой чести заслуживает и пес, помогающий пасти стадо. Он-то, понятно, об этом не попросит, но людям пора оценить его труд.

Впрочем, и статуями пастухов ни парки, ни площади мало где украшали. Возможно, в силу того, что работа пастухов мало кому была видна, словно она протекала в параллельном мире. Да и сейчас вблизи их можно увидеть, лишь когда отара пересекает дорогу. К тому же труд пастухов редко становился предметом почитания и воспевания. Правда, поэты и художники от пастухов не отворачивались, но их буколические козопасы не имели ничего общего с реальными людьми, пасущими в горах и на равнинах стада. Так что эта тема еще ждет своего Гомера или Фидия. И, наверное, рано или поздно появятся посвященные пастухам и хорошие фильмы, и увлекательные книги, и замечательные скульптуры. Ведь труд их очень нужен и важен, и каких бы высот ни достигли наука и техника, а пастухи все равно по весне погонят отары в горы.

Три тысячелетия назад **Шеки** был одним из самых известных городов легендарной Кавказской Албании – государства, основанного в III веке до н.э. и просуществовавшего до XIII столетия. Город входил в систему Великого шелкового пути, и когда-то на шекинских площадях шумели огромные базары, а купцы на десятках языков зазывали в палатки покупателей, соблазняя их чудесными ароматами специй, радугой роскошных тканей, блеском драгоценностей и остротой мечей.

Знаменит Шеки еще и тем, что еще в I веке сюда было принесено учение Христа. По преданию, храм, сохранившийся в расположенном рядом с городом селении Киш, был заложен побывавшим здесь пророком Елисеем. В IV веке христианство было объявлено албанскими царями государственной религией. Были открыты бесплатные школы, труды европейских богословов переводились на албанский, многочисленные монастыри служили пристанищем для торговых караванов. Всего же, как утверждают

археологи, в Шеки и вокруг него насчитывается не менее двадцати пяти албанских церквей, датируемых IV-VIII веками. При этом здания храмов часто стоят рядом с исламскими памятниками более поздних эпох. Ни один из мусульманских правителей Шеки не позволил разрушить их.

И обязательно надо сказать о Дворце шекинских ханов. Побывавший в Шеки турецкий поэт Назым Хикмет записал: «Если не было бы других древних сооружений Азербайджана, то было бы достаточным показать всему миру только Дворец шекинских ханов».

Дворец выполнял роль летнего павильона. Свет, проникающий внутрь дворца через большие витражи-шебеке, отликает всеми цветами радуги. Это создает особое радостное ощущение. И оно еще больше усиливается видом фантастических росписей, которыми покрыт каждый сантиметр стен, многочисленных ниш, сталактитовых переходов к плафонам и самих плафонов.

В 2019 году дворец и средневековая застройка центральной части Шеки были включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. И совершенно заслуженно. Я в этом небольшом городе с длинной историей был трижды, и каждый раз приезжал сюда с особым удовольствием. Вообще-то, таких городов в Азербайджане много. Чистенькие, нарядные, уютные, они сразу располагают к себе. Здесь нет обезлички мегаполисов, где человек не житель, а всего лишь часть населения. Причем очень маленькая.

Дома под красными черепичными крышами. Во дворах пышные сады. Асфальт усыпан не удержавшимися на ветках абрикосами. Окраинные улицы в полуденный час пусты, что не скажешь о центре. Здесь жизнь кипит. Разноязыкие группы туристов перетекают из лавки в лавку. На набережной реки Гурджаначай, выстроилась вереница сверкающих стеклом автобусов.

И, понятно, многолюдно на рынке, который вполне можно внести в список туристических объектов, поскольку в Шеки это еще и аттракцион. Шекинцы – люди веселые, ценящие шутки и острое слово. Каждая покупка – это целое представление, в котором с удовольствием участвуют и продавец, и покупатель. Конечно, все тонкости шекинского юмора без знания языка оценить довольно сложно, но смысл разыгрываемых сценок обычно понятен без слов.

Шеки памятен еще и тем, что здесь я первый раз побывал на азербайджанской свадьбе. Мероприятие это настолько масштабное и настолько впечатляющее, что я еще долго приставал к знакомым с вопросами: «А почему это так? А зачем это нужно?» И, естественно: «И это всё родственники?!» Последний вопрос был вызван количеством гостей. Их было более трех сотен, не считая детей, которые хаотично перемещались по залу, в котором проходила свадьба, и поэтому учету не поддавались.

Меня пригласил троюродный дядя жениха, что автоматически повышало мой статус до «ближайшей родни» и давало массу привилегий, в том числе право присутствовать на всех этапах церемонии. А она очень сложная, и подготовка к ней занимает много месяцев.

К свадьбе в Азербайджане отношение самое серьезное, за строгостью соблюдения ритуала, как правило, следят весьма пристально, искренне надеясь, что это убережет новую семейную пару от ошибок и разочарований.

Конечно, опасности, подстерегающие вступивших в брак юношу и девушку, сегодня иные, и некоторые традиции в свете этого кажутся архаичными, но, поскольку продиктованы они любовью и заботой, стремлением укрепить связи молодой семьи со старшим поколением и родом, воспринимают свадебные обычаи с почтением и редко вычеркивают их из программы. К тому же большинство из них красочные, веселые, превращающие свадьбу в событие, о котором долго еще вспоминают и говорят.

Порядок подготовки свадьбы состоит из множества этапов, каждый из которых обусловлен желанием гарантировать прочность будущего союза, но точкой отсчета,

как и везде в мире, является взаимное чувство. А вот дальше начинается высокая дипломатия. Причем первую скрипку играют женщины, обычно старшие родственницы жениха. Именно они наносят неофициальный визит в дом невесты. Раньше этому дипломатическому зондажу придавалось огромное значение. В ходе его выяснялись такие важные вопросы, как благосостояние девушки, социальный статус семьи, влияние рода и, естественно, отношение родителей к кандидатуре жениха. Кстати, отказ, полученный на этом этапе, не причинял особенного ущерба достоинству соискателя, к тому же избавлял от многих довольно обременительных расходов.

Но если семья невесты не против, наступает время официального сватовства. Первой с родителями невесты знакомится сопровождаемая близкой родственницей мать жениха. Без их «экспертного заключения» к следующему этапу, когда к переговорам подключается и отец, не переходили (вот вам и бесправное положение женщин в мусульманской семье!). У жениха устраивается большой семейный совет, который решает, какой быть свадьбе и что понадобится молодым. Одновременно его сестры, родные или двоюродные, должны выяснить пожелания невесты. И наконец после бесчисленных закулисных консультаций в дом к родителям девушки отправляется официальное «посольство».

«Протокол» проведения сватовства запрещал начинать его с вопроса: «Готовы ли вы отдать свою дочь за нашего сына?» Сначала следовало, словно на встрече глав правительств, обсудить погоду и политический момент. И лишь потом, как бы между прочим, поинтересоваться согласием. Хороший тон требовал сделать вид, что предложение неожиданное и что его «необходимо обдумать». При следующей встрече (расширенной по составу и сопровождаемой обильным угощением) тот же вопрос задавался вторично. И только тогда оглашался официальный ответ.

Теперь можно было переходить к обручению. Близкий родственник жениха отвозит суженой кольцо. Она встречает посланника, окруженная подругами, которые также его примеряют. Это считается хорошей приметой. А потом в доме невесты устраивают большое обручение. И тут уже гостей не считают: обычай требовал пригласить и самых дальних родственников, и всех соседей. Но являться надо было обязательно с подарками, которые должны были составить основу благосостояния будущей семьи.

Церемонию обручения положено начинать с деловой части: обговаривается размер выкупа за невесту (он обычно включается в приданое, так что эти деньги из молодой семьи не уходят) и подписывается договор, который обеспечивал женщину средствами, если муж решал с ней развестись. И это также весьма разумно. И Европа, и Америка додумались до брачных контрактов куда позже.

Подготовка непосредственно к свадьбе могла занять и месяц, и год. И все это время жених должен был поддерживать чувства невесты бесконечными подарками. Впрочем, накануне долгожданного события их перевозили в дом жениха. А невесту тем временем готовили к церемонии: одевали, украшали, наносили на ладони узоры из хны. Проводившие эти обряды родственницы и подружки при этом пели, танцевали и поедали тонны сладостей. В общем, веселились от души.

И самое интересное. В старину свадьба проводилась отдельно. Жених гулял с мужчинами, а невеста отмечала её с женщинами. В XX веке два этих дорогостоящих мероприятия стали объединять. За невестой приезжает делегация от жениха, конечно, опять с подарками. Родители обвязывают вокруг талии или руки невесты красную ленту, обводят её трижды вокруг светильника, чтобы оберечь от злых духов, и вручают свое дитя доверенным лицам. Музыка звучит, не умолкая ни на минуту. Танцуют в доме, во дворе, на улице (в основном женщины, мужчины предпочитают курить и беседовать). А дальше – торжественный обед, переходящий в ужин, и веселье до утра.

Впоследствии мне пришлось побывать еще на двух свадьбах. На этот раз в

Баку. Размах был такой, что свадьба, описанная Марио Пьюзо в «Крестном отце», может показаться скромным семейным торжеством. Считать гостей я даже не пытался – их было от пятисот до тысячи. И если в одном случае сочетались браком дети миллионеров, то во втором жених и невеста были скромными менеджерами. Откуда же деньги на кортеж из джипов, фотографов и операторов, визажистов и стилистов, банкет, на котором было столько перемен блюд, что не было сил даже попробовать их? По секрету, мне сказали, что жених взял ссуду в банке, чтобы не ударить лицом в грязь перед родственниками. И, мол, это самое обычное дело. Конечно, против традиции не погрешь. Но вот ведь какая штука: через полгода менеджерская пара развелась...

Расположенный в ста километрах от Баку, **Хызынский район** отмечен в туристических буклетах фотографиями охристо-красных скал, густых горных лесов и восторженными строками о чистейшем прохладном воздухе. В летние месяцы измученные жарой жители столицы при первой возможности переезжают в Хызы, увеличивая население района вдвое и втрое. Здесь я договорился встретиться со старым знакомым, занимающим ныне очень ответственный пост в Азербайджане. Имя его я, понятно, не называю, как и фамилии других людей, на мнение которых ссылаюсь. Наши беседы были частными, и подводить их я не хочу.

Сидели мы в небольшой чайхане, любовались на лежащую под ногами долину, где стараниями местного предпринимателя был устроен большой зоопарк. Видно было, как по просторным вольерам, не обращая никакого внимания на толпящихся у заграждений детей и взрослых, бродили олени, джейраны, антилопы и прочая рога-тая живность.

– И как жизнь? – осторожно начал я после обмена дежурными вопросами о здоровье и друзьях.

– Если брать в среднем, то неплохо, – также осторожно ответил мой собеседник.

– То есть из кризиса вы вышли?

– Когда цены на нефть обвалились вдвое, больше было испуга, чем реальных проблем. Конечно, пришлось на пару дырок затянуть ремень, но и экономическая, и финансовая системы выдержали. А потом начали работать «закладки» – проекты, которые мы запустили в благополучные времена. Ведь наш Нефтяной фонд придерживается несколько иной политики, чем ваше министерство финансов. Он вкладывается в основном в экономику Азербайджана, а не в зарубежные ценные бумаги.

– Про туризм я знаю. Он, действительно, с каждым годом приносит все больший доход. А прочие «закладки»?

– Ничего нового вам не сообщу: транспорт, логистика, сельское хозяйство, переработка сельскохозяйственных продуктов, – перечисляет мой знакомый.

Нельзя с ним не согласиться. В последние десять лет в этих областях и вправду наметился серьезный прорыв. Эмблема грузовой авиакомпании Silk Way Airlines известна теперь по всему миру, а её флот что ни год наращивается новыми самолетами. Видел я и гигантский морской порт Алят, возведенный в рекордные сроки в шестидесяти километрах от Баку. Работает с четкостью швейцарских часов. Слышал и о новой железной дороге Баку-Тбилиси-Карс. Пока российские политики убеждают друг друга в финансовой перспективности проекта «Великий шелковый путь», у азербайджанцев он уже работает. А что говорить о сельском хозяйстве! Площадь садов и виноградников ежегодно увеличивается, распахиваются заброшенные тридцать лет назад земли, растет поголовье скота. Цены на продукты лучше не сравнивать с российскими: можно получить нервное расстройство.

– Значит, все хорошо, – констатирую я.

– До «хорошо», как мы считаем, еще далеко, – усмехается собеседник. – И ошибок было сделано много, и некоторые негативные факторы оказались недооценен-

ными. Наверное, хорошо будет тогда, когда каждый житель нашей страны, тщательно взвесив все «за» и «против», решит для себя и детей, что в Азербайджане им будет лучше всего.

– И надежда на это есть?

– Я уверен в этом.

В уникальной по красоте и многозвучию симфонии природы Азербайджана у гор – ведущая партия. Она начинается пологими холмами и лесистыми склонами, чтобы затем взмыть в запредельную высь вершин Большого Кавказа. В неё вплетены тысячи мелодий, веселых и звонких, как альпийские луга Лерика, стремительных и бурлящих, как водопады Илису, суровых и мрачных, как Шахдаг и Базардюзю. Однажды услышанная музыка гор остается в памяти на всю жизнь, чтобы звучать вновь и вновь, зовя вернуться к ним.

Путь в горное село **Хыналыг**, что лежит на севере Азербайджана, не столь уж длинен – немногим больше пятидесяти километров от районного центра Губы. Вот только добираться до заветной точки, лежащей на высоте 2400 метров над уровнем моря, придется не привычно по горизонтали, а в основном по вертикали, преодолевая бесконечные петли серпантина. Но то, что можно увидеть здесь за час поездки на автомобиле, стоит впечатлений от иного путешествия в сотни километров.

Сначала надо проехать через пронизанный зеленым светом лиственный лес, кроны деревьев которого так густы, что и в самый сильный дождь под ними можно спокойно гулять, не боясь промокнуть. Затем после бесчисленных поворотов дорога вынырнет на простор альпийских лугов, по которым медленно передвигаются от пастбища к пастбищу отары овец. А потом начнутся горы. Древние, в глубоких морщинах, проделанных бесчисленными ручьями, текущими с ледников, с белоснежными вершинами, уходящими в небо, и парящими над ними орлами.

Но надо подняться еще выше, хотя, как это сделать, совершенно не понятно. Дорога вливается в узкое ущелье, по дну которого спешит вниз, на равнину река. Следуя за её сумасшедшими изгибами, нитка шоссе то повисает над страшными обрывами, то жмется к крутым скалам, пронзая одно за другим отдыхающие в каньоне перед долгим путем к прикаспийским степям облака. С каждым поворотом всё выше и выше. И наконец открывается огромная чаша высокогорной долины, над которой высится Шахдаг, подавляя своим гигантским ростом все окрестные вершины. Отсюда до Хыналыга рукой подать. Вы еще не у цели, но вы уже достигли цели, потому что открывшийся перед вами мир вечен и прекрасен. Его красота столь пронзительна и необорима, что все переворачивает в душе, заставляя переоценить то, чем ты жил и к чему стремился. Такую волшебную силу не измерить и не передать. Её надо почувствовать. И это обязательно произойдет.

Жителей Хыналыга можно смело назвать «небожителями». Их деревня расположена на вершине горы. Это самое высокогорное селение Европы. Но сами хыналыгцы – люди скромные, на вопрос: «Как вы оказались здесь?» пожимают плечами: «Очень надежное место». И ведь правы хыналыгцы: в этой необычной деревне с домами, напоминающими ласточкины гнезда, можно спокойно пересидеть и природный, и социальный катаклизм.

Хыналыгцы – потомки одного из 26 племен, входивших в союз, основавший в I тысячелетии до н.э. Кавказскую Албанию. В пользу этого говорят и предметы, найденные археологами, и надписи на албанском, которые сохранились на некоторых камнях близ села, и развалины древней крепости.

Теперь в деревню ведет отличная дорога, в каждом доме газ, электричество, Интернет, повсюду тарелки телевизионных антенн. Что касается воды, то проблема с ней была решена давно. Водопровод в Хыналыге возможно старше римского. Остались прежними и родовые жилища: неказистые, но основательные, с толстыми стенами, защищающими и от пронизывающего ветра, и от зимних тридцатиградусных

морозов. А вокруг только камень, ни деревца, ни кустика – некомфортно растительности на такой высоте. Лишь по весне побалуует природа зеленью лугов да крохотных огородов, разбитых на плоских крышах домов, живущих ниже соседей.

Народ промышляет в основном скотоводством и сбором лечебных трав. Местный чиновник уверяет, что этого вполне на жизнь хватает. Понятно, очень скромную. Ничего новее «жигулей» я на улицах села не видел. Из-за этого молодежь перебирается вниз, в долины. Там сытнее. Однако заколоченных, оставленных хозяевами домов в Хыналыге нет. Я, вообще, за годы поездок в Азербайджан не видел ни одной заброшенной деревни. Есть побогаче, есть победнее, но всюду видны признаки жизни. Полагаю, дело тут не только в правильной политике правительства или в особой привязанности азербайджанцев к родному очагу. Есть еще ответственность и порядочность. Мой друг рассказал о двадцатилетней девушке, с которой он познакомился в маленьком селе под Исмаиллы.

– Почему не уезжаешь? – поинтересовался он и получил ответ:

– Я – сирота. Из родственников только пожилая тетка осталась. Пока она жива, я буду с ней.

Эта девушка – не исключение. Пожилых людей на произвол судьбы не бросают. Из семьи, – а они здесь все многодетные, – кто-то обязательно остается с родителями. Это нерушимый порядок. Во многом благодаря ему и деревни не умирают.

А что касается Хыналыга, то есть надежда, что ситуация тут скоро улучшится. Новая дорога даст толчок развитию туристического бизнеса. Вид-то отсюда какой открывается! Выше только заснеженная вершина Шахдага, до которой, имей человек крылья, лёта всего несколько минут. Впрочем, все крылатые, – в основном горные орлы, – парят внизу, под ногами. На хыналыгцев этим гордым птицам приходится смотреть, порядком вывернув шею, снизу вверх.

Сидим в летнем ресторане в **Илису** и едим вкуснейшую бугламу – мясо, тушенное в овощах. Вечер еще не поздний, но это юг, и темнеет рано. Склон соседней горы почти не различим. Между тем, биологи из Илисуйского заповедника говорили, что из ресторана можно увидеть, как на водопой спускаются безоаровые козлы – эти прирожденные альпинисты. Впрочем, тут, в горном районе, и коровы умудряются взбираться на такие кручи, что от одного взгляда на них страшно становится.

Компания подобралась примерно одного возраста: и профессору химии, и переводчику поэзии, и художнику, и генералу, – всем за шестьдесят. Все родом из этих мест, и поэтому вначале разговор идет о том, что мне еще надо непременно увидеть. Но постепенно, как это бывает у пожилых людей, неизбежно сползаем к критике и начинаем перечислять, в чем сегодняшняя молодежь уступает нам. Посетовав на то, что она одинаково равнодушна и к Пушкину, и к Насими, единодушно приходим к выводу, что мы жили интереснее. Генерал, подумав, говорит:

– Жить стали лучше, чем при Советском Союзе, а стали при том беднее.

Что он имеет в виду, всем понятно. Профессор соглашается:

– Возможности были иные. Таких фундаментальных исследований мы сегодня не ведем. У вас их, кстати, тоже стало намного меньше, – поворачивается он ко мне. Я только развожу руками.

Художник согласно кивает:

– Больше встречались, говорили, идеями обменивались, выставки совместные устраивали. Не знаю, как у вас в науке, а мне этого сильно не хватает. Не должен художник только в своем казане вариться.

– Но и не очень хорошо, если всё подгонять под рецептуру, которую в Москве составляли. У нас народ к бозбашу привык, а нас заставляли исключительно русские щи варить, – возражает переводчик и тут же делает оговорку. – Не буду спорить, сейчас много книг на азербайджанском издается, но хочется, чтобы тебя прочитали и на Украине, и в России.

– Как у вас, у русских, говорят: «Другое время, другие песни», – грустно усмеяется генерал. – Могли бы мы оставаться с Россией в одной стране? С новой Россией, подчеркиваю, появившейся после 1991 года. Скорее всего, нет. А одно тянет за собой другое. Если независимость, то непременно должна быть граница и, конечно, приоритет национального.

– Так и есть! Это реальность, и игнорировать её – просто глупо. – Профессор разливает коньяк. – И все-таки давайте выпьем за то, чтобы дети сохранили нашу дружбу. Границы могут разделять государства, но не должны разделять народы! Мы столько веков дружили, такое вместе перенесли! Нельзя о дружбе забывать!

Едем в город **Шамкир**, рядом с которым археологи раскопали средневековую крепость. Останавливаемся на въезде в какое-то село, чтобы размять ноги. По обочине дороги идет стайка школьников. Мальчики и девочки лет восьми-десяти. Должно быть, закончились занятия в начальных классах.

На наше «Привет, ребята!» они дружно отвечают по-русски «Здравствуйте!»

Полтора десятилетия назад, приехав в Баку, я с огорчением констатировал, что русская речь практически исчезла с улиц. Но прошло время, и русский вернулся. Его охотно изучают в школах и в высших учебных заведениях. И не только в столице, как я неоднократно убеждался.

Вышагивала ребятня серьезно и чинно. До неимоверной чистоты отмытые и подчеркнута аккуратно одетые, они были очень трогательны в своем желании выглядеть перед незнакомыми людьми по-взрослому. А им и стараться особо не надо было, чувством ответственности они наделены в избытке с младых ногтей.

Дети в Азербайджане особая привилегированная группа. Чем больше их в семье, тем более счастливыми чувствуют себя родители. Но сразу же надо оговориться: за подобным чадолюбием не кроются экономические причины, как, скажем, в Индии или Пакистане, где каждый новый ребенок означает дополнительные рабочие руки, а значит, и рост благополучия хозяйства. Детей любят совершенно бескорыстно, им позволяют любые шалости, правда, до определенного возраста.

С семи-восьми лет их начинают приучать к труду и дисциплине. Они обязательно помогают по дому вне зависимости от социального статуса и доходов родителей. В селе ухаживают за домашним скотом, работают вместе со взрослыми в поле. У них есть постоянные обязанности, к которым те относятся очень ответственно. Вернулся из школы, прежде чем сесть за учебники, помоги матери с домашними делами, поспеши за младшими.

В городе у детей свободы, конечно, больше. Но и они не будут ждать команды взрослых: «Помоги матери!». Сами соберут на стол, вымоют посуду и никогда не позволят себе вмешиваться в разговор старших. Более того, если пришли гости, их, скорее всего, даже не посадят за стол. Зато малыши будут ходить по головам. И все будут в восторге.

Ничего необычного в этом, казалось бы, нет. Вот только лично я не знаю ни одной десятилетней московской девочки, способной приготовить еду хотя бы себе или зашить разорванные джинсы. Да и наши московские мальчишки лучше ориентируются в компьютерных играх, чем в садовом инвентаре. Мне обязательно возразят: «Другое время!» Но какое бы оно ни было, без привычки к труду, без готовности прийти на помощь, без чувства ответственности в нем молодежи будет тяжело.

Это поистине фантастическая картина, когда на рассвете в еще только начинающее голубеть небо поднимается стая розовых фламинго. Кажется, что порыв ветра подхватил лепестки цветущего персикового дерева и понес их над неподвижной гладью залива. А затем выбираются из камышей и другие постояльцы этой гостиницы для пернатых: серые гуси, надменные белоснежные лебеди, тяжеловесные пеликаны, длинноногие цапли, хлопотливые утки, скромные темно-серые лысухи, гордые султанки с оперением, отливающим кобальтом и множество других птиц –

ярких, разноцветных, больших, малых и совсем крохотных. В общем, все пестрое население и многочисленные гости Кызыл-Агачского заповедника, расположившегося на берегу Каспийского моря в Лянкяранском районе.

Рядом с заповедником в акватории Малого залива устроен заказник, который разрешено посещать туристам. Хотя размеры его велики – 10700 гектаров, птичье столпотворение и шум тут такие, словно накануне открытия кинофестиваля в холле центрального отеля. Кстати, это сравнение вполне уместно, поскольку пернатые «звезды» в заповеднике совсем не редкость. Наблюдательный натуралист здесь может увидеть в естественной природной среде и серебристую чайку, и мраморного чирка, и краснозобую казарку, и черного аиста. А если выбраться в лежащие в юго-западной части заповедника степи, то там можно встретить разгуливающих между кустиками травы турачей, дроф и стрепетов. Ну а в небе барражируют хищники: орланы-белохвосты, беркуты и могильники.

Но как бы ни был интересен Кызыл-Агач, есть места не менее уникальные. Сложно найти страну со столь разноликой природой, как Азербайджан. Даже беглый взгляд на карту откроет, насколько разнится ландшафт от западного побережья Каспия до восточной части Южного Кавказа, от Закавказского нагорья на юге до горных массивов Большого Кавказа на севере. В Азербайджане роскошная растительность субтропиков соседствует со снегами, лежащими на горных вершинах, тенистые леса и искрящиеся на солнце водопады со знойными степями.

Из 800 грязевых вулканов нашей планеты почти половина расположена в Азербайджане. 100 из них находятся на Абшеронском полуострове, в Гобустане. Здесь, на сравнительно небольшом участке, обосновалась целая колония шумно дышащих, периодически истекающих разноцветной грязью – брекчией, кратеров. К слову сказать, далеко не все из них безобидны. В редкие дни, когда один из вулканов пробуждается к жизни, можно наблюдать, как в воздух взмывает гудящий от ярости столб пламени высотой до 500 метров. И даже более того, подводные вулканы, существующие в акватории Абшерона, способны за несколько часов «плодотворной работы» возвести целый остров.

Из общего числа распространенных на Кавказе растений абсолютное большинство можно найти в Азербайджане. Это около 4500 видов, из которых примерно 240 являются эндемиками. Здесь обитают 12 тысяч видов животных, в том числе козули, благородные олени, безоаровые козлы, муфлоны и леопарды. Страна – настоящий рай для биолога, а воды Каспия, рек и озер славятся обилием рыб ценных пород.

В Азербайджане десять заповедников и девять национальных парков, каждый из которых со своим «лицом» и своими «примами».

В Абшеронском парке можно наблюдать жизнь каспийских тюленей.

В Гирканском увидеть реликтовые леса, сохранившиеся со времен третичного периода кайнозойской эры.

А жемчужина Гейгёльского парка – озеро Гейгёль. Этот бриллиант удивительной чистоты заключен в оправу из покрытых густым лесом высоких скал. Надёжной стеной стоят они вокруг озера, чтобы никакая непогода не потревожила безмятежной глади вод. Даже живущие здесь птицы стараются перекликаться вполголоса, будто бояться нарушить покой этих зачарованных мест. А выше Гейгёля прячутся в неприступных скалах еще несколько соединенных протоками озер.

В Ширванском национальном парке на первых ролях, конечно, джейраны. Этих небольших и очень грациозных животных здесь более двадцати тысяч. Увидеть их можно, отъехав всего пару километров от магистрального шоссе, по которому днем и ночью несутся потоки машин. Людей они совершенно не боятся. Давно уже привыкли к тому, что человек не представляет для них опасности. А в шестидесятые годы прошлого века из-за хищнической деятельности людей поголовье джейранов в

Азербайджане сократилось до критической численности в сотню голов. Этот вид животных был на грани полного исчезновения, но благодаря упорной работе ученых и сотрудников парка их теперь расселяют и по другим заповедникам. Иначе как подвигом это не назовешь.

Впрочем, чтобы полюбоваться дикой природой и её обитателями в Азербайджане не обязательно забираться в национальный парк. Красивых мест здесь хватает, а диких животных и птиц берегут, как зеницу ока. Они такое же национальное достояние, как архитектурные памятники и исторические артефакты. А эти сокровища только растут в цене.

Гянджа. Второй после Баку город по численности населения. Гянджинцы уверяют, что ему четыре тысячи лет. Историки считают, что пока документально можно подтвердить только две с половиной. Но и те, и другие согласны с тем, что это самый «непоседливый» город в Азербайджане. За время своего существования он пять раз сменил прописку. Понятно, не по доброй воле. То война, то землетрясение, то набег врагов. И снова собирай те немногие пожитки, что не сгорели, и перебирайся на новое место, строй дом, разбивай сад, мости улицу. И ведь опять возводили такой город, что восхищенные путешественники называли Гянджу «восхитительной» и «цветником империи».

Она и сейчас очень красива, и я не раз порадовался, что в Новруз оказался именно в Гяндже. Праздников в Азербайджане не меньше, чем в любой другой стране. Государственные, региональные, отмечаемые только в данной местности, религиозные, семейные. Есть среди них особенно красивые – Цветов, Граната, Роз. Есть торжественные – с военным парадом и вечерним салютом. Но самый любимый – Новруз. День прихода весны. Он же и самый древний, возникший еще в дописьменную эпоху человеческой цивилизации. Его традиции и ритуалы древнее египетских пирамид, и он сам по себе не менее интересен, чем сохранившиеся до нашего времени мегалитические сооружения и античные храмы. Потому что Новруз – это само время. А еще потому, что Новруз продолжает жить.

Конечно, европейцу понять те чувства, с которыми в Азербайджане ждут Новруз, сложно. Как, впрочем, и человеку, выросшему в традициях восточной культуры, будет непонятно то лихорадочное возбуждение, которое овладевает сотнями миллионов христиан перед наступлением Рождества. Все-таки «Запад есть Запад, Восток есть Восток», и помимо бросающихся в глаза отличий, которые на самом деле не столь уж и важны, немало существует в каждой из этих цивилизаций вещей таинственных и сакральных, для познания коих нужно не только желание, но и время. Однако даже без них ничто не мешает получить удовольствие хотя бы от внешней атрибутики праздника.

Чтобы оценить все составляющие Новруза, – а их так много, что даже специалисты-этнографы путаются, – надо приехать в Азербайджан – в Баку, Шамаху, Габалу, Гянджу. В каждом городе свои обычаи, свой неповторимый окрас этого праздника. В любом случае впечатлений будет не меньше, чем от знаменитого Бразильского карнавала. С той только разницей, что, по сути, Новруз отмечают более месяца, переходя от одного красочного действия к другому, сопровождая каждый этап играми, песнями, наговорами, сложными обрядами и не в последнюю очередь обильным угощением.

Венец всем приготовлениям 21 марта – День весеннего равноденствия. Готовясь к нему, каждая из хозяек стремится превзойти подружек. А при разнообразии азербайджанской кухни для их кулинарных фантазий простор открывается поистине бесконечный. Правда, есть одно условие: на столе должны обязательно присутствовать семь традиционных блюд, начинающихся на букву «s». Выстави их, а уж дальше демонстрируй своё мастерство, удивляй близких. Непременно также готовится плов. Однако главное не изобильное застолье, а то, что его радости необходимо разделить

с родственниками и друзьями. Поэтому в обычае в этот день и приглашать гостей, и самим в гости ходить. А уж коли знакомым забежать недосуг, то им посылают *хончу* – медный поднос, густо заставленный различными лакомствами.

Отсидев положенное время за праздничным обедом, перепробовав кучу сладостей, среди которых обязательно будет несравненная азербайджанская пахлава, спешат на улицу, поскольку самое веселье именно там.

В Новруз весь центр Гянджи покрывается эстрадами и нарядными шатрами. Певцы, актеры, музыканты, многочисленные профессиональные оркестры и самодеятельные коллективы показывают свое мастерство. Не меньше аплодисментов от публики получают и соревнующиеся в силе богатыри-пехлеваны. Кстати, состязания последних совсем не шуточные. И гири, которыми с легкостью жонглируют спортсмены, настоящие, и единоборство ведется не понарошку.

Самые большие толпы собирает дуэт насмешников-обманщиков – Кесы и Кечала. Эти герои азербайджанского фольклора так забавно высмеивают горожан и гостей праздника, что от смеха не могут удержаться даже не слишком хорошо понимающие все тонкости их юмора иностранцы.

При этом давно подмечено, что у людей с хорошим настроением аппетит бывает отменным. И как тут не откликнуться на манящие запахи, которые струятся из каждого ресторана, от каждого мангала. Если надо всего лишь заморить червячка, то можно тут же, на улице, съесть изумительный по вкусу шашлык или люля-кебаб, а уж коли есть желание порадовать себя всерьез, то смело заходите в ближайшее кафе. В Гяндже они различаются только дизайном интерьеров, а кормят везде одинаково хорошо, разнообразно и с выдумкой. Гянджинец на эту похвалу лишь покровительственно усмехнется. Дескать, уж готовить наших поваров учить не надо. В еде мы толк знаем.

Но, понятно, не хлебом единым жив человек. И за качество духовной пищи Гяндже краснеть не придется. В 2017 году была торжественно открыта новая филармония. Без всяких скидок на местный патриотизм надо признать: таким зданием может похвастаться не каждая европейская столица. Есть здесь театры, картинные галереи, музеи и огромный парк – третий по размерам в мире – с огромным количеством аттракционов, детских и спортивных площадок, летним театром и искусственным озером. И уже заложен большой стадион.

В общем, Гянджа может проводить любые мероприятия, даже международного масштаба. Город принимает и фестивали, и чемпионаты, и деловые конференции. И каждый раз делалось это с размахом и неизменным гянджинским гостеприимством.

Как-то пришлось слышать, что гянджинцам свойственна надменность. Мол, город всегда был столь богат, что его жители смотрели на остальных свысока. Думается, это поклеп или недопонимание. Да, гянджинцы – гордый народ, но и очень приветливый. В ответ на ваше: «Здравствуйте!» все лица расцветают улыбками. «Салам, добрый человек! Входи в дом! Будь гостем! Мы тебе рады!»

Давно уже заметил: биографии что российских, что азербайджанских олигархов написаны мало того, что без выдумки, но еще и под копирку. История их восхождения, по официальной версии, выглядит примерно так. До какого-то момента они были никем, но однажды «по щучьему велению, по чьему-то хотению» наутро проснулись чудовищно богатыми людьми. Чудеса, да и только! Но поскольку я сказки давно уже разлюбил, мне куда интереснее генезис успеха публики попроче.

Есть неподалеку от города **Гяч** хозяйство, владелец которого один из самых бескорыстных правителей мира. У него 40 миллиардов подданных, трудолюбие которых давно вошло в поговорку, как, впрочем, и отвага. Он один из самых известных пасечников Азербайджана, председатель правления Ассоциации пчеловодов этой страны. Зовут его Бедреддин Гасратов, и его биография достойна включения в справочник «Self-made men», буде такой когда-нибудь создан.

Он среднего роста, сухопарый, подвижный и улыбчивый. На вид ему лет 45-50, хотя на самом деле уже разменял седьмой десяток, воевал в Афганистане и был там тяжело ранен. Он об этом умолчал, рассказал его друг, а сам Баддрадин говорил большей частью о пчелах. История его романа с ними удивительна.

И дед, и отец были чабанами. Другой дороги для сына не видели, поэтому вполне логично после окончания школы оказался с отарой на пастбище. Дальше я даю рассказ Бедреддина без купюр и редактуры. Как он сохранился на диктофоне.

– Овцы пасутся, я сижу под деревом, читаю. Книги с детства очень люблю. У меня и сейчас большая библиотека. Вокруг дикie пчелы летают. Я заинтересовался, стал за ними наблюдать. И так мне любопытно стало, что едва вечера дождался. Побежал в село, нашел в библиотеке книгу о пчелах. С этого все и началось. Перечитал все, что удалось достать. И чем больше узнаю о них, тем сильнее мне хочется на пасеке работать. А их в районе у нас не было. И родители против. Что делать?! В один из дней собрал чемодан и тайком уехал в Москву. Почему так далеко? Боялся, что в Баку найдут и домой вернут. Приехал в Москву. Ни знакомых, ни денег. Три месяца жил на вокзале, чтобы с голода не умереть, ходил вагоны разгружать.

Потом мне один человек сказал: «Иди в министерство, которое пчеловодством занимается. Может, помогут». Нашел это министерство. Прихожу к ним. «Я, – говорю, – из Азербайджана. Очень хочу стать пчеловодом». Они удивились, как далеко я забрался. Но хорошие люди оказались, направили в подмосковный совхоз. Его директором чеченец был. Он мне говорит: «Я с Кавказа, и ты с Кавказа. Землякам помогать надо. Возьму тебя пасечником».

Как я был счастлив. Всю неделю на пасеке, а по субботам ездил в Академию сельского хозяйства слушать лекции о пчеловодстве. Их настоящие ученые читали. Познакомился с ними. Они мне подсказали, что еще прочитать. Через два года я уже был заместителем директора, заведовал всеми пасеками.

На этом месте Бедреддин, возможно, намеренно прервал рассказ и, извинившись, ушел в дом. Возвратился через минуту с подносом, уставленным различными видами меда. Понятно, собственного производства. Антракт, который ушел на «ахи», «охи» и чмокание губами (это когда уже не хватало слов, чтобы выразить восторг), занял не меньше часа, поэтому на лакуну в повествовании хозяина никто не обратил внимание. А продолжил он с девяностых годов. Не хотелось ему, видно, вспоминать ни Афганистан, ни ранение, ни долгое выздоровление, с которым ему опять же помог пчелиный прополис.

– Вернулся домой, когда узнал, что мама заболела. Что в Азербайджане творилось тогда, вы знаете. Как жить?! Никто не знает. Но мысли о пчелах меня не оставляют. Думаю, прикидываю, считаю. Помню одну ночь. Пишу на кухне бизнес-план. При керосиновой лампе. Электричества в доме нет. Вышла жена, заглянула в бумаги. У меня там миллионы, а дома куска хлеба нет.

Бедреддин засмеялся, а мне, честно говоря, плакать захотелось. У скольких хороших людей в те годы судьба была изломана. И ради чего... Или все-таки ради кого?

– Но как-то вывернулся. Купил несколько ульев. Потом присмотрел участок под пасеку. Фирму организовал. Теперь поставляем мед в Японию, Катар, ОАЭ, Англию. 1260 ульев, 6 тонн меда ежегодно, а еще прополис, цветочная пыльца и много еще чего. Пчелы дают 14 видов продукции. А самое главное, что? Они же растения опыляют. Там, где пасеки, всегда хороший урожай.

У пасеки образцовый вид. Рядом с ней большой дом, в котором размещаются лаборатории и школа, которую создал Бедреддин. В ней на полном пансионе обучаются юноши и девушки – будущие пчеловоды. А с прошлого года он стал проводить семинары для всех желающих приобщиться к этой сладкой профессии. Много ездит по стране, читает лекции, выступает в школах. В 2016 году добился организации Ассоциации пчеловодов, получил финансовую поддержку государства.

Правда, это на бумаге все так здорово выходит. А чтобы создать Ассоциацию, он два года ходил по кабинетам чиновников и ходил бы до сих пор, если бы ни удалось пробиться к первому вице-президенту Мехрибан Алиевой. Та выслушала рассказ о его мытарствах и, ничего не обещая, лишь кивнула головой. Не успел он доехать до дома, как те, что раньше и говорить с ним не хотели, обрывали телефон. А летом 2019 года чуть ли не каждое СМИ сочло своим долгом доложить: производство меда выросло более чем в два раза, его готовы покупать многие страны. Кто-то Гасратова упомянул, большинство предпочли процитировать разного ранга «ответственных лиц».

– Я свой бизнес-план пока до конца не выполнил. Но как закончу, передам хозяйство и заживу с несколькими ульями. Устал очень, – признается Бедреддин. – Все это такой кровью далось...

Вот такая история Dolce Vita – «сладкой жизни» Бедреддина Гасратова.

Баку прекрасен. Это город-мечта, город-феерия, город-сказка. Одетые в гранит берега Бакинской бухты опоясывает зеленая лента Приморского бульвара. Его протяженность 15 километров, он один из самых больших бульваров в Европе. И, несомненно, самый красивый. Здесь яркие цветники сменяют экзотические деревья, а под тенистыми чинарами устроились кафе и рестораны, где можно и чаю выпить и плотно пообедать. По каналам Бакинской Венеции медленно плавают надменные гондолы, а струи музыкальных фонтанов взмывают к небу, чтобы рассыпаться сверкающей на солнце водяной пылью.

Выше поднимаются кварталы делового центра. Он очень своеобразен. Здания начала прошлого века в неоготическом стиле и рядом знаменитый бакинский модерн и неоклассицизм. И тут же высотки отелей, торговых и бизнес-центров. В общем, эклектика, а смотрится здорово. Преобладающий цвет бело-кремовый, поскольку дома облицованы плитами абшеронского ракушечника. Когда наступает вечер и небо темнеет, город светится, будто огромный белый опал.

А дальше начинается Старый Баку. Точнее начинался, потому что от него осталось лишь несколько кварталов. На их месте теперь разбит многоярусный Центральный парк. Сожалений по поводу сноса сотен домов, конечно, масса. Признаться, гулять по узким улочкам Старого Баку было приятно: экзотики на них было с избытком. Но вот жить в этих двухэтажках с прогнившими лестницами, висящими на честном слове балконах, в соседстве с крысами, тараканами и клопами было хлопотно.

В конце концов те, кого заедает ностальгия, могут посетить находящийся за стенами Бакинской крепости Ичеришехер. Там в изобилии построек и XVIII, и XIX веков. И, конечно, высится знаменитая Девичья башня, с которой связано несколько легенд, непременно пересказываемых экскурсоводами и составителями туристических буклетов. В каждой присутствуют красавица, её жестокий отец и молодой человек, добывающийся любви девушки. Естественно, кончается все трагически. К реальному назначению башни они, скорее всего, никакого отношения не имеют, и пересказывать я их не буду. А тем, кому любопытно узнать, как выглядит это загадочное строение, рекомендую купить коньяк «Баку». На его этикетке изображена Девичья башня во всех деталях. И башню можно рассмотреть, и хороший коньяк попробовать. Мне же она за годы поездок в Азербайджан порядком намозолила глаза, поскольку присутствует на всех видах сувенирной продукции, на плакатах и постерах. И, понятно, не мне одному. Увидеть около башни бакинца так же трудно, как и москвича на Красной площади.

В центре Ичеришехер находится дворец Ширваншахов. Вид у него волшебный. Он словно перенесен из «Тысячи и одной ночи». Некогда хранившиеся в нем сокровища были неисчислимы. К тому же это был один из самых блестящих дворов Востока. Да и сейчас, спустя многие века и разорительные нашествия врагов, дворец поражает воображение соразмерностью и изяществом строений. Ичеришехер и дворец Ширваншахов внесены ЮНЕСКО в список Всемирного наследия человечества.

В конце XIX века Баку считался самым красивым городом на Кавказе. Он стал столицей нефтяной провинции. Надо отдать должное азербайджанским нефтепромышленникам: они не только строили особняки для себя, но и изрядно вложились в Баку, украсив его великолепными зданиями. Достижения тех архитекторов оставались непревзойденными долгое время. Даже монументальные «сталинские» ансамбли, которые возвели в столице Азербайджана после войны, смотрятся неуклюжими рядом с дворцами периода нефтяного бума. Но самые поразительные изменения в облике Баку произошли в последние два десятилетия. Строят очень много и строят хорошо. Самое невероятное здание в нем, сразу признанное всеми экспертами планеты мировым шедевром – Центр Гейдара Алиева, творение великой Захи Хадид. Оригинален дворец Baku Crystal Hall, построенный к «Евровидению-2012». Он похож на огромный бриллиант. А разве не вызывает восхищение Олимпийский стадион на 64 тысячи зрителей, возведенный к Первым Европейским играм! Или Международный центр мугама! Офисные здания Порт-Баку! Новые кварталы Белого города! Музей ковра или бакинский брэнд – три двухсотметровых небоскреба Flame Towers, сооруженных в виде трех языков пламени! Баку внимательно отслеживает все тренды градостроительной моды, но при этом умудряется сохранять и лицо, и свой неповторимый стиль города парков и музеев, картинных галерей и выставочных залов, театров и бережно сохраняемых старинных зданий, по-восточному яркий и по-европейски рациональный, умеющий до седьмого пота работать и широко, от души отдыхать. И еще очень доброжелательный. Здесь не заблудишься, не пропадешь. Обязательно подскажут, помогут. А узнав, что ты из Москвы, непременно сообщат, что кто-то из родственников живет или работает в России. Дескать, мы – не чужие люди.

Гостеприимство немислимо без хлебосольства, а в нем азербайджанцы великие мастера. Но даже если случилось так, что в гости вас не позвали и вы предоставлены сами себе, поверьте, не пропадете. Хорошо поесть тут не проблема. Невкусно готовить в Азербайджане не умеют. Здесь первые кулинарные книги появились почти восемьсот лет назад. Проблема – выбрать, что съесть, поскольку даже в самом маленьком кафе на окраине города, где и меню-то считают излишней роскошью, хозяин предложит вам такое количество блюд, что голова пойдет кругом, если, конечно, она не пошла кругом раньше от аппетитных запахов, доносящихся с кухни. Поэтому смело заходите в любой ресторан и будьте уверены – еда будет высшего сорта. Ну, нет тут другой!

На территории Азербайджана географы насчитали девять климатических зон из одиннадцати, существующих на нашей планете. Особенности флоры и фауны каждой зоны, безусловно, наложили отпечаток на рецепты и способы приготовления блюд. Как, впрочем, и некоторые другие факторы: традиции, предпочтения, образ жизни. Так что шашлык, который вам приготовят в горах Лерика, что на юге страны, будет массой вкусных нюансов отличаться от шашлыка с севера, из Загатальского района.

Баку стоит на Абшеронском полуострове, где летом дожди выпадают крайне редко, а зима, как правило, бесснежная. Поэтому скота здесь от веку выпасали мало, садоводство и огородничество не процветали. Мясо, овощи, зелень стоили дорого, поскольку по большей части их везли издалека. И рачительные и по-восточному мудрые здешние хозяйки старались готовить как можно больше блюд, содержащих тесто.

В этом и состоит специфика бакинской кухни. Безусловно, придя в ресторан, имеет смысл отведать и кебаб из разных видов мяса, и плов, рецептов которого азербайджанцы насчитывают не менее четырехсот, но при этом обязательно следует попробовать такие блюда, как джюбара, гюрза, хамраши, хингяль и, конечно, несравненные бакинские кутабы.

Джюбара восхитит самого привередливого гурмана. Она состоит из крепкого наваристого бульона, сваренного с душистыми травами и кореньями и заправленного крошечными пельменями (если вы не знаете, что это такое, процитирую клас-

сический толковый словарь XIX века Владимира Даля: «вареные пирожки с мясом»). Размеры пельмешек в дюшбаре таковы, что столовая ложка вмещает от 10 до 15 штук, хотя особо искусные хозяйки умудряются делать их еще меньше. Это по-настоящему ювелирная работа.

Гюрза – это тоже пельмени, но покрупнее, начиненные по-особому приготовленным фаршем и подаваемые под самыми разными подливами. Хамраши – первое блюдо, которое готовится на основе фрикаделек из баранины, фасоли, лапши и шафранового настоя. Хингяль по-азербайджански хоть и делается из пельменного теста с фаршем, но совершенно не похож на грузинское блюдо «хинкали», которое представители этого народа прославили по всему миру. В азербайджанском варианте хингяль ближе к итальянской лазанье. Но главное, конечно, не все эти межнациональные сходства или различия. Главное, что это очень вкусно!

Ну и, наконец, несравненные кутабы. Это небольшие плоские пирожки из очень тонкого теста, по форме напоминающие полумесяц. Начиняют их мясом с зернышками граната или разнообразной пряной зеленью. Пекут на толстой чугунной сковороде («садже») или в тандыре (большом глиняном сосуде, вкопанном в землю, на дне которого горячие угли). Затем готовые кутабы смазывают маслом и подают на стол с кислым молоком. Обычно с них начинают обед, хотя они настолько вкусны, что ими же хочется его и продолжить.

И в ресторане, и в гостях вам предложат не только эти, но еще три десятка блюд. Вы – гость, для вас – лучшее. Но сами азербайджанцы обычно питаются довольно скромно. Основу их рациона составляют хлеб, которого едят очень много, сыр, масло, зелень, мед и какое-нибудь горячее блюдо раз в день. Довольно равнодушно они относятся к сосискам и колбасам. Реклама «Мираторга», пожалуй, вызвала бы у них отвращение.

Спиртное потребляют не то что умеренно, а разумно. За сорок лет поездок в Азербайджан ни разу не видел пьяного. Точнее видел, но это были наши туристы. Никто не станет насильно вливать в вас водку или вино, уговаривать опрокинуть еще стопочку. Если скажете, что не пьете, отнесутся к этому с пониманием.

Впрочем, сколько можно о хлебе насущном, когда вокруг такая красота! Баку очень живописен с моря. Не менее интересно попытаться рассмотреть его с какой-нибудь высокой точки, – благо их в центре более чем достаточно, – но, чтобы почувствовать все очарование этого самого необыкновенного города на Южном Кавказе, надо прогуляться по нему. И не один раз. Свое мнение навязывать не стану. Каждый определит маршрут в соответствии со своими предпочтениями. Мне лично особенно нравится Торговая улица. Тут и яркие витрины, и нарядная публика, и маленькие кафе, где можно с комфортом посидеть, рассматривая гуляющих бакинцев.

Мужчины вас едва ли удивят: рубашка да брюки – такая же традиционная униформа, как у всех жителей восточных столиц. К тому же у азербайджанских мужчин всегда было принято одеваться скромно. Но вот бакинки... В течение пяти минут вы убедитесь: всё что писали о них средневековые поэты – чистая правда. В их красоту нельзя не влюбиться, их изяществом нельзя не восхищаться. А с каким вкусом они одеваются! Да, немного по-иному, чем парижанки, но ничем не хуже. Со своим особым восточным шиком, что вполне объяснимо: Баку на много тысяч километров восточнее, и у него собственная история, в том числе и женского национального костюма. Между прочим, весьма своеобразного и очень сложного.

Еще одно замечание. Расположившись в кафе, не заказывайте кофе. Не умеют его здесь варить и не хотят учиться. Возможно, и правильно, потому что чай в Азербайджане бесподобный. Азербайджан без чая немислим.

Люди, не бывавшие в этой стране раньше, наверное, считают, что больше всех на Земле чая пьют англичане и русские. Ничего подобного! По сравнению с азербайджанцами эти два народа просто иссушают себя жаждой.

Чаем в Азербайджане начинают обед и им же заканчивают. Его пьют утром, вечером и днем. Во время деловых переговоров и дружеской беседы. Грушевидный стаканчик «армуды», который так долго хранит аромат чая, самый верный спутник азербайджанца с первых лет жизни и до её последних минут. В чаепитии, если хотите, заложен немалый смысл: не надо торопиться и спешить, принимая важное решение. Оно должно быть взвешенным, а каждый последующий шаг продуманным. Попробуйте такое проделать, используя в качестве реквизита маленькую чашечку кофе, – ничего не получится. Придется этих чашечек выпить немереное число, в результате чего заработаете порок сердца.

Азербайджанское чаепитие – это стиль жизни, это ритуал. Может, менее сложный, чем японская чайная церемония, но столь же символический. И, кстати, более вкусный. Японцы, как известно, используют размолотый в порошок очень горький зеленый чай. Азербайджанцы предпочитают черный, хороших сортов, в том числе выращиваемый на юге страны, в Лянкяранских субтропиках. В него обычно добавляют чабрец и другие горные травы. К чаю полагается мелко наколотый сахар и варенье, готовить которое азербайджанки большие мастерицы. В качестве исходного материала для него используются все растущие здесь ягоды, фрукты и даже овощи. Иногда создается ощущение, что азербайджанская хозяйка может сварить варенье из табуретки. И вы никогда об этом не догадаетесь. Во всяком случае, в последние сезоны в Баку очень модно готовить варенье из оливок и баклажанов. Получается очень вкусно.

А еще надо помнить, что если чай придумали китайцы, то самовар изобрели азербайджанцы. Глиняный прадедушка самоваров был найден при раскопках в Шеки. Археологи определили его возраст в 3700 лет. Так что, когда во II веке до н.э. чайный лист был завезен в Азербайджан по Великому шелковому пути (во всяком случае именно в этом столетии знаменитая трансконтинентальная магистраль заработала в полную силу), устройство для его приготовления уже всюю функционировало, снабжая аборигенов крутым кипятком.

Возможно, в память о столь важном событии – соединении чая и самовара и возникновении чаепития – в Ичеришехер на одной из площадей установлена скульптура, изображающая чайник, на котором высится пирамида из армудов.

...Теперь, когда вы с удобством устроились, а официант снабдил вас всем необходимым для чаепития, можно и побездельничать. С моря дует легкий влажный ветерок, терпко пахнущий йодом. В прорехах между кронами деревьев светят пушистые южные звезды. А за спиной сияющим огнями амфитеатром поднимаются бело-снежные здания новостроек Баку.

...Я люблю бывать в Азербайджане. Но, как было сказано в одном анекдоте, не надо путать туризм с эмиграцией. Из окна гостиницы не разглядеть всех проблем, с которыми ежедневно сталкиваются жители этой страны. А они, конечно, есть. И бедных людей здесь хватает, и крестьянский труд очень тяжел, и жилье дорого стоит, и зарплаты не слишком высокие, и медицинское обслуживание не как в Швейцарии. Всё так. Но я вспоминаю Азербайджан 1992 года. Горы мусора на улицах, повсеместная нищета, чудовищная по масштабам безработица, чиновники занимаются откровенным вымогательством, в городах орудуют вооруженные банды, в Карабахе идет война. Единственное желание жителей – бежать куда угодно, в любую страну.

За три десятилетия объективно сделано очень много. И что особенно важно, изменения затронули не только, как в России, небольшую группу населения, обьявившую себя элитой, но всех граждан. Пусть понемногу, по чуть-чуть, но жизнь всех жителей Азербайджана с каждым годом становится лучше, сытнее, комфортнее. Этот вектор развития общества прослеживается очень четко. И у человека появляется цель, и средства, чтобы её достичь, и уверенность в завтрашнем дне.

МАРАТ ШАФИЕВ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАКИНСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

«И веришь в моё возвращенье...»

Вдруг приплыла ко мне старая книга Халдеева, нахлынули воспоминания – ещё одно цветное стёклышко в мозаику Бакинской Атлантиды.

Я уже несколько лет посещал литературное объединение «Родник» при «Вышке», но всё не осчастливился публикацией на ежемесячной поэтической полосе газеты. Впервые меня напечатал Халдеев в конце 80-х. Он недолгое время рулил «Родником» в промежутке между Кафаровым и Хатунцевым, и мне запомнился как человек мягкий и доброжелательный.

Ещё студентом АГУ имени Кирова (исторический факультет) в 1962 году 19-летний Саша стал лауреатом Третьего республиканского молодёжного фестиваля, а в следующем году его стихи победили во Всесоюзном поэтическом конкурсе, проводимом «Комсомольской правдой». Отец его – Василий Фёдорович, в 1937-1938 годах возглавлявший Азербайджанское государственное информационное агентство, показал стихи сына Ярославу Смелякову, который с конца 50-х приезжал в Баку и переводил азербайджанских классиков. Мэтр советской поэзии оценил стихи положительно и тепло пожал руку Халдеева-младшего.

Эта победа и это знакомство определили судьбу: открыли двери в толстые журналы, отправили колесить по необъятным просторам родины, а затем и по социалистическому лагерю. (Как известно: курица – не птица, а Болгария – не заграница – но всё же.) Расхожее заблуждение – будто поэтические вечера на эстрадах были изобретением и основным занятием исключительно Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулиной, Рождественского да Окуджавы. Любые вечера на любых площадках (хотя, конечно, масштабы стадиона Лужники с 14-тысячной аудиторией и районным клубом несопоставимы) шли на ура – дорвался народ до поэзии. Даже у технарей литературные познания считались признаком хорошего тона, поэтические сборники сметались с прилавков, как горячие пирожки. Командование Пограничных войск СССР наградило Халдеева Почётной грамотой за выступления на пограничных заставах, а комсомол – Почётным знаком ВЛКСМ.

С 1968 по 1972 годы Халдеев работал редактором отдела художественной литературы издательства «Гянджлик» («Молодёжь»), с 1976 по 1978 годы – начальником канцелярии Союза писателей Азербайджана. Литература в то время неплохо кормила – например, журнал «Юность» платил автору 300 рублей за лист, и один солидный роман мог тебя обеспечить кооперативной квартирой. И Халдеев уже на «вольных хлебах» переводил современных азербайджанских авторов; выступал во Дворцах культуры, которых в то время было очень много и которые работали с полной нагрузкой. В его трудовой книжке профессией значилось: писатель; была в советское время такая профессия: инженер человеческих душ.

Халдеев эмигрировал тихо, не устроив напоследок, как иные, нарочито шумную, весёлую «отходную». В Хайфе резко отделился от друзей и родственников, разошелся с гражданской женой, отказываясь общаться с их ребенком. Иногда он выуживал с полки тощую книжку стихов, накатывалась слеза по чему-то памятного и прекрасному, удивлялся, что эти поэтические строки, оказывается, написал он. Он давно пережил себя, и настоящая смерть уже не имела никакого значения.

Книги: «Искренность» (1964), «Каспийская радуга» (1966), «Признание в нежности» (1969), «Берег ветров» (1974), «Огни над городом» (1979), «Клятва на хлебе» (1985), «Преемственность» (1985).

Александр Халдеев

Трамвай предместья

*Трамвай, к восьми везущий,
Вагончик прицепной –
Клокочет, как Везувий,
Коллебясь подо мной...*

*Здесь нету пышных шубок
И дорогих пальто.
До чёрта смелых шуток
Имеется зато!*

*Здесь парни белозубы –
Нефтяник иль горняк,
Им заводские трубы
Над городом горнят.*

*Девчонки озорные,
Не замужем пока,
Глазами озарили
Сады и облака.*

*Они кричат со смехом
Вожатому: «Давай!
Раз отдан первым сменам
Бушующий трамвай!»*

*...Рассветы открывая,
Внимая голосам,
Рабочие трамваи
Спешат к восьми часам.*

*Грохочут, словно реки,
С дороги – не свернуть.
Бездельникам навеки
Сюда заказан путь.*

*И если кто не верит
В товарищей моих –
Прошу! Открыты двери
В трамваях голубых!..*

*И перехватит горло,
И понимаешь тут:
Проложен для вагона
В грядущее маршрут.*

*Его – рассвету рады –
Уж несколько минут
Хорошие ребята
На остановках ждут...*

*Ах, я такой везучий,
Мне здорово везёт,
Пока к восьми везущий
Меня трамвай везёт.*

(Не)услышанный крик

Младенец родился недоношенным и слабеньким, что и понятно – война только окончилась, народ недоедал. Врачи махнули рукой, понесли в морг, но мать – дикой кошкой выхватила еле дышащее красное тельце и прижала к груди.

А потом соседская девочка, сама ещё ребёнок, уронила малыша с балкона второго этажа. Доктор Топчибашев заново скроил череп и сказал: «Будет гений или идиот».

Няня тайком водила его в церковь. Для детского ума, всё впитывающего губкой, торжественная служба, золотой иконостас, аромат горящих свечей стали настоящим потрясением. Сказалась и польская кровь. Девичья фамилия матери – Зрадловская, и все мужчины в ее семье были офицерами. А отец хоть и был коммунистом, но принадлежал к роду служителей мусульманского духовенства.

Как-то мать, укладывая сына, распевала ладно звучащую сказку, мальчик вдруг приподнялся с постели: «Я тоже буду Пушкин!» Предзнаменование?! Кто знает?!

В его поэзии бросается в глаза женской линии и того злободневного, что на устах у всех – всё сжёг, оставив главное.

Всего-то и надо было выдавить из себя дюжину агиток. Но такое он не написал бы даже под расстрелом. Сотни рифмоплётов жили припеваючи. Впрочем, и революционные песенки не спасли бы положения: «У таланта руки коротки,/ Но у гения – отрублены». Он-то знал, и окружение вокруг осознавало необыкновенность им сотворённого. Знало и помалкивало – любому человеку тяжело переносить своё несовершенство.

А он в последние десять лет жизни вообще замолчал. Он теперь мог позволить себе молчать – за спиной сквозила Вечность.

Рядовым пенсионером прозябал, мучимый недугами, гулял в парке вдоль своего изогнутого и вытянутого Кривого Дома. Глотал горстями лекарства, но по-настоящему от жгучей сердечной боли избавлялся читаемыми про себя собственными стихами.

Когда-то он не в фантазии, а в самом деле на несколько мгновений заменил измученного на кресте Христа, и история мира высочайшим напряжением полоснула по сердцу: «Пулсирует сердце, чей каждый толчок,/ Шумя и дымясь, насыщает века». О чём ещё ему говорить, куда ещё шагать с этой высоты? Дальше только космический разреженный воздух, куда путь телесному заказан.

Гений пишет для гениев, и с гениями его надо обсуждать. Он никак не сочетается с обывателем – сторонником самодовольного идиотизма и неискоренимой ментальной лени.

Экрам Азизович Меликов окончил Азербайджанский педагогический институт, работал научным сотрудником в Музее истории. При материальной помощи своей ученицы Валентины Эфендиевой издал пять книг: «Бульвар-Вселенная» (1997), «NODDEGAMRA-ROK (2001) (читать наоборот), «Стихи белокурого Бести» (2002), «Настежь» (2004), «Крест судьбы» (2005).

29 октября 2016 года в узком семейном кругу (жена и дочь – Ясмينا) он отметил 70-летие. Поздравляли по телефону несколько человек. А 4 ноября Экрам предстал перед Всевышним.

Одна чаша весов опустилась под тяжестью его гордыни, презрения к роду человеческому, а на другую возложили его стихи. И другая чаша перевесила.

Экрам Меликов

Подземный мавзолей

*Что ещё попрошу я у жизни, у стервы,
Глубоко под землёй распластавшийся ниц.
Как улитки из раковин, белые черви,
Копошась, из моих выползают глазниц.*

*Я затих, как затихли иные пророки,
Те, что жили давно близ лачуг и палат.
Ни гастрита, ни кашля, ни прочей мороки.
Даже зубы, а это великая вещь, не болят.*

*Я сквожу решетом. Мне легко и беспечно.
Челюсть, сбросивши мясо, скрипит, как крыльцо.
Жизнь, конечно, трагична, затем, что конечна.
Но у смерти, поверьте, простое лицо.*

*И судьба не игра, а всего лишь игрулька.
Под землёю мне слышно: шумны и тихи,
Патриоты рождаются с пулями в люльках,
Идиоты по-прежнему пишут стихи.*

*Я вот тоже шалил. Ничего нет нелепей,
Чем случать словеса. Ну-ка рифмами вдарь!
А душа, она где? Неужели на небе?
Тогда кто же поблизости плачет, как встарь?*

*Прочь гони. Пусть пульсирует рифмы аорта.
Всю вам правду скажу, размыкая гроба:
В черноте эфиопской ни бога, ни чёрта
Я пока не заметил. Видать, не судьба.*

*Но ушедший во мглу, ощущаю кочевья
Птиц, собак и людей, прочей твари земной.
Да ещё, как растут облака и деревья:
Это вечная падаль питается мной.*

*Я желаю ей счастья. Блаженствуйте в мире.
Воспевайте любовь и берёзок кору.
Как он там написал о заветной, о лире?
Встречу классика, уши ему надеру.*

«А ветры продувают уголок, И звёзды прожигают потолок»

Олег Поляков, 1951 года рождения, умер от обширного инфаркта 53-летним.

Русская мать и отец-азербайджанец, но азербайджанский клан очень быстро разлучил новую семью – невестка, в 18 лет призванная на войну, служила на радиолокационном посту при зенитной батарее (у неё обнаружили абсолютный слух), а отношение к воевавшим девушкам было предвзятым. Олег отца не знал, воспитывался маминими родителями-дворянами, оказавшимися в Баку во время революции. Уже в юности стала развиваться атрофия мышц, и в 30 лет он сел в коляску. В это же время ушла жена – крымская княжна, но дочка-подросток Эвелина осталась с ним.

Поляков перепробовал всё и, разочаровавшись в официальной медицине, занялся самолечением. Правильное дыхание – это функция оздоровительная, но человек более высокого порядка дышит, чтобы укрепить и поддержать прорыв в высшую сферу бытия. Классические книги мамы – учительницы русского языка вытесняла духовная литература. Времени было много, он писал стихи и тексты для газеты «Молодёжь Азербайджана», научился собирать «энергетический шарик», перебрасывать его с ладони на ладонь. С помощью друзей дважды летали к самому Саи Бабе. Здесь можно было жить бесплатно; в соседних комнатах, помимо простого люда, расположились Мстислав Ростропович, английский принц Чарльз, арабский шейх. Родная деревенька индийского гуру – Путтапартти превратилась в город с аэропортом, больницей, школой, планетарием, Дворцом спорта и Музеем всех религий. Откуда деньги? Эксцентричный гуру – с большой копной чёрных кучерявых волос на голове, худой, тёмный кожей, больше похожий на негра, – смеялся и для жаждущих чуда демонстрировал свой знаменитый фокус – откашливался золотыми монетами. Гуру не открывал ничего необыкновенного для вечного Востока, но для «совка» всё звучало откровением: «Жизнь – это неосознанная йога, а йога – это осознанная жизнь. Все люди – йоги, хотя большинство даже не подозревает этого». «Может ли быть йогой адепт другой культуры?» – спрашивали Саи Бабу. «Разные религии – это всего лишь разные двери в один и тот же храм. Для тех, кто вошёл в храм, двери уже не имеют значения! Нет нужды стоять на улице и спорить, чья дверь лучше. Сама жизнь сакральна. Религия – только одна из оболочек жизни, через которую надо пройти».

Ныне уже разрушенный двухэтажный старинный особняк, с внутренним двориком и бассейном, сильно изуродованный пристройками и превращённый в огромную коммуналку, где и жили Поляковы, располагался на Баиловском взгорье: чудный вид на море и восход солнца. Но для прикованного к постели мир ограничен пространством комнатухи. Но что путешествие? Глупость, мудрый познаёт мир, не сходя с места. Вокруг него собралась группа единомышленников. Наступила новая (или старая) бандитская эпоха раннего капитализма. Власть бросила лозунг: «Обогащайтесь!», а здесь разговоры сводились к одному: «Духовные законы так же реальны и неизблемы, как закон земного притяжения». Но Поляков ощущал это физически: если сам настроен позитивно к людям, то и энергия твоя светла и лучиста, если зол и раздражителен, то энергия затуманена и разрушительна. Он водил рукой вдоль тела сидящего перед ним, и рука сама, испытывая жар или вязкость, натыкалась на зону неблагополучия. Зная анатомию, можно было определить больной орган. Иногда рука чувствовала пустоту, и Поляков до самозабвения, до потери сознания облучал пустоту. Не надо бояться потери своей энергии, она быстро восстанавливается.

Первая «детская» книга Полякова вышла ещё в 1985 году (издательство «Гянджлик», Баку, 100 000 экземпляров, цена 10 копеек). И если любознательных друзей Руфата и Вовчика в их повседневной, полной событиями жизни интересовало: где ночуют осы, опасна ли фаланга, откуда берётся нефть, то худенького мальчика с

большими любознательными глазами из книжки 2003 года «Три слона» беспокоит иное: «Чандра спрашивает мудреца: «Ты обещал рассказать мне о трёх великих слонах, на которых покоится человеческая жизнь». Гуру улыбнулся и указал место подле себя...» А в своей брошюре 2001 года «Дорога к пиру» Поляков рассказывает о многочисленных святых местах Азербайджана, с которыми был знаком не понаслышке. Он и похоронен возле шиитской святыни – на мусульманском кладбище Биби-Эйбата. В чём различие между путешествием и паломничеством? Путешествие переносит вас из одной точки пространства в другое, а паломничество переносит из пространства в не-пространство.

Ему всё тяжелее становилось дышать. Он умер во сне, возможно, так и не осознав своего исчезновения. Но даже если осознал... Он считал, что самая большая иллюзия нашей эпохи состоит в том, будто люди живут на земле всего один раз, а потом больше ничего нет. Эта иллюзия порождает эгоистическое желание наслаждения, вместо того, чтобы извлечь из жизни урок. С этой верой умирать не страшно: «У тайного предела/ Скажу, легко дыша...» Его книга 2000 года так и называлась «У тайного предела».

Олег Поляков

*Опять проходят люди мимо дома.
Опять спешат (откуда и куда?)
Знакомых лиц,
А чаще незнакомых,
За окнами проходит череда.*

*И сумерки густеют за стеклом,
И звёзды там не по-ночному редки,
И ветер там –
огромный, будто слон,
Бежит по улице
И задевает ветки,
И кружит листья...
Только и всего.
Соседний дом.
Скамеечка.
Ограда.
А больше там и нету ничего.
А больше мне и ничего не надо.*

«Я рою колодец глубокий...»

Недолгое счастливое детство бакинского мальчика: летом семья переезжала на крупнейшую дачу, превосходившую размером даже дачу бывшего миллионера Мухтарова, располагавшуюся здесь же – в Мардакянах. Сладкая мякоть инжира и винограда, с соседскими ребятами бегали на море, к 1 сентября в школу возвращались загорелые до черноты.

Недолгое потому, что умерла мама. Когда Теймур Гылманов уже стал студентом-филологом Азербайджанского педагогического института, умер отец – Эльдар. Опекал его родной дядя – профессор каких-то точных наук, но, наверное, здесь требуется другая точность. «Позади смерть, справа и слева смерть, впереди – смерть», – Гылманову казалось, что смерть окружает его, было несколько попыток суицида

(«Смычком ножа сыграю скерцо/ На струнах охладевших вен»), его годами держали в психиатрической лечебнице. Подобный произвол вызывал в нём бурное ожесточение и сопротивление, что надолго удлиняло сроки заключения. В лечебнице его навещала Севиндж Гейдарова, он просил папиросы, буквально глотал апельсины вместе с кожурой, жаловался, что всеми оставлен.

Единственной отрадой оставалась поэзия. В газетах и журналах Баку и Тбилиси публиковался он с 16 лет; в коридоре здания на Коммунистической, 31, где размещались редакции, читал мне свою поэму о Колумбе – я слушал, разинув рот.

90-е – годы не литературные, журнал «Литературный Азербайджан», например, выходил раз в три месяца, каждый выживал в одиночку. Гылманов бродил по городу неприкаянный, в тапках, в рубашке на голое тело, не прочь выпить – если кто угостит. В квартире царил разуха, толстая пыль, в умывальнике среди невымытой посуды сновали рыжие тараканы, на стол вместо скатерти застилались газеты. Зато книжные шкафы до потолка. В 2003 году кто-то распечатал ему на принтере две самодельные книжки «Корень красоты», «Третья сторона медали», куда попали почему-то не самые лучшие стихи из тех, которые мы все слышали в литобъединении «Родник».

30 января 2006 года во время празднования Нового года в психиатрической больнице случился пожар. Теймуру было 42 года.

«Гылман» в исламской мифологии – юный служитель рая. Какая насмешка судьбы – противоречить пророчеству, но даже в падшем ангеле есть огненная суть. Краше солнца – красная смерть! Огонь не всегда наказание, огонь и очищение. Нам всем, даже праведникам, предстоит пройти через огонь.

Севиндж Гейдарова позвонила жене дяди (слабый сердцем, тот к тому времени тоже умер) и попросила отдать архив, жена привезла тоненькую тетрадку с выцветшими чернилами, сказала, что больше ничего нет.

«Я рою колодец глубокий» – самое известное стихотворение Гылманова. Когда Смерть окружает, есть два выхода: вверх или вглубь. Рытьё колодца чревато самопогребением. Со дна колодца звёзды видны отчётливей и ближе.

Теймур Гылманов

Ночь на Гёйгёле

*Господи! Как колосятся звёзды!
Небеса обильно проросли.
Злаки спелы и пронзили воздух, –
Он жнивьем летит к ночам земли.*

*Оторопь. Привиделось, быть может?
Но, смотри-ка, прямо у воды
К озера прозрачно-белой коже
Дотянулся колосок звезды.*

*Терпкий запах так щекочет ноздри,
Озеро уж затаило дух...
А потом вздохнуло – те же звёзды
Заплескались рыбками вокруг.*

*Я смотрел, глазам своим не веря.
Млечный Путь с резной косой исчез.
И вдыхали Бог, и я, и звери
Запах свежескошенных небес.*

ГУСЕЙНБАЛА МИРАЛАМОВ

Медальон

Рассказ

Это было в Баку лет пятьдесят назад. Мои сверстники помнят те времена. В просторном дворе, окруженном двухэтажными домами, жили люди разных национальностей. Двор некогда принадлежал бакинскому миллионеру, раскулаченному советской властью. После революции здесь поселились простые люди, или, как они с гордостью признавались, из рабочих. Впрочем, это дела давно минувших дней... Двор был излюбленным местом детских забав. Мальчишки соорудили себе футбольную площадку, крупные баталии приходились, как правило, на выходные. А в остальные дни площадка была в распоряжении девочек, предпочитающих волейбол. Шумные футбольные поединки дворовых команд вызывали большой ажиотаж. Поглядеть на это действо выходили едва ли не все соседи.

— Ваня, пасуй!

— Джабиш, не зевай!

— Хача, штрафной!

— Гога, пенальти!

— Муся, пасуй назад, не мямли!

— Гова, оглядись! – выкрикивали болельщики с балконов и раскрытых настезь окон.

Команды были интернациональными: азербайджанцы, армяне, русские, лезгини, аварцы. Муся, Джабиш – азербайджанцы, Ваня и Дима – русские, Хача и Гова – армяне, Гога – грузин. Небольшой двор был своего рода Азербайджаном в миниатюре. Люди жили душа в душу, одной большой семьей. Дворовые ребята были не разлей вода, но Иван и Хачатур словно породнились – они встречались чуть ли не каждый день, вместе делали уроки, вместе ходили в школу и сидели за одной партой. Как-то классный руководитель рассадил закадычных друзей за болтовню на уроке. Жутко расстроившись, ребята приуныли в разлуке, пришлось даже вызывать родителей. Учились они неплохо. Ваня бойко изъяснялся по-азербайджански и по-армянски, Хачатур освоил русский, но по-азербайджански говорил неохотно.

Друзья понимали друг друга с полуслова. Их дружба была искренней, непритворной. Они и сами не помнили, как подружились. То ли их сблизила общность характеров, то ли некое родство, узы, соединившие двух школьников незримыми нитями. Иван и Хачатур вместе окончили школу, и вот настала пора взрослой жизни. И тогда друзья решили не разлучаться. Они приняли решение поступать в одно и то же высшее учебное заведение – в Военную академию им. М. В. Фрунзе. Родители не разделяли выбора сыновей, хотя испытывали гордость от осознания того, что они будут стоять на страже Родины. Но душу все же точило беспокойство...

Настала пора прощаться. Проводить Ивана и Хачатура в Москву пришли друзья, родственники и соседи. На вокзале царил суета. Иван и Хачатур в сопровождении сверстников шумной ватагой влетели в купе. Ребята балагурили, шутили, и лишь пронзительный гудок, возвестивший об отбытии, разогнал их разудалую компанию. Вагон качнулся и тронулся, унося двух неразлучных друзей в новую, неизведанную жизнь. Иван и Хачатур высунулись из окна. На лицах родителей мальчиков читались тревога и беспокойство.

– Москва – большой город, там легко затеряться, держитесь вместе, помогайте друг другу...

– Пришлите фото в военной форме, – кричали с перрона родители мальчишек.

– Не общайтесь с незнакомыми девочками, мало ли... – прокричала вослед мама Хачатура – тетя Наири.

Покраснев до ушей, молодые люди рассмеялись.

– Ребята, в общежитии держитесь вместе. Спустя пару месяцев мы навестим вас, – сказал отец Вани – дядя Михаил.

– Не волнуйтесь, все будет хорошо.

– Как устроитесь, сообщите. Что понадобится, пришлем через знакомых, – назидал дядя Ованес.

Провожатые желали юнцам доброго пути, атмосфера на перроне была пронизана волнением и щемящей грустью. Отец Джебраила и Мусы торопливо всучил в руки Ивана и Хачатура бутылки минеральной воды и лимонада.

– Храни вас Бог! – надрывно выкрикнул он дрожащим голосом.

Мерно покачиваясь и грохоча, поезд отдалялся от перрона.

– Да благословит вас Всевышний, возвращайтесь, справим свадьбу.

– Спасибо, дядя, берегите себя! Увидимся-я-я! – крикнул Ваня, высунувшись из узенького окна купе.

Вскоре гулкий стук колес затих, и люди стали расходиться... Вокзал смолк и приуныл...

Иван и Хачатур устроились в общежитии при академии и постепенно осваивались в незнакомом городе. Два закадычных друга были, как и прежде, не разлей вода. В Москве их, не мудрствуя, называли бакинцами.

В ту пору столица советской империи была авансценой политических перипетий и интриг. Сменилась власть, верхушку могучей державы лихорадило. Иван и Хачатур успешно окончили академию и заступили на службу в подмосковные части, расположенные неподалеку. В знак дружбы они обзавелись памятным медальонами. «Знать бы, что за таинственные зазнобы изображены на этих медальонах», – расплываясь в улыбке, подмигивали знакомые юношам. Отчего-то окружающие приписывали это делам сердечным.

Вскоре тихая, размеренная жизнь сменилась тревогами. Новость по радио прозвучала, как гром среди ясного неба. Подскакив с кровати, Хачатур прибавил звук. Надрывный, трепещущий от волнения голос Мирзы Хазара пробирал до самых костей. «В армянском городе Гугарк 11 азербайджанских детей замуровали в трубе, предварительно бросив туда горящую, смоченную в мазуте, тряпку», – сообщало радио.

Кровь отхлынула от лица Ивана, тотчас побелевшего, как полотно.

– Неужели такое возможно? Разве человек способен на такое?!

Хачатур поджал губы. Он сидел, не шелохнувшись, будто ловил каждое слово переданной по радио сводки. Иван бросил на него взгляд, полный негодования. Он ждал поддержки от друга, но тот словно в рот воды набрал. «Хмм», – процедил Хачатур спустя некоторое время. Быстро одевшись, друзья выскочили за порог. Новость уже разлетелась по воинской части. Все наперебой говорили о массовом изгнании азербайджанцев из Армении. Сослуживцы расспрашивали Ивана и Хачатура, узнавая, как на самом деле обстоят дела. Вдали от родной стороны Иван пребывал в неведении и замешательстве. Он пытался убедить себя в том, что все это происки бандитской шайки, и вскоре жизнь вернется в прежнее русло. В воздухе витало напряжение. Хачатур задумчиво молчал. Как отрешенный дух, бродил он и все время

словно что-то прикидывал. Невидимая грань пролегла между приятелями. Со временем люди перестали удивляться изливаемым радио чудовищным по своей жестокости новостям. Всё в одночасье стало обыденным, люди словно свыклились с действительностью. Такова природа людская! Хачатур молчал днями напролет, всё думал о чем-то своем. Иван чувствовал, что друг всячески избегает разговора с ним.

– Хача, о чем ты все время думаешь? – спросил однажды Иван напрямик.

Хачатур сидел, уронив голову на руки. Словно пробудившись от сна, он неспешно перевел взгляд на друга.

– Да так, переживаю за родителей, – вздохнул Хачатур с сожалением.

Иван удивился беспокойству друга, поскольку знал, что Хачатур недавно справлялся о здоровье родителей, к тому же его семье жилось в Баку хорошо и вольготно. Отец Хачатура работал начальником ЖЭКа.

– Знаешь, Иван, азербайджанцы массово покидают Армению, и это надолго. К тому же они озлоблены, так что рано или поздно в Баку начнутся беспорядки, – сказал Хачатур и снова замолк.

Ивана покорило от слов друга. Он заметил, что Хачатур старательно избегает слова «изгоняются», будто азербайджанцы покидали насиженные места по доброй воле. Иван почувствовал, что Хачатур намеренно замалчивает истинное положение дел.

– Посуди сам, – произнес, наконец, Иван, прервав нависшее молчание, – каково это вдруг оказаться без крова, быть изгнанниками на своей земле. Так не должно быть. Не беспокойся, государство непременно что-нибудь предпримет...

– Что ты заладил, государство, государство...

Хачатур прикусил губу. Слова «Родина» и «изгнанники», казалось, пролетели мимо него.

– Когда это государство решало что-то в пользу армян? – гневно выпалил Хачатур.

Иван удивленно приподнял бровь. Два друга были офицерами Советской армии, которым день ото дня внушали мысль о великой Советской отчизне. Слова Хачатура задели Ивана за живое, он никак не мог понять, чем продиктована неожиданная агрессия его друга.

– Не надо так, Хача, – несколько смягчился Ваня, глядя на взъерошенного от злости Хачатура.

– Как же не говорить?! – гневно возразил Хачатур. – Я очень переживаю. Если Баку всколыхнется, случится страшное ...

– Как быстро запоматовал ты доброе отношение к нам азербайджанцев. Даже если мир слетит с катушек, азербайджанцы никогда не поднимут руку на армян, такое просто невозможно.

Хачатур уставился на Ивана. В глубине его глаз читалась лютая ненависть. Он недовольно мотнул головой, не проронив ни звука.

В комнате воцарилась звенящая тишина. Сокрушенный словами друга, Иван побрел к своей кровати.

– Послушай, Ваня, как ты думаешь, что превыше: национальные чувства или государственные интересы?

– Хача, у тебя и вправду память коротка. Ты же окончил академию на отлично, а не помнишь, что мы не лезем в политику. Национальные интересы вообще не про нас, мы – солдаты страны, стоящие на страже интересов государства.

Иван говорил, чеканя каждое слово, так что возражений быть не могло. Хачатур потирал лицо, нервно тербил нос, с нетерпением ожидая окончания тирады своего товарища.

– Я тебя понимаю, Иван, – процедил он. Впервые за многие годы он обратился к другу детства по имени.

– Ну, вот и прекрасно, – облегченно вздохнул Иван, полагая, что неприятный разговор окончен. Но Хачатур не унимался.

– Дорогой друг, хорошо бы, чтобы национальные и государственные интересы совпадали. Но, выбирая между тем и этим, нужно, не колеблясь ни минуты, следовать национальным интересам.

Иван хотел было возразить, но осекся. Хачатур витал в иных измерениях, и вернуть его с небес на землю казалось делом невыполнимым. Тем не менее, Иван, набравшись терпения, произнес:

– Дорогой Хача, государство – основа общества, не будь его, все перевернется.

– Ладно, ты прав, – сказал Хачатур. – Давай есть, не знаю, как ты, а я голоден.

Стоял 1991 год. Могучая советская империя рухнула. Улучив момент, армяне взялись за осуществление своих коварных планов, вынашиваемых многие годы. Беда вновь постучалась в двери азербайджанцев. Их преследовали, вырезали, массово депортировали...

Советское информбюро предательски молчало. В надежде услышать хоть какие-то вести Ваня и Хачатур включали радио «Свобода», где Мирза Хазар над-рывным голосом передавал чудовищные сводки, раскрывающие масштаб совершаемых армянами преступлений. «Сегодня армяне привязали отца к дереву и на глазах у маленькой дочери заживо сожгли его. Господи, да это же не люди!» – чуть не плакал ведущий.

Ваня понимал, что на Родине происходит что-то ужасающее, не укладывающееся в понимание здравомыслящего человека. От обиды и злости он накрылся с головой в одеяло и выругался.

События вокруг Нагорного Карабаха разрастались подобно снежной лавине. Вооруженные до зубов армянские головорезы один за другим захватывали азербайджанские районы, чиня убийства, мародерничая. Апогеем этой невыносимой жестокости и варварства стала Ходжалинская резня. Кровь стыла в жилах от фотохроники этой трагедии. Ситуация принимала необратимый характер. Ваня не мог поверить, каким образом горстка армян может оккупировать весь Карабах, ведь очевидно, что им было это не под силу. Чем больше думал Иван об этом, тем яснее и очевиднее ему все становилось. Оккупантам явно покровительствовали, причем на высоком уровне. День и ночь думал Иван о Родине. Огонь, охвативший Азербайджан, полыхал в его трепетном сердце...

После долгих раздумий Иван решил вызвать Хачатура на откровенный разговор.

– Хача, тебе ведь известно, что происходит в Азербайджане.

– Ну, известно, и дальше что?!

– То есть как? Ты хочешь сказать, что тебе безразлично? Мы же родом из Азербайджана. Эта земля воспитала нас. Сейчас наша Родина в беде, а мы отсиживаемся здесь, в Москве... – пылко произнес Иван и, взглянув на надменное выражение лица Хачатура, осекся.

– Какое тебе дело, что ты лезешь везде, ты – русский, не азербайджанец же, зачем тебя это так заботит? – гневно выпалил он.

– Брат, – по-детски наивно начал было Иван, – Азербайджан – Родина моего отца и деда, мои предки многие годы жили на этой земле. Вы тоже когда-то обосновались в Баку и жили здесь, как у Христа за пазухой. А вспомни наш двор...

– Ну и что?! Тогда был Советский Союз. Теперь каждый сам по себе.

– Ладно, ты, я смотрю, уперся, как знаешь! Только хорошее забывать не-гоже! – сказал Иван.

Хачатур хмыкнул и недовольно скривил рот.

– Я куплю билет в Баку и поеду домой, – прервав нависшее молчание, продолжил Иван.

В тот же день пути-дороги двух закадычных друзей разошлись – один отправился в Баку, а другой – в Иреван. Иван мечтал поскорее добраться до родной стороны и, созерцая из окна своего купе бескрайние русские степи, думал о Баку и семье...

Когда 23-летний Иван Пантелеев появился у себя во дворе в мундире старшего лейтенанта, казалось, все вокруг озарилось счастьем. Первой его встретила тетя Мясьма. Соседи высыпали из домов. Новость о возвращении Ивана вмиг разлетелась по окрестностям.

– Свет глаз моих, сынок, как ты возмужал, окреп, стал настоящим мужчиной, – глаза тети Мясьмы лучились радостью. Она обняла Ваню, притянула к себе и поцеловала в обе щеки.

– Люба, Люба, Ваня вернулся. Наш маленький Ваня. Полюбуйся, каким он стал! А погоны какие, светятся ярче звезд на небе!

Соседи обнимали и целовали Ивана. Наконец, кое-как вырвавшись из их объятий, он взял под руку мать и вошел в дом. Только здесь Иван позволил себе расчувствоваться. Он бросился в материнские объятия и разрыдался от счастья.

– Сынок, а где же Хачатур? – утерев слезы, наконец, спросила мама Ивана.

– Он решил остаться в Москве. У него там зазноба, одним словом, лучше не спрашивай... А где дядя Ованес и тетя Наири?

– Они теперь не Ованес и Наири, а Хафиз и Наиля, – усмехнулась мама Ивана. Иван поначалу оторопел, но потом прыснул смехом.

– А, ну понятно, боятся...

– Боятся, не без этого.

– А чего боятся-то, они же ни в чем не виноваты...

– Ваня, Ваня, ты же всего не знаешь, армяне такое натворили, не скоро все наладится...

– Что произошло? Расскажи, прошу...

– В армян словно бес вселился, они массово изгоняют азербайджанцев из Армении, убивают, творят неведь что! Несчастные азербайджанцы, брошенные на произвол судьбы, спасаются как могут от рук этих головорезов. А теперь эти изверги замахнулись на Нагорный Карабах. Там льется кровь, сынок, азербайджанцев насильственно выдворяют из родных краев. Армяне захватывают район за районом, лишая людей крова... Отец Ивана сокрушенно вздохнул.

– Ну что ты завелся, дай ребенку хоть в себя прийти с дороги! – возмутилась мать Ивана, разгневавшись на мужа.

– А, ну да, сынок, я как-то не подумал. Послушай, давай позавтракаем, попьем чайку, а потом и потолкуем. Ты, наверное, устал с дороги. Отдохни пока, вечером поговорим. Это долгая история, так сразу и не расскажешь. Видно, армяне давно вынашивали эти коварные планы, не иначе...

Семья села за стол, счастьем родителей не было предела.

А потом отец Ивана решил поинтересоваться планами сына.

– Скажи, сынок, чем ты намерен заняться? Должно быть, вернешься в Москву, да?

– Нет, зачем же?!

– А что ты здесь будешь делать?

– Отец, ты же сам говорил, что идет война. Я пойду на фронт.

– Но, сынок, – еле выговорила мать Ивана Людмила и замерла. Поднос со стаканами чуть не выпал из ее рук. – Ты не осознаешь всего ужаса. Одумайся, прошу тебя. Там резня, понимаешь, резня. Тебе там не место, пойми...

Иван гневно замотал головой.

– Мама, как ты можешь говорить такое?! Разве не на этой земле мы жили столетиями бок о бок с азербайджанцами? Разве не эта земля вскормила и вырастила нас?! Разве азербайджанцы когда-то относились к нам, как к чужакам?! Что же сейчас! Наша хата с краю?! На нашей земле льется кровь, гибнут наши соотечественники, а мы будем отсиживаться в теплых домах?!

Родители Ивана молча опустили головы, не найдя, что возразить.

– Зачем я обучался военному ремеслу столько лет? Я не намерен сидеть сложа руки, когда люди гибнут на войне. Как мы потом будем смотреть в глаза нашим соседям-азербайджанцам?! Скажите!

– Сынок, ты прав, конечно, – сказал отец Ивана, – но позволь нам подумать, может, удастся подыскать нечто иное.

– Ничего подыскивать не надо, я уже все решил. Я отправлюсь прямо на передовую. Пять лет я обучался военному делу, вот и применю свои знания. Видели, как обрадовалась тетя Мясма, увидев меня?!

Понурился, мать Вани ушла на кухню. Обернувшись, она бросила взгляд, полный отчаяния, на своего мужа, но тот подернул плечами, мол, что я могу поделать...

Иван ворочался всю ночь. Едва он закрывал глаза, перед ним возникало молящее лицо матери. Печальные взгляды матери не позволяли Ивану, рисовавшему в своем воображении места будущих сражений, мысленно добраться до поля боя. Только он во главе войска шел на врага, как руки матери обвивали его, точно путы. Порой он мешкал и колебался, но сомнения, подкрававшиеся подобно незримому противнику, тотчас покидали его. Вернее, он гнал их прочь от себя. «Если я не преодолею свои опасения, поражение неминуемо», – повторял себе Иван, точно мантру.

Наутро он проснулся ни свет ни заря. За завтраком Иван старался не смотреть на родителей, словно опасался сдать перед молящими взглядами матери.

...В комиссариате его окинули скептическими взглядами, оглядели с ног до головы, а не ошибся ли этот молодой человек адресом. Но Иван решительно глядел перед собой. В военкомате ознакомились с его документами, прочитали биографию, написанную на русском языке. После этого подозрения сотрудников комиссариата сменились удивлением. Им показалось странным, что русский паренек вызвался на фронт добровольцем, в то время, как русские всячески помогали армянам. И уж совсем им было невдомек, почему, оставив теплое местечко в Москве, этот странный парень приехал в самое горнило, где на каждом шагу его подстерегала смерть. Он вернулся в Азербайджан и собирался воевать за Карабах. Военком набрал номер начальника Генштаба и подробно рассказал о юном добровольце. «Да, товарищ генерал, конечно. Вы правы, товарищ генерал, это пример истинного патриотизма. Конечно, похвально, товарищ генерал. Вы совершенно правы», – услышал Иван обрывки разговора военкома с генералом Салимбейли.

Ивана препроводили к генералу, пожелавшему лично переговорить с новобранцем. Поздоровавшись, генерал Салимбейли подошел к карте, висевшей на стене, и вкратце рассказал юному офицеру о ситуации на фронте.

– Юноша, вот здесь Агдам, а это окрестные села. Путь к ним пролегает у подножия Хачынтепе. Это – стратегический пункт. Наши костыми лягут, но не отдадут его армянам. Но силы не безграничны, наши ряды редеют, поэтому тебе нужно подоспеть вовремя. Сегодня ночью туда будут перекинута боеприпасы и живая сила. Эту операцию я поручаю тебе. Вам придется пробираться через армянские засады. Тебя будет сопровождать толковый проводник, можешь полностью ему доверять. Армяне готовятся к штурму. Вероятно, завтра утром они перейдут в наступление. Вам нужно добраться туда и укрепить оборону. В добрый путь, сынок!

Иван внимательно выслушал боевую задачу. Он уже представлял место высадки, линию обороны и предстоящее сражение.

Генерал Салимбейли горячо пожал руку Ивану. «Служу Азербайджану», – отчеканил юный офицер. Оглядев выправку Ивана, его гордую, уверенную статью, генерал вспомнил годы своей службы. Иван стоял пунцово-красный от напряжения. Что-то подумав про себя, генерал усмехнулся и тряхнул головой. Он проводил Ивана до дверей и попрощался. В ту же ночь Иван добрался до пункта назначения. Разведчик, отправленный полковником Джалиловым, встретил Ивана и рассказал о расположении противника.

... Оставшийся отрезок до Хачинтепе солдаты прошли пешком. Они уверенно действовали при лунном свете, что весьма обрадовало Ивана. Он окидывал взглядом местность, думая, как лучше выстроить оборону. Иван дал указания, и солдаты заняли свои позиции. «Внимательно следите за действиями противника, не упускайте из виду друг друга. Раненые должны быть тотчас заменены, бреши в обороне быть не должно», – скомандовал Иван.

Оборона была выстроена, и солдаты стали дожидаться наступления утра. На рассвете противник перешел в наступление.

«Готовсь!, – скомандовал Иван, – Все на позиции! Не стрелять! Подождем, пока подойдут поближе». Иван невозмутимо следил с макушки холма за движением противника. «У-рр-рр-а-а», – крикнули армяне и кинулись в атаку. И вдруг раздалась очередь, армянские солдаты в первых рядах упали, как подкошенные. Изрыгая ругательства и проклятия, армяне попятились назад.

– За ночь им подоспела помощь. Мы прошляпили! Эй, чего встали, вперед! Не щадите пулю! Бейте собак! – истошно вопил армянский офицер, голос которого показался Ивану знакомым.

– Держим оборону! Не зевайте! Стрелять только в случае приближения противника, – невозмутимо скомандовал Иван.

Армянский командир горланил приказы и суетился. Вдруг вражеский отряд бросился в атаку.

– Сложите оружие, вы в окружении!

Голос армянского командира раздавался где-то совсем вблизи.

И тут Иван сумел разглядеть его лицо. Это был Хачатур. Друг его детства, с которым были они не разлей вода. Тот самый Хача. Забыв обо всем, Иван встал во весь рост. Лицо его расплылось в улыбке.

– Хача, это ты?!

Чувства нахлынули на Ивана, и он совершенно забыл об опасности.

Хачатур удивленно глядел на своего друга, было очевидно, что он несколько не рад этой неожиданной встрече. Иван распростер объятия и двинулся на Хачатуру. Тот замер на мгновение, очевидно, решая, как поступить. Два командира стояли друг напротив друга к удивлению солдат.

Воцарилась кромешная тишина. Иван шел по направлению к Хачатуре, а тот стоял, обуреваемый гневом. Вдруг Хачатур, громко выругавшись, выхватил автомат и изрешетил тело своего друга. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

Иван глядел на своего друга лучистыми глазами, в глубине которых читался немой вопрос. Он рухнул на землю, как срубленное молодое дерево. Его угасающий разум рисовал невероятные картины. Хачатур казался ему ядовитой змеей, обвившей его ноги. Змея ползла по телу Ивана и впилась зубами в его горло. Свет померк в глазах Ивана.

Хачатур стоял над телом друга и словно наслаждался его предсмертной агонией... Его подлое сердце – сердце предателя переполняла ненависть...

Эту историю рассказал мне мой давний приятель, Михаил, родственник Ивана.

Мы давно водили дружбу с Михаилом, так что наши приятельские отношения с этим русским пареньком, как говорится, прошли сквозь годы и лихолетья. Он был родом из Баку, а я – из глухой деревушки на юге. Судьба свела нас после студенческой скамьи, на пороге взрослой, самостоятельной жизни. Он довольно бойко щебетал по-азербайджански. Для меня это был просто Миша. Много общего было между нами – Миша как-то сразу располагал к себе доброй, пересыпанной шутками, искренней речью. После общения с ним на душе становилось светло и радостно. Когда жизнь сгущала краски, насылая заботы и печали, вдруг откуда ни возьмись, раздавался звонок, и на том конце трубки доносился жизнерадостный голос Миши, спешившего поделиться свежим анекдотом. Как правило, героями его баек были лукавый, коварный армянин и наивный, простодушный Ванька. Армянин вечно выставлял русского в неприглядном свете, и тот, раскусив происки подколодного, журил и приговаривал: «Ну и подлец же ты!»

Только отгремели зарницы, еще были свежи воспоминания о войне. В те дни, когда радость освобождения наших земель омрачала горечь утраты бойцов, мне довелось совершенно случайно повстречаться с Мишей на бульваре. Его лицо словно заволокли тучи. Мой словоохотливый друг, не похожий сам на себя, стоял, не шелохнувшись. В глубине его глаз застыла печаль. Я тотчас понял, что произошло нечто серьезное.

– Дружище, ты чем-то расстроен? Что случилось? Никогда прежде я не видел тебя таким грустным... – осторожно поинтересовался я.

Миша молча протянул руку, мы поздоровались.

– Нашли, – наконец прервал он нависшее молчание. – Спустя 28 лет обнаружили. В какой-то яме валялись истлевшие кости скелета. Опознали по медальону на шее.

– Что ты такое говоришь, кого нашли, Миша? Какой еще медальон?

– Да, опознали по медальону. На лицевой его стороне была фотография моего родственника Вани, а на обратной – памятное фото его друга. Видимо, медальон оказался герметичным.

Миша потянулся в нагрудный карман, достал медальон, висевший на тоненькой цепочке, и неохотно протянул его мне. Он нажал на защелку медальона, и на одной его стороне оказалась фотография красивого, статного молодого человека.

– Это Иван Пантелеев, – пояснил Миша.

А на обратной стороне медальона была фотография Хачатура. Выходит, Иван хранил в своем медальоне фото друга детства.

Я глядел на фото молодого, полного жизни Ивана и думал о коварстве и предательстве, сокрушался несправедливости жизни. Лицо Ивана будто говорило: «Предателю никогда не стать другом». Жаль, что доверчивый, простодушный Ваня понял это слишком поздно...

Февраль, 2021 год

РАМИЗ МОВСУМ

АРМЯНСКИЙ ВАНДАЛИЗМ В СОВЕТСКИЕ ВРЕМЕНА

Быль

Стояло весеннее утро 1982 года. Я повел своего пятилетнего сына Эльшада в детский садик №51, который находился в поселке 8-й километр. Во дворе детского садика Эльшад сказал:

– Папочка, вон мой друг Армен, который со своей мамой идет навстречу нам.

Попросив у меня разрешения, Эльшад тут же помчался к Армену. Вскоре, догнав его, я поприветствовал Айкануш, мать Армена, и поинтересовался, как они поживают. Во время беседы она спросила:

– Я слышала, что вы хирург, не так ли?

– Да, это так, – ответил я.

– Доктор, у нас к вам дело.

– Пожалуйста, готов вам помочь.

Пока дети болтали, она рассказала мне о проблеме своего сына:

– Доктор, Армен мочится с большим трудом. Я хочу, чтобы вы его осмотрели.

– Сегодня вечером я буду дома, – сказал я, – приходите, посмотрим. Пожалуйста, вот мой адрес.

Они проживали по соседству с нами. Наш дом находился на улице Насими, а их дом – на улице Рустомова, ближе к почте.

К вечеру Айкануш со своим мужем Кареном и ребенком пришли к нам. Я пригласил их в свой кабинет.

Раздев Армена, я осмотрел детородный орган ребенка. Я хотел перевернуть крайнюю плоть мальчика, но произошел кровоток. Повернувшись лицом к отцу ребенка, я спросил:

– Скажите, до меня вашего сына осматривал другой врач?

– Доктор, мы побывали у многих врачей. Они говорили, что у него фимоз, и поэтому ему необходимо обрезание! Но мы не давали своего согласия. Каждый раз, отблагодарив врачей, фиксировали ему спицу, очищали мочевыводящие пути, но через два-три дня происходило то же самое. Мы в растерянности... Помогите нам!..

– Не исполняя указания врачей, вы довели до того, что от спицы на нижней части крайней плоти образовалась рана, которая при незначительном прикосновении сразу же кровоточит.

Я дал ребенку сосуд, чтобы тот смог помочиться. Потужившись несколько раз, он смог лишь выдавить всего 10-15 капель. Я осмотрел Армена в положении лежа и ниже пупка обнаружил напряжение мышц живота. Я надавил слегка на живот, и мальчику стало больно. Это болел мочевой пузырь, переполненный мочой. Мальчик скрежетал зубами... Чтобы не мучить дальше ребенка, я, повернувшись лицом к его родителям, решительно сказал:

– Врачи были правы. Вы должны были дать согласие на обрезание вашего сына!..

– Доктор, у меня единственный сын, – сразу же ответил Карен. – Он – армянин, крещённый христианин! Я согласен продать свою машину, свой дом, но сделать обрезание никогда не соглашусь!..

– До сих пор ваш сын сильно страдал, но сейчас его страдания удвоились, – настаивал я. – Дело серьезное... Вы немедленно должны сделать обрезание!

После моего упорного настояния они приуныли, а затем, немного помолчав, стали меня умолять:

– Доктор, мы вас умоляем, помогите нам, мы пришли к вам с надеждой, что вы поможете нашему ребенку. А вы, как и другие врачи, говорите о необходимости обрезания.

– У вашего сына нет другого выхода, кроме как обрезание. Поторопитесь, а то пожалеете...

Они чуть ли не плакали. Карен, вытирая слезы, сказал:

– Доктор, родители Айкануш, а также мои родители живут в Мартуни. Посоветовавшись с ними, мы вам сообщим о нашем решении.

Чтобы посоветоваться со своими родственниками, они поторопились в переговорный пункт.

Ближе к вечеру Карен пришел к нам и сказал:

– Доктор, мы сообщили об этом своим родителям. Они пришли в ужас от наших слов и в воскресенье приедут к нам. В этот день я на машине заеду за вами. Будьте готовы...

... В воскресенье рано утром мы поехали на машине к Карену. Их двор был битком набит людьми. При виде меня армяне начали шушукаться между собой. В этот момент Карен с отцом подошли ко мне, и он познакомил меня со своим отцом. Дед Амбарцум посмотрел на меня с явной неприязнью:

– Ара, доктор, это ты?

– Да, это я, – ответил я.

– Ара, ты пришел резать моего внука?

– Дед Амбарцум, – сказал я, – я пришел не резать вашего внука, а сделать обрезание. Ваш сын и невестка пригласили меня...

– Эй, март (*март – братан, арм. разговорное выражение – Авт.*), – сказал он нервно. – Ты напрасно пришел сюда. Мы не позволим свершить обряд обрезания, по нашим обычаям обрезать армянского ребенка не принято!..

Я с трудом объяснил деду Амбарцуму, что если Армену не сделать обрезание, то у него начнется уремия, то есть заражение крови мочевиной, и тогда ребенок может умереть... В ответ он сказал, что даже если внук и умрет, то невестка родит еще одного, лишь бы он не был обрезан!..

К этой шумихе присоединился и отец Айкануш:

– Братец, разговор идет о том, что ты нашего внука Армена хочешь сделать мусульманином...

– Вы ошибаетесь, его нельзя сделать мусульманином, но ему нужно сделать обрезание.

В этот момент выскочил Самвел:

– Да лучше пусть Армен умрет, чем будет обрезан!.. Мой сват прав, его мать еще одного сына родит...

Карен вмешался в наш разговор:

– Ахпар (*ахпар – брат, диалектная форма, использовалось западными армянами – Авт.*), нашему сыну не нужно обрезание, ты можешь идти...

Когда я взял сумку и хотел было уйти, Айкануш преградила мне путь.

– Доктор, вы куда?

– Я сыт по горло колючими словами вашего отца и свёкра, ухожу домой.

– Почему вы не делаете обрезание Армену?

– Ваши родители не дали на это согласия, – сказал я в ответ. – И прошу вас, не связывайте меня в эту передрагу.

Придя домой, я заперся в своем кабинете. Я думал об Армене и жалел о том, что не смог помочь ему... Положив голову на стол, я вздремнул. Не помню, сколько времени прошло, когда я услышан шум во дворе.

Я вышел во двор и увидел, как босая Айкануш кричала возле моего дома. Увидев меня, она стала кричать еще громче:

– Доктор, я вас умоляю, быстро идите со мной, мой сын на пороге смерти, помогите ему. Я выгнала всех, кто пришел к нам в гости, даже Карена. Мой сын мне дороже всех! Я согласна умереть, но Армен пусть живет!.. (Все-таки МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ!..)

Айкануш была не в себе, боясь потерять сына. Я согласился, и мы отправились к ним домой. Когда я увидел, что произошло в доме, то пришел в ужас. В шкафу не осталось посуды, все было поломано и валялось на полу. Когда я шел по гостиной, осколки хрустала от люстры хрустели под моими ногами. Айкануш была вся в крови, ее изодранные руки говорили о том, что она дралась со своими родственниками... И победила!.. Это победу она одержала благодаря бесконечной любви к своему сыну!..

... Я с трудом сделал обрезание Армену. Два дня мальчик спал, а когда пришел в себя, улыбка вернулась к нему. Мать тоже улыбалась вместе с сыном. В детском садике Армен, поблагодарив Эльшада, сказал:

– Спасибо твоему отцу, он мне жизнь спас, а то бы я умер...

Летом дедушка Армена Амбарцум увез своего внука в Мартуни, чтобы тот смог там отдохнуть. За это время мы ничего не слышали об Армене. 1 сентября Эльшада отвели в детский садик, Армен там не появился. 2 и 3 сентября он тоже не пришел. 4 сентября Эльшад пошел к Армену домой и спросил у его матери, почему тот не приходит в садик. Айкануш не смогла сдержать слез и сказала, что Армен умер... Эльшад весь в слезах пришел домой и обо всем рассказал мне:

– Отец, тетя Айкануш сказала, что Армен умер... Узнай, почему он умер?

Я исполнил просьбу моего сына. Позвонил Айкануш, она мне все подробно рассказала.

– Доктор, когда в Мартуни все узнали об обрезании моего сына, они начали упрекать моего отца и даже угрожать ему. Сказали, что в нем нет ни капли армянской крови и что он очернил свое имя. «Ты сделал своего внука мусульманином, тем самым увеличив число мусульман!.. – говорили они. – Поэтому либо ты должен убить своего внука, либо мы убьем всю твою семью!..» Мой отец, под предлогом, что они идут в лес пасти овец, повел Армена к скале и толкнул его в ущелье ...

Все мы были потрясены трагической смертью Армена. Благодаря матери мы вернули его к жизни, но в итоге он стал жертвой армянских «предрассудков»...

Перевод Саадет СУЛТАН

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Базис и надстройка

Взгляд обывателя на события в Казахстане

Сегодня события в Казахстане волнуют многих, особенно людей из бывшего Советского Союза. Попробую изложить свое видение происходящего.

Начну с теории, которая, как известно, дает возможность яснее увидеть проблему.

Главные базовые условия для существования человека – элементарны. Прежде всего – это питье, еда, одежда, жилище. Неужели больше ничего не нужно человеку для жизни? Человеку среднему, ни философу, ни Диогену, который довольствовался бочкой в качестве жилища, всегда всего мало, как правило. Ему требуется гораздо больше. Люди довели до сегодняшнего состояния планету Земля прежде всего из-за своей ненасытности. Стоит лишь посмотреть на некоторых наших сограждан, особенно когда соответствующие органы начинают перечислять их имущество, начинаешь понимать, насколько может быть ненасытным человек. Это и есть тот самый базис – то есть экономическая составляющая жизни общества. То, каким образом мы можем удовлетворять свои самые насущные потребности.

А вот надстройка, вполне логично, является производной от базиса. То есть, весь каркас государства, различные его институты, начиная от законодательных, карающих органов, заканчивая образованием и культурой, являются надстройкой. Чем помпезнее надстройка, тем большая нагрузка на базис. Все наглядно.

Обратимся к классикам Марксу и Энгельсу, описавшим, а вернее вскрывшим природу отношений в обществе:

«Базис общества – это совокупность исторически определенных производственных отношений. Надстройка – это совокупность идеологических отношений, взглядов и учреждений; в неё входят государство и право, а также мораль, религия, философия, искусство, политическая и правовая форма сознания и соответствующие учреждения». «В общественном производстве своей жизни, – писал Маркс, – люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13, с. 6-7).

Чем совершеннее базис, чем эффективнее экономика, тем лучше живет надстройке, государству и всем сопутствующим институтам. Однако не все так просто, по той причине, что экономика может развиваться хорошими темпами, однако производственные отношения (о которых писал Маркс) остаются в кабальных условиях. Условия труда, зарплаты, социальные выплаты, свобода предпринимательства и так далее не только не улучшаются с ростом экономики, а наоборот, в некоторых случаях ухудшаются. А полученные от эффективной экономики дивиденды текут в карманы администраторов, регулирующих деятельность надстройки. Образуется порочный круг, из которого главный создатель экономических благ простой гражданин, несущий на своих плечах, наподобие атланта, всю тяжесть государства, не в состоянии вырваться. Что мы и видим сегодня в Казахстане. И не только в Казахстане.

После того, как миф о справедливом, процветающем коммунистическом рае растаял, как туман, стало очевидным, что такого рода государство – утопия. В государстве, практически любом, граждане не равны. Как иронично заметил Джордж Оруэлл в своем романе «Скотный двор»: «Некоторые равнее других». Большинство рабочих, создающих базис, развивающих экономику, лишены зачастую элементарных прав. Во всяком случае права на нормальную жизнь их лишили те, кто неплохо устроился на верхнем этаже, в надстройке.

У каждого народа свой менталитет, темперамент. Терпение, в общем, положительное качество, тоже разное. У казахов, тех, кто трудится до седьмого пота и все равно живет впроголодь, оно закончилось. Триггером событий явилось повышение цен на сжиженный газ. Это повод, безусловно. Причина – в нищете рабочих на фоне безумной роскоши элиты. Когда созрели «гроздь гнева», то вполне ожидаемы проявления насилия и дикости. Во времена бунта – мародерство, поджоги, вандализм – сопутствующие эффекты. Масса перестает быть управляемой, разумной, а превращается в страшного дракона, которому не стоит попадаться на пути. Так ведет себя в гневе обездоленная часть общества.

А как ведут себя те, кто пользуется созданным богатством? Элита?

Предсказуемо. Для начала необходимо обелить себя, белую кость и очернить народ – чернь. Обозвать людей бандитами (тем более, что есть для этого основания), террористами, новомодным термином – иноагентами. Встать в позу мученика, рассказать, как сложно управлять дикой ордой. И что остается цивилизованной, разумной, думающей о благе народа, элите, если даже после уступок невиданных, неблагодарный народ все еще бунтует. Не прислушивается к призывам иностранных мудрецов встать на колени и просить прощения у мудрых правителей. Что делать? Выход один, обратиться к старшему брату, русскому народу (ну и примкнувшим к ним товарищам) за помощью. Пусть пришлют миротворцев. Тех самых. Нет нужды их представлять. Их деяния общеизвестны.

Трактовка событий разная: от собирания русских земель в границах царской России, до исламского фактора под влиянием Афганистана. От вмешательства коллективного Запада до идеи великого Турана. Не исключаю, что каждая из версий имеет свою доказательную базу.

Тем не менее. Первопричиной, на мой взгляд, является разлом, пропасть между все более обездоленным народом и все более богатеющей и теряющей чувство реальности элитой. У бедных казахов, вышедших на улицы, не было лидеров, что еще раз говорит о спонтанности событий. Такой ход событий грозит многим странам. Тем, кто сидит наверху, в надстройке, стоит помнить, что если низы взбунтуются, то рухнет все государство. Как это случилось около 70 лет тому назад с Советским Союзом.